ДЕТИ СИБИРИ

мы должны были об этом рассказать...

Воспоминания детей, вывезенных из Латвии
в Сибирь в 1941 году, обобщила Дзинтра Гека

1-й том

А—Л

Перевод письма с первой обложки книги

Письмо. 1944 г. 24 декабря

«Здравствуй, дорогой дядя, добрый вечер или утро. Я сажусь за стол со слезами на глазах и с тяжелым сердцем. И не могу рассказать о своих бедах и муках, как мы мучаемся в далекой Сибири. Мы приехали в маленькую деревню, и там была лесопилка. Я с мамой работал – пилил дрова и зарабатывал хлеб, и мама измучилась и заболела легкими, и потом перестала работать, и я один только работал и зарабатывал хлеб, а мама дома шила и зарабатывала хлеб. Но мама стала все больше болеть, и началась чахотка, и мама два года болела и 20 марта 1944 года дорогая мама умерла, и мы стали сиротами. Нету ни матери, ни отца, а здесь много латышей, и многие умерли. Все больше старые и больные. Живем плохо. И сейчас я со своими братьями в детском приюте. Отправили нас в Красноярск. Теперь, известное дело, не так трудно, и только грустно за маму и других добрых родственников, и за папу, не могли бы вы как-нибудь нам помочь или прислать денег, тогда напишите, можете ли вы взять нас домой».

UDK 94(474.3)(092)+929
Si 025

ДЕТИ СИБИРИ
мы должны были об этом рассказать...
724 интервью, взятые за период с 2000 по 2007 год, обобщила **Дзинтра Гека**

Интервьюировали **Дзинтра Гека** и **Айварс Лубаниетис**
Интервью расшифровали и правили: **Юта Брауна, Леа Лиепиня, Айя Озолиня, Маргарита Калнаварна, Майрита Крауле, Ивета Стабулниеце, Майя Тренце, Иварс Вимба**
Редакторы: **Инта Чакла, Вия Югане, Инта Карклиня**
Перевод на русский язык, редактирование: **Жанна Эзите**

Фоторедактор **Айварс Лубаниетис**
Координатор **Санита Бломниеце**

Обложка книги: **Линда Лусе**
Художник **Индулис Мартинсонс**
Макет: **Ванда Войциша**

Отпечатано sia TALSU TIPOGRĀFIJA

Министерство культуры Латвийской Республики

Латвийский Фонд капитала культуры

Рижская Дума

Талсинская типография

LATVIJAS REPUBLIKAS VĒSTNIECĪBA KRIEVIJAS FEDERĀCIJĀ

Посольство Латвийской Республики в Российской Федерации

BIEDRĪBA „LATVIJAS POLITISKI REPRESĒTO APVIENĪBA"

Объединение политически репрессированных Латвии

Latvijas Okupācijas muzejs

Музей оккупации Латвии

ООО «Лачи»

ООО «Сабиедриба Марупе»

Дума Бабитского края

Дума города Вентспилса

Дума города Екабпилса

Дума Елгавского края

Дума Гробиньского края

Дума Кекавского края

Дума города Лиепаи

Дума Прейльского края

Дума Резекненского края

Дума Тукумского края

Полностью имена тех, кто оказал поддержку изданию, смотрите в конце книги.

© Издатель Fonds Sibīrijas bērni
© Дзинтра Гека
© Линда Лусе

ISBN 978-9934-8219-2-9

ДЕТИ СИБИРИ

мы должны были об этом рассказать...

724 детей Сибири Дзинтра Гека и Айварс Лубаниетис
интервьюировали в период с 2000 по 2007 год

1-й том

А—Л

ПРЕДВАРЯЯ КНИГУ «ДЕТИ СИБИРИ»

Голод, холод, страх, насилие, отчаяние и упорство, надежда и борьба за жизнь и собственное достоинство объединяют всех детей трагических событий XX столетия – тех, кто помнит утрату Латвией свободы в 1940 году, две оккупации страны во время Второй мировой войны, депортацию, беженство, вторичную депортацию и вторичное беженство.

Суровые ветры судьбы оставили в сердцах этих детей глубокие шрамы, и пережитое всплывает в памяти как бесконечный гул железнодорожных рельсов, или промозглый холод барака, то как обещанные на завтра картофельные очистки или корка хлеба, но всего явственнее и прежде всего – как жажда человеческого тепла, знаний, игр.

Сибирь или лагеря беженцев в западной зоне, ужасы войны на территории Латвии или где-то в Европе – эти раны и способность залечить их и стать успешными и в своей человеческой сути, и в своей жизни – вот что роднит этих людей.

Я бы назвала святой инициативу фонда «Дети Сибири», как и тех энтузиастов, кто в рамках Музея оккупации или как-то иначе проделал огромную работу по фиксации в аудио- и видеоматериалах, в письменных свидетельствах жизненные истории представителей разных народов, ибо это очень важно для понимания общей истории нашей страны и нашего народа. В своей жизни я попыталась выслушать и осознать рассказы всего лишь нескольких десятков живших в ссылке детей и была бы искренне рада, если бы работа эта продолжалась.

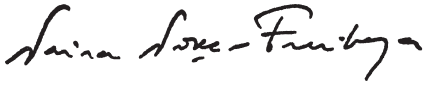
Чем многогранней предстанет перед нами наша история, тем реалистичней и целенаправленней мы будем созидать наше будущее – государство, которое само осознает свои возможности и активно формирует свою повседневную жизнь, а на внешнеполитической арене не даст забыть миру о случившемся, столь трагично и безжалостно изменившем судьбы многих государств и жизнь каждого.

Поражает, как многие из тех, кто прошел через невероятные трудности и испытания, сумели сохранить светлый взгляд на мир, как, пройдя через страдания, закалили характер и волю, как смогли все это пережить, добиться успеха, не поддаться боли и направить все усилия на то, чтобы превратить эту боль в силу, в надежду, в луч света пульсирующего сердца.

Всем нам, каждому своей дорогой, суждено было вернуться в восстановившую свою независимость Латвию. И сегодня наш долг и наша ответственность – продолжать активно собирать и записывать повествования о судьбах людей – это нужно не только для истории, но и для того, чтобы наш народ, выслушав и поняв друг друга, продолжал крепить узы сплоченности.

Рассказы людей, их характеры формируют душу и совесть народа. Как бы ни были рассеяны они по свету, всех их объединяет Латвия. Рассказы о жизни народа – это возведение моста, по которому все могут вернуться домой. В Латвию.

Вайра Вике-Фрейберга
Президент страны (1999–2007)



ПРЕДВАРЯЯ КНИГУ «ДЕТИ СИБИРИ»

14 июня 1941 года из Латвии были депортированы 15 425 жителей (латыши, евреи, русские, поляки), в том числе 3750 детей в возрасте до 16 лет. Мужчин разлучили с семьями и угнали в лагеря ГУЛАГа, где отцы и братья погибли от голода и болезней.

Женщин и детей на условиях спецпоселения разместили в основном в деревнях и поселках Красноярского края и Томской области. Особенно тяжелым был первый период ссылки – годы Второй мировой войны, когда от непосильного труда и голода многие умерли.

Под воздействием лживой пропаганды сосланных называли фашистами, и в условиях священной войны, как пелось в одной из советских песен, к ним и отношение было соответствующее. В нижнем течении Енисея есть место, которое называют Островом смерти, — Агапитово. Осенью 1942 года здесь высадили 700 человек, среди них были и матери с детьми. Весной в живых осталось 70 человек, спаслись шестеро детей, интервью с которыми есть в книге.

В 1946 и 1947 годах, благодаря настойчивости и усилиям работников Отдела детских домов Министерства образования Латвии, более тысячи депортированных в 1941 году детей — в основном сирот и полусирот в возрасте до 16 лет — были возвращены в Латвию, переданы родственникам или размещены в детских домах. Но на этом, к несчастью, их мучения не закончились. Позднее органами власти многие по этапу были высланы на прежние места поселения, откуда на Родину они смогли вернуться лишь в середине 50-х годов. Но еще и сейчас в Сибири живут потомки высланных в 1941 году.

За шесть лет мы проделали тысячи километров по Красноярской, Томской, Енисейской и другим областям Сибири. Сейчас эти люди, оставшиеся там детьми, уже седые старики и инвалиды. У них отняли не только Родину и близких, в результате политики русификации у них отняли и родной язык, многие из них уже не в состоянии изъясняться на латышском языке. Кто-то продолжал жить надеждой, что, по крайней мере, последние свои дни проведет в одном из приютов для бедных в Латвии. Но мечты остаются мечтами, потому что от Родины людей отделяет граница, которую преодолеть не так просто. Из Сибири мы возвращались домой, переполненные впечатлениями, которые произвела на нас удивительная природа этого края, мы везли с собой киноматериалы, интервью, но везли и свои личные ощущения от встреч с людьми. И всегда это были печаль и чувство неизбывной вины... Те, кто возвратился, были счастливы, потому что вернулись на Родину, но одиночество, страдания, голод и нищета, потеря близких – все это невосполнимо. Все это оставило след на жизни нескольких поколений. Каждый рассказ – это рассказ о братьях и сестрах, оставшихся в вечной мерзлоте.

Вторым по численности народом, который пострадал в депортации 1941 года, были евреи. Те, кто спасся, вернулись в Латвию, но их близкие были уничтожены во время Второй мировой войны. В 70-е годы многим из оставшихся в живых удалось выехать в Израиль. Мы беседовали с детьми Сибири и там.

Мы взяли интервью у 670 бывших детей Сибири в Латвии и России, в Израиле и Америке. И почерпнули столько света и столько любви к Латвии, почерпнули надежду и уверенность в будущем нашей страны. И хотим передать это следующим за нами поколениям.

Дзинтра Гека,
основатель фонда «Дети Сибири»

А Список жителей Латвии в возрасте до 16 лет, депортированных 14 июня 1941 года

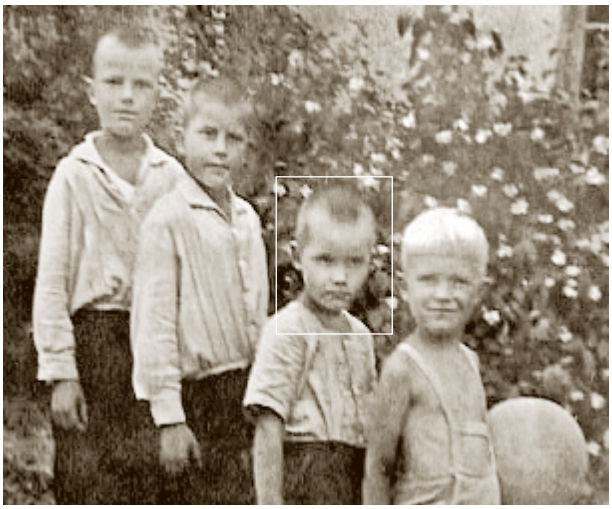
Абела Гуна Яновна	1925
Абеле Эдгарс Жанович	**1931**
Абеле Эдвинс Жанович	**1927**
Абеле Инара Рудольфовна	1933
Абеле Илга Яновна	**1930**
Абеле Валентинс Янович	1926
Абелите Арнис Николаевич	1936
Абелите Нина Николаевна	1925
Аболиня Скайдрите Петровна	1932
Аболиньш Андрис Янович	1938
Аболиньш Арвидс Янович	1940
Аболиньш Эрикс Волдемарович	1926
Аболиньш Гунарс Петерисович	1934
Аболиньш Янис Янович	1936
Аболиньш Янис Петерисович	1927
Аболтиньш Эгонс Эрнестович	**1926**
Абрама Элга Сармите Петерисовна	1938
Абраменко Вера Ивановна	1939
Абраменко Зинаида Ивановна	1927
Абрамс Андрис Петерисович	1939
Аваро Леа	**1928**
Авотиня Хелена Карловна	1929
Авотс Иварс Карлович	1938
Авотс Янис Карлович	1931
Авсея Халина Игнатовна	1937
Авсея Хелена Хенриховна	1940
Авсея Ирена Хенриховна	1934
Авсейс Романс Хенрихович	1937
Адама Инара Пауловна	**1936**
Адама Лаума Арвидовна	1940
Адама Силвия Волдемаровна	1929
Адама Вайра Пауловна	**1938**
Адама Визма Арвидовна	1940
Адамсоне Памона Альбертовна	1937
Адолфс (Адолфийс) Карлис Эдвинс Карлович	1926
Азена Дзинтра Андреевна	1937
Азенс Александрс Андреевич	1925
Албатс Андрейс Хубертович	**1940**
Албинс Язепс Замуэлевич	1936
Алдермане-Элтермане Геня Мирьям Альфредовна	1935
Алдерманис-Элтерманис Фабианс Альфредович	1931
Аленс Андрис Карлович	1940
Аленс Янис Карлович	1937
Алка Лайма Оскаровна	1935
Алка Мирдза Рудольфовна	1931
Алка Рута Рудольфовна	1939
Алкс Андрис Оскарович	**1937**
Алкс Дзинтрис Оскарович	1931
Алкс Лаймонис Юрис Рудольфович	1937
Алкс Модрис Оскарович	**1926**
Алксне Дзидра Мартиновна	**1930**
Алксне Эрна Мартиновна	1928
Алкснис Персийс Эдгарович	1940
Аллажа Дзидра Кристаповна	1925
Алленс Янис Петерисович	1938
Алленс Петерис Петерисович	1940
Алманис Алдонис Янович	1926
Алперс Мейер Перецович	1928
Алтмане Аусма Яновна	**1931**
Алтрофа Инара Артуровна	**1934**
Алунане Алма Аусма Адольфовна	1940
Алунане Расма Адольфовна	1937

Алунане Скайдрите Адольфовна	1935
Алунанс Марис Адольфович	1936
Алуф Фрида Лейбовна	1930
Алуф Бетия Брайна Лейбовна	1933
Амтманис Викторс Арнольдович	1925
Ангена Бирута Карловна	1941
Ангенс Карлис Карлович	1937
Андерсоне Аусма Валдисовна	1937
Андерсоне Бирута Лига Эрнестовна	**1934**
Андерсоне Илзе Роналдовна	1940
Андерсоне Рита Валдисовна	1936
Андерсонс Раймондс Янович	1931
Андерсонс Янис Эдгарович	1937
Андреева Анна Ефимовна	1930
Андреева Мария Григорьевна	1928
Андреева Рута Мария Ефимовна	1927
Андреевс Имантс Ефимович	1925
Андрейка Рита Кишьянисовна	1927
Андренс Юрис	**1923**
Анерауда Айна Анна Оскаровна	1938
Анерауда Гайда Оскаровна	1937
Анерауда Гита Оскаровна	1936
Анераудс Янис Оскарович	1940
Анитане Аустра Эдуардовна	1925
Анитане Луция Эдуардовна	1933
Анкравс Янис Александрович	1936
Ансаберга Лига Мартиновна	1933
Ансаберга Расма Мартиновна	1926
Ансабергс Алдис Мартинович	1928
Ансоне Хилда Вилхелмине Теодоровна	1929
Ансоне Лидия Валентина Теодоровна	1926
Ансонс Андрейс Таливалдис Фридрихович	1938
Ансонс Янис Улдис Фридрихович	1940
Ансонс Леонардс Рихардович	1927
Антмане Илга Вилисовна	1934
Антмане Марите Вилисовна, род. в ссылке	12.03. 42
Антманис Илгварс Вилисович	1938
Антонс Андрейс Николаевич	**1940**
Аншкина Неллия Адольфовна	1932
Апаля Дайла Жановна	1934
Апаляйс Агрис Жанович	1937
Апаляйс Карлис Жанович, род. в ссылке	04.02. 42
Апарниеце Скайдрите Эриковна	1931
Апарниекс Висвалдис Эрикович	1930
Апейня Валентина Игнатовна	1929
Апейня Венеранда Игнатовна	1928
Апейньс Александрс Игнатович	1933
Апейньс Петерис Игнатович	1931
Апине Лаймдота Пауловна	1927
Апсалоне (Апсалане) Эмма Карловна	1934
Апсалоне (Апсалане) Ирма Наталия Карловна	1937
Апсалоне (Апсалане) Милда Карловна	1932
Апсалонс (Апсаланс) Рихардс Карлович	1930
Апсе Артурс Николаевич	1931
Апсе Гунарс Николаевич	1933
Апсе Петерис Николаевич	1937
Апсе Цецилия Екабовна	**1936**
Апсе Марта Екабовна	**1937**
Апсис Антонс Екабович	1939
Апсите Илга Эдуардовна	1941
Апсите Милда Петеровна	1933

Апситис Артурс Петерович	1926
Апситис Улдис Эдуардс Эдуардович	1926
Апситис Викторс Гунарс Карлович	**1931**
Апситис-Озолиньш Карлис Карлович	**1934**
Апсолонс Талвалдс	**1927**
Апт Мойше Мендель Йоселевич	1936
Апт Рафаэль Йоселевич	1938
Арайс Петерис Петерович, род. в дороге	22.06.41
Арайс Улдис Арвидович	1941
Аренсонс Гунтис Янович	1939
Аре Юрис Екабович	1932
Аре Зигрида Екабовна	1925
Арке Дагмара Эдуардовна	**1932**
Арониетис Харалдс Петерисович	1925
Аронович Сара Давидовна	1934
Аронович Арон Давидович	1929
Аронович Шлем Давидович	1925
Аронович Шумил Давидович	1939
Артиский Олег Васильевич	1935
Арума Отилия Юлиановна	1934
Арумс Гедиминс Юлианович	1935
Архипов Александр Семенович	1925
Архипов Павел Семенович	1925
Архипов Владимир Семенович	1933
Арцимович Валентина Павловна	1929
Арцимович Евгений Павлович	1932
Арцимович Юрий Владимирович	1939
Арцимович Викентий Викентьевич	1925
Арцимович Виктор Павлович	1938
Арцимович Петерис Павлович	1931
Асаре Лидия Аугустовна	1929
Асаре Лидия Вилисовна	1926
Асаре Скайдра Аугустовна	1937
Асаре Скайдрите Яновна	**1931**
Асите Айя Екабовна	**1936**
Аситис Янис Екабовна	1934
Атане Ария Мирдза (Татьяна) Яновна	1938
Атане Валия Сподра Яновна	1936
Аугустане Ирма Станиславовна	**1926**
Аугустане Виктория Станиславовна	**1929**
Аугустанс Юрис Станиславович	1933
Аудзе Иварс Александрович	1926
Аудзе Зигрида Александровна	**1928**
Аудре Арнис Аугустович	1929
Аудре Валда Аугустовна	1932
Аузанс Вилис Эдуардович	1926
Аузиня Аусма Аугустовна	1940
Аузиня Винета Аугустовна	**1933**
Ауна Айна София Фрицевна	1931
Аунс Эдвардс Фрицевич	1930
Аустерс Янис Вилисович	1940
Аустерс Валдис Вилисович	1937
Аустриньш Оярс Паулович	1940
Аустриньш Висвалдис Паулович	1938
Ауструма Тамара Витольдовна	**1925**
Ауструма Татьяна Витольдовна	1941
Ауструмс Генадийс Витольдович	1926
Ауструмс-Екабсонс Гунарс Андреевич	1934

ЭДГАРС АБЕЛЕ

родился в 1931 году



Я родился 4 ноября 1931 года в крестьянской семье. Родители жили в «Лиепкални» Циецерской волости Кулдигского уезда. Было у них неполных 50 гектаров земли, 12–15 коров, мелкий скот. В 1939 году отец купил трактор.

В 1941 году выслали всю семью. Приехали на машине, с собой разрешили взять лишь столько, сколько можно было унести. В то время отец исполнял трудовую повинность – строил аэродром в Эзере. Отвезли нас на станцию в Салдус, загнали вагоны для скота. Отца сразу отделили. На станции виделись, и то только через окно. Вагоны были битком набиты, спали, тесно прижавшись друг к другу.

Сначала попали в Красноярск, потом перевезли нас на станцию, которая называлась Клюквенная, потом 30 километров на лошадях в совхоз, где выращивали свиней. В двух комнатушках поселили пять семей – всего нас было 12 человек.

Нас было четверо – мама, я и два моих старших брата. Условия были тяжелые. Мама пошла работать на свиноферму. Я ходил с ней в хлев, поросятам давали овсяный кисель, мы его тоже ели. Вначале было трудно, хлеба давали мало. Мама, сколько удавалось, меняла одежду на продукты. Летом ели крапиву. Но уже в 1942 году посадили картошку, купили козу, через год или два – корову. Сами заготавливали дрова.

В Латвии я окончил только один класс, русского не знал. Через год в ссылке снова пошел в первый класс и доучился до пятого. В 1943 году старших братьев забрали в трудармию, и мы с мамой остались одни. В войну было трудно, но, вероятно, легче, чем тем, кого выслали на Север.

В 1943 году началась переписка с мужчинами, заключенными в Кировских лагерях. Условия там были ужасные – люди просто голодали. От непосильного труда и голода многие умирали. Получили об отце весточку, попытались ему кое-что послать. Он все время просил табак, хотя сам не курил. Но товар ценился, курильщики меняли свой хлеб на табак. Обессилевших, тех, кто уже не мог работать, освобождали.

И отца освободили (в лагере он был зарегистрирован как умерший), и он приехал к нам. Он был небольшого роста, но выносливый – выжил. Но таких было немного. Приехал и двоюродный брат – вот он долго не прожил. А отец, как только приехал, пошел работать в совхоз.

Когда кончилась война, стали думать, как попасть домой. Я вернулся первый. В 1946 году сел в поезд и поехал. До этого я часто ездил в вагонах с углем к братьям в Красноярск, привык. В Москве попал в пассажирский поезд. Приехал в Ригу, стал смотреть, в какой стороне локомотив. Знал, что ехать надо через Даугаву – в сторону Юрмалы. Немного денег было, но на них я купил мороженое. На перрон прошмыгнул, билета ведь не было. Так и ехал на ступеньке вагона.

На станциях спускался вниз. До Салдуса добрался на поезде, надо было еще 13 километров шагать до нашего дома, где жили родственники. Снова пошел в школу, в 5-й класс. В 1947 году вернулись родители и братья. Жили в своем доме, работали в колхозе. До 1950 года, когда нас снова всех взяли: отца и маму из дома, братьев из Казданги, меня из Салдуса. Привезли в Ригу, и снова нас транспортировали.

На сей раз оказались на Севере – в Туруханске. Летом все время было светло, зимой наоборот – солнца не было. Туруханск считался районным

В 1941 году выслали всю семью. Приехали на машине, с собой разрешили взять лишь столько, сколько можно было унести Отвезли нас на станцию в Салдус, загнали вагоны для скота.

Слева: братья Валентинс, Эдгарс, Эдвинс в Сибири

центром, здесь находилась испытательная станция, где работали латыши. Здесь нас и оставили. Нам посчастливилось – отец мог работать, и братья тоже. Я учился в 9-м классе (в России учиться надо было десять лет), мама была дома. Жили хорошо, в магазине был хлеб, сахар. Купили корову.

В те времена обжитыми были только берега Енисея, в том месте, где нас поселили, река была шириной несколько километров. Вниз по течению был остров, где косили сено для скотины. Помню, везде были сетки от мошки. Во время косьбы приходилось на руки надевать и перчатки. Сено домой привозили на лодках.

Окончил среднюю школу, хотел учиться дальше. Чтобы попасть в Красноярск, нужно было разрешение. Отправил документы, а ответа все нет. Но я знал, что 1 августа начинаются экзамены, а добираться надо пять-шесть дней. Только после 15-го получил разрешение, и поехали мы все вместе, кто хотел учиться, – человек пять. Пошел в Лесной институт. На очном отделении экзамены закончились, мог поступить только на заочное. Сдавать надо четыре или пять экзаменов, я их сдал за два дня и меня приняли. А чекисты требовали справку, что я принят. Справку получил, а там было написано, что я принят, а про заочно – ничего, и обратно в Туруханск меня не отправили. Так я остался один, остальные поехали домой. Вместе с еще одним первокурсником нашли жилье. Стипендию получал, из дома присылали – как-никак трое работали. На следующий год сдал все экзамены и перевелся на очное отделение. Чтобы получить общежитие, месяц надо было отработать на его строительстве. Отработал и получил общежитие. Летом поехал в Туруханск. к родителям.

В 1956 году высланных стали освобождать, и я после 4-го курса поехал в Латвию, но в Елгавской академии не было факультета механики. Вернулся, окончил институт в Красноярске. После института меня направили в Томск, в лесосплавную контору, но я приехал в Латвию и пошел в Министерство лесной промышленности. Наврал, что у меня «свободный диплом», и получил работу в Кулдиге – два года работал механиком. Потом позвали главным механиком в Цесис, где и проработал всю свою трудовую жизнь – тридцать четыре года (до 1993-го).

Когда думаю о нашей судьбе – тяжелая судьба. Один раз выслали – выдержали, вернулись домой. Начали все сначала, и второй раз поломали нам жизнь. Мало семей, в которых из ссылки вернулись бы все – дети, мать, отец. Мы вернулись.

Эдгарс в Туруханске, в Сибири

ЭДВИНС АБЕЛЕ

родился в 1927 году

Я родился 27 мая 1927 года в Салдусском районе. Отцу принадлежали 50 гектаров земли. Он участвовал в Освободительных боях в 1919 году. В семье было трое детей – старший брат родился в 1926 году, младший в 1930-м. Вначале я учился в Циецерской школе, а с 5-го класса – в Салдусе.

В 1940/41 учебном году пошел в 7-й класс. Близилось лето, и в школе уже начались экзамены. Но 14 июня приехали вооруженные люди и увезли нас. Явились они в 5 утра и велели собрать вещи. Мама взяла кое-что из одежды, какую-то еду – сало, хлеб. Отвезли нас на станцию Броцены, где уже стояли вагоны. Отца сразу же увели, пообещали, что в конце пути встретимся. Женщин с детьми согнали в вагоны, там были нары. Все день просидели в вагоне, и весь день подвозили людей.

На следующее утро поезд тронулся. Двери были закрыты. Дежурила охрана. На станциях останавливались, так как по дороге к поезду все время цепляли вагоны. У границы поняли, что везут нас в Россию. Ехали три недели. По дороге выдали кирпичик – соленый. Дали ведро с супом, был и кипяток. Труднее всего приходилось людям с маленькими детьми, с младенцами. Еды у матерей не было, дети плакали. Самый мрачный момент был, когда умер ребенок. Мать рвала на себе волосы. На следующей станции трупик забрали. Этот день я вспоминаю всякий раз, когда заходит разговор о высылке.

Из поезда нас высадили в Клюквенной. Тут же нас поделили – кто где будет жить. Нас с матерью отвезли на машине в совхоз за 20 километров. Поселили всех в одной комнате, спали на полу. Надо было начинать работать, есть было нечего. мать работала на свиноферме. Осенью мы с братом ремонтировали там загородки. Свиньям варили околевший скот. Это мясо мы тоже ели. Когда мы с братом получили ружье, стали отстреливать сорок, ворон, их тоже ели. Сами порох делали. Через год наловчились и отстреливали тетеревов.

В 1943 году я пошел в школу. Русский язык я знал. Но когда просили рассказать об Илье Муромце, я знать не знал. Уже в октябре нас с братом взяли в трудармию – отправили в Красноярск. Всю зиму отбивали баржу ото льда. Весной тросом вытащили на берег. Потом меня увезли в Красноярск, зиму проработал в бондарном цехе.

Потом началась мобилизация на рубку леса по берегам Енисея. Кололи дрова для чекистов. Толстую сосну рубили два дня, так как пил не было. Весной вязали плоты.

Двенадцать лесорубов жили в одной землянке, блохи нас там заели. За хлебом ездили в Красноярск. Однажды встали на дороге – лошадь так устала, пройдя 30 километров, что последние десять уже не могла идти. Нс пустили переночевать в село. Распрягли лошадь, сами пошли спать. В пять утра хозяин вошел и сказал, что лошадь околела. Вышли – увидели ветеринара. Доктор написал заключение, и в тюрьму нас не посадили. А могли обвинить в том, что мы сами специально лошадь прикончили.

Еды было мало. Каждому давали 1 килограмм крупы, 1,8 килограмма налима и 200 граммов масла. Хлеба полагалось 400 граммов в день. Летом петлей ловили птиц и ели. На реке, когда шел лед, была мертвая рыба. На другом берегу раскинулась тайга. Однажды чекисты подстрели медведя, нам пришлось

... в школе уже начались экзамены. Но 14 июня приехали вооруженные люди и увезли нас.

помогать тащить его до лодки. Помогли и тайком отрезали по куску, засунули в штаны – так досталось нам мясо.

Бежать смысла не было, далеко не уйдешь. Поймают – тюрьма или отправят на фронт, на передовую.

В 1945 году закончили валить лес, уехали в Красноярск. Я хотел поступить в лесотехнический техникум. Но брат, который работал шофером, узнал, что несовершеннолетних увозят в Латвию. Записались. В Красноярске нам оформили документы. Подошел пассажирский поезд, мы сели, с собой нам дали сколько-то еды. Ехали весело. Тех, у кого не было родных, направили в детский дом. Но мы ехали к себе домой, где хозяйничала сестра отца, ей дали 30 гектаров отцовской земли.

Младший брат с мамой и отцом, буквально истлевшим в лагере, вернулись в 1946 году. Я попросил землю, дали 15 гектаров, хозяйничал. Отца избрали председателем колхоза. Брат (в 1947 году) и я (в 1948 году) поступили в Каздангский техникум. Учился на агронома. Настал март 1949 года, и нас обоих взяли из школы, чтобы снова выслать как якобы незаконно вернувшихся на родину.

По многим тюрьмам прошли. Но вся семья была вместе. Выслали нас в Туруханск – на крайний Север, где были только охотничьи хозяйства и рыболовецкие колхозы. Нам повезло – оставили нас работать в колхозном центре – на испытательной станции. Там я проработал до 1959 года. В 1953 году подал заявление в Ачинский техникум на заочное отделение. Окончил, но начальство дальше учиться не отпускало. Но снова повезло – послали меня доставать трактор, а я заодно поступил в институт. Раз в год на сессию ездить мне разрешалось.

В 1956 году брат вернулся в Латвию. Я остался, хотел окончить институт в Новосибирске. Остальные тоже вернулись домой (в Кулдигу) и взяли с собой двух моих детей. Сам я приехал в мае 1959 года.

Сибирь

ИЛГА АБЕЛЕ

родилась в 1930 году

Мы жили в Цесисском районе, в «Лаздулеяс». Нас было пятеро: отец, мама, сестричка, я и бабушка. Мне было 11 лет, я окончила два класса.

14 июня 1941 года в четыре или в половине пятого утра к дому подъехала машина, незнакомые люди нас разбудили, велели собираться. Отца усадили за стол и стали допрашивать. Один из чужих сказал, чтобы мы ничего с собой не брали, другой сказал, чтобы взяли все, что можем взять. Мама в растерянности бегала по дому, вначале схватила сумочку, потом оказалось, что это зонтик. Сестра что-то взяла – один из пришлых был подобрее, посоветовал взять с собой теплые вещи. Приказали сесть в машину, отца забрали, так мы его больше и не видели. Когда поезд по дороге в Сибирь останавливался, женщины бегали вдоль вагонов, искали своих мужей. Через 10 лет мы узнали, что отец умер через восемь месяцев – в феврале 1942 года.

Поезд вез нас две недели. В пути кормили хорошо. Помню – был вкусный рисовый суп, картошка и копченая колбаса. В вагонах было тесно, вагоны были для скота. Отвезли нас, кажется, в Абакан, в деревню Ношино. От смены климата у нас с сестрой болели ноги и глаза. Там прожили год. Мама работала, все заготавливали дрова. Потом снова повезли. Мама надеялась, что домой. Но нас отвезли в Тутончаны, где находилась фактория. Высадили и велели со всеми вещами идти вверх по речке Тутончане. Трудно было идти 300 километров по берегу, а потом еще 20 в глубину тайги. Шли, шли, пока не дошли до озера. Озеро большое – три километра в ширину и 12 в длину. Построили себе что-то похожее на дом – надо было где-то жить. И там мы прожили год, но так как местные власти считали, что дети должны учиться, нас отправили обратно в Тутончаны. Мама осталась на озере. Так продолжалось до 1946 года. Люди ловили рыбу, мучились, но вывозить рыбу было некому, и так она там и гнила. Оказалось, отправили нас туда совершенно зря... Потом людей оттуда вывезли. Местные относились к нам очень хорошо. И не страшно, что вначале мы не говорили по-русски. О людях ничего плохого сказать не могу. Но в комсомол нас не приняли. А молодым так этого хотелось! Чувствовала себя отвергнутой. Сейчас, в наши дни, никто никого ничем не попрекает.

С 1946 года жили в Туре. Сестра в Латвии окончила семь классов, я кое-как окончила там шесть классов. Еще два года училась в колхозе на ветфельдшера. По этой профессии, правда, не работала, так как надо было ехать в факторию, а мама уезжать никуда не хотела, потому что мы к тому времени купили небольшой домик. Работала машинисткой, потом на строительстве. В 1957 году вышла замуж за Ивана Григорьевича Грушевского. В том же году мама умерла – у нее было высокое давление. В 1959 году уехали с мужем в Бурятию, в Гусиноозерск. Решила – буду работать в шахте, но не получилось, так как там было сокращение. Поселились в местном лесхозе. Работали, растили детей. У меня их трое.

Сестра мужа жила в Енисейске, в 1970 году и мы переехали туда, так до сих пор здесь и живем. Сначала работала уборщицей в профтехучилище, потом комендантом. Училище выделило мне квартиру, так и живем. Это моя третья квартира. Когда приехали, жили у хозяев, но там было шумно, и мы ушли. Училище нам сразу выделило комнату и кухню. На пенсии я с

14 июня 1941 года в четыре или в половине пятого утра к дому подъехала машина, незнакомые люди нас разбудили...

1983 года, но работала до 1991 года. Получаю пенсию, правительство кое-что добавляет к пенсии.

Сейчас ноги болят, кости деформируются... Сейчас хожу как будто хорошо, а вначале было совсем трудно. Все эти беды оттуда, из ссылки. Я и лес пилить ходила, и на реку сплавлять, а сапог резиновых не было. Надевала кирзовые, ноги всегда мокрые, вот и начался ревматизм. Старой я себя еще не чувствую, только ноги болят, на костылях ходить приходиться...

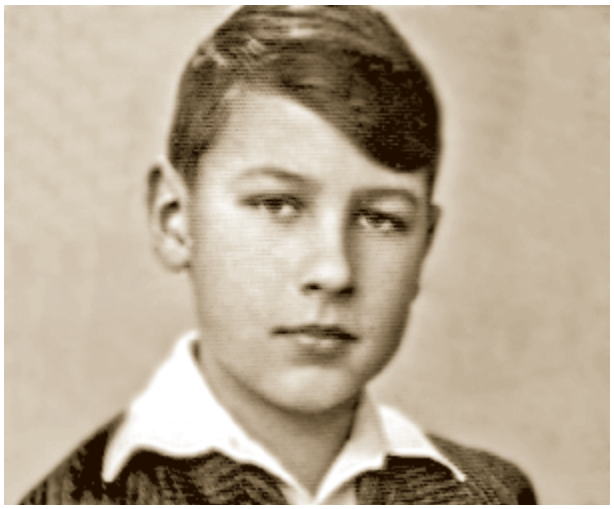
В Латвии побывала в 1972 году, поехали туда, где когда-то был наш дом. Ничего не нашли. Одни развалины, и места того не узнать... Нам говорили, что телят на том месте пасут. Когда жили в своем доме, у нас было 19 гектаров земли, это было немного. Выслали нас, вероятно, потому, что отец был полицейским, следил за порядком. Никакими богачами мы не были, и дом у нас был небольшой.

О том, чтобы переехать в Латвию, и не думаю. Сестра вернулась. Она вышла замуж за латыша, жила в Цесисе. Не знаю, жив ли еще муж сестры. Сестра умерла в 1986 году, было ей 62 года. Маме было 64, когда она ушла от нас. В Латвии была раза три, и с детьми тоже. Внучка вот в Латвии не была. О том, что в 1946 году высланных детей увозили в Латвию, мы даже не слышали. Сестра уехала только в 1960 году, и там нас даже некому было бы встретить. Мама хотела уехать в Латвию еще в 1957 году, но тогда еще нельзя было. Уезжать разрешили только в 1958 году.

Латвию иногда вспоминаю, хотя воспоминания смутные – все-таки было мне одиннадцать лет. Помню дом, все, что находилось в комнатах, дорогу, которая вела к дому, горку и березовую рощу... Но когда приехала, ничего не было... Сейчас хорошо и в Енисейске. Почти родной город.

Когда ездила в Латвию и недолго пожила там, хорошо говорила по-латышски. А вот сейчас, когда смотрю новости по телевидению, латышский текст понимаю плохо.

В Казачинске, в Сибири



ЭГОНС АБОЛТИНЬШ

родился в 1926 году

Я родился 18 сентября 1926 года. Учился в 4-й основной школе, потом во 2-й государственной гимназии, в подготовительном классе. Отец, Эрнестс Аболтиньш, был прокурором Судебной палаты, мать – домохозяйка.

13 июня 1941 года вечером я был с друзьями в Опере, смотрели «Банюту». Пришел поздно, читал Фейхтвангера «Братья Лаутензак». Внезапно в дверь резко позвонили. Еще и еще... Отец произнес: «Вероятно, за мной» и пошел открывать. Он вернулся с тремя сопровождающими в штатском, зашел и военный с винтовкой и насаженным штыком. Один из них был латыш. Сказали, что наша семья в связи с политической ситуацией высылается из Латвийской Республики в Россию. Маме посоветовали взять с особой вещи, которые могут пригодиться в дальнейшем. Сказали также, что жить будем вместе, отец сможет работать, я – учиться.

Мама от волнения не могла сообразить, что делать. Один из чужих сказал, что 50 килограммов на человека можно взять. Пошли даже навстречу – разрешили в сопровождении латыша сходить к маминой сестре на улицу Медус, где у нас хранились деньги – 200 латов или рублей.

Наконец посадили в грузовик. На улице Слокас захватили начальника полицейского участка Гарозиньша. Приехали на станцию Торнякалнс-товарная. Со всех сторон подъезжали грузовики, в которых были красноармейцы и растерянные, перепуганные люди...

Привели на станцию и велели грузиться в вагоны – для скота. В нашем вагоне находились и такие известные люди, как мадам Беньямин, на ней было платье, напоминавшее вечернее. Была мадам Столыгво с мальчиком лет пяти и двухлетней девочкой. Волдемарс Либрехтс с матерью – тоже из дома Беньяминов. Предсказатель Финк. Когда люди его узнали, окружили, стали задавать вопросы – как он здесь оказался, разве не предчувствовал, что теперь будет? Финк сказал, что может предсказывать только чужую судьбу, но не свою, но что-то плохое он предчувствовал. Мы удивились – он захватил с собой ватные штаны, ватник и валенки. Утром, около десяти, мужчин и мадам Беньямин из вагона вывели. Я хотел пойти с отцом, но не разрешили. Высаженных куда-то увели, и больше я отца не видел.

И начался наш путь на Восток. Дали нам соленую воблу. Начались проблемы с естественными надобностями. Для этих целей в стене, со стороны раздвижной двери, соорудили квадратную дыру, 15х15 см. Стыдно было ужасно. Потом это место отгородили простыней. Особенно мучились женщины. Еще до границы мне дали ведро для воды и выпустили. Вероятно, я мог бы убежать, но такая мысль даже не мелькнула. Ждали, что отец нас встретит, да и маму не мог бросить, всем надо быть вместе. До Москвы доехали довольно быстро, кажется, на Урале узнали, что началась война. Это вселяло надежду, что эшелон повернут обратно. Навстречу – в сторону Европы – шли военные эшелоны с солдатами, пушками, танками.

Приехали в Красноярск. Оттуда нас повезли в Канск – в районный центр, где поселили в каком-то клубе. Все ждали, что здесь, наконец, к нам присоединяться мужья и отцы. Не дождались. На грузовиках повезли в центр Абанского района, откуда нас развезли по окрестным колхозам и совхозам. Мы оказались в совхозе Мачино. Барак наш находился далеко от совхозного

Сказали, что наша семья в связи с политической ситуацией высылается... Мама от волнения не могла сообразить, что делать.

центра. Работать приходилось в поле. Меня посадили на телегу кучером – возить хлеб.

Вначале местные относились сдержанно, а потом уж те, что постарше, приходили, рассказывали о своей жизни: как они ненавидят советскую власть, как ждут конца войны и победы немцев, когда начнется новая жизнь. Мужчины из села были на фронте. Молодежь относилась к нам с любопытством и критически. Както раз подъехал я к сараю на своей лошади, за мной следом – паренек моего возраста и, не сказав ни слова, отвел мою лошадь в сторону, подъехал на своей. Разозлился я сильно – отвел в сторону его лошадь, вознице заехал в ухо. Мальчик покраснел, заплакал и убежал. Все это не имело последствий, вероятно, женщины, бывшие свидетелями происшедшего, сочли мой поступок справедливым.

Женщины работали на веялке – работа тяжелая, пыльная. Помню, зимой нам нечего было надеть на ноги. Нам разрешили из барака переселиться в комнаты местных. Теперь мы жили вместе еще с тремя женщинами. Одна из них мадам Гарозиня. Две другие из села, очень умные и интеллигентные женщины. Хорошо владели русским языком. Я брал в библиотеке Джека Лондона, и они помогали мне переводить. Так понемногу освоил русский язык.

Валенок у нас не было, но мама из отцовских брюк и подушек пошила чоботы. В жизни так тепло ногам не было! Мы с мадам Гарозиней, молодой сильной женщиной, пеклись об остальных. Ночью заготавливали дрова – изрубили на дрова плетень из сухих березовых кольев. Те, кто не работал, получал по 400 г горького тестообразного хлеба. Простыни и разные вещи меняли на молоко и продукты у местных.

Надо сказать, что занимались и воровством. Рядом с нами жила сторожиха. Когда слышали, что она вернулась домой, бежали бегом в сушилку, проделывали ножом дырку и насыпали полную наволочку овса. Наши дамы сушили зерно, я из березового полена сделал толкушу – шелуха слетала, и получалась хорошая овсяная каша. На голод жаловаться не приходилось.

В начале лета нас снова собрали – посылают еще дальше на Север. Пешком шли несколько дней, вещи везли на телеге. На стоянках разжигали костер, пели песни. Потом нас посадили в столыпинские вагоны и отвезли в Красноярск. Латышей там было полным-полно. Потом перевезли на лихтеры. Большинство были молодые люди. На нашем лихтере был еврей Орков и Круминьш – у них был аккордеон. Они играли, молодежь танцевала.

Меня послали на Игаркский леспромкомбинат, складывать доски в штабеля. Летом случалась и жара под 30 градусов, воздух влажный, кругом болота... Работа нелегкая – доски и брусья из лиственницы тяжелые, а штабеля высотой в четыре метра. Двое поднимали, двое затаскивали. У меня начал болеть крестец. Так и осталось на всю жизнь – иногда посреди улицы вдруг схватит такая боль, что шагу не шагнуть.

Осенью стали разгружать американские пароходы, которые доставляли в Игарку продукты и разные товары, обратно везли лесоматериалы. Мне было 15 лет. Никогда не приходилось так тяжело работать – по утрам еле сползал с кровати. Походишь, подвигаешься, разомнешь кости, и все сначала. Потом как будто привык, но нагрузка была страшная. Да и есть все время хотелось. Если случалось добыть мешок муки, ели сухую. Чуть позже добрались до бочек с маслом. Тайком, в порядке очереди, ели его с мукой. Добывали сахар – грызли в туалете.

Потом работал на судостроительном заводе в Игарке. Строили лодки кавасаки и катера. Научился ловко обращаться с топором. Зимой надо было ремонтировать стоявшие на стапелях баржи и пароходики. Место работы находилось километрах в четырех-пяти от дома. Согреться можно было только в курилке. На работу не выходили, если было минус 45 градусов. Руки деревянные, доски промерзают и просто трескаются...

Чтобы натопить помещения конторы и директорскую квартиру, ездили в лес за дровами. Заготовлены они были с лета, но двухметровые промерзшие бревна были тяжелые – шагали по пояс в снегу. Впрягались в санки и тащили четыре-пять километров дважды в день... Тяжко было. А директор в своих санях с кучером приезжал нас проверять. Колея узкая, и нам всегда приходилось уступать ему дорогу. Случалось, наши сани опрокидывались, и приходилось снова грузить – как крепостные в помещичьи времена.

Нам выдавали 800 граммов хлеба – кирпичик из замазки. Давали еще 750 граммов масла и 800 граммов сахара. Иногда удавалось что-нибудь продать и купить хлеба. Стены барака были насыпные, из опилок. Но зимой и стены, и потолок покрывались инеем. По ночам регулярно нападали батальоны клопов.

В 1946 году детям, которым на момент высылки не исполнилось еще 14 лет, выдали листок с фотографией, что давало право возвратиться в Латвию. Я тоже хотел уехать, но на работе не отпустили. Решил бежать, ко мне присоединился и Петерис Коценс.

Слева: отец Эрнестс, Эгонс, мать Мета в Латвии

Из каблука старой галоши вырезал печать, чтобы поставить на второй бумажке, закорючка подписи на которой удостоверяла, что я выписан. Знакомый в порту помог достать билеты, занесли вещички на пароход. В качестве сопровождающих сели на пароход и остались. Посреди ночи сошли в какой-то деревне в 50 километрах от Красноярска. Лил дождь, берега крутые, вокруг грязь. Утром отыскали латышку, чей адрес у нас был: она нас покормила и разрешила переночевать на чердаке. Потом автобусом добрались до Красноярска, где знакомый уже купил для нас билеты на поезд.

В дороге познакомились с двумя легионерами, которые ехали из Норильска.

В Новосибирске с одним из них вышли осмотреть вокзал. Только вышли – смотрим, поезд двигается. Попутчик был поспортивней, вскочил в последний вагон. У меня на ногах были американские ботинки, на мне теплая одежда – не очень-то побежишь! Вернулся на вокзал, люди сочувствуют – ни денег у меня, ни еды. И вдруг вижу – в окно мне машут: «Ты куда пропал, Эгонс?» Оказывается, мы догоняли пригородный поезд. Сел в вагон и понял, что такое счастье. Билеты были у него, но он телеграфировал, что отстал от поезда. Ждали мы его в Москве, потому что и билеты в Ригу были у него, а приехать он должен был на следующий день. На вокзале без билетов находиться было нельзя, и мы мерзли всю ночь возле Рижского вокзала в каком-то ящике из-под товаров...

А пока мы с Петерисом Коценсом приглядывались к московским контрастам... Метро – роскошь, а люди кто во что горазд. Милиционер в сапогах, брюки с лампасами, на голове папаха, на руках перчатки белые... Тут же на бетонном полу кто-то прикорнул – голова на первой ступеньке, сам грязный, штаны на заду протерты, блестит грязное тело... На следующий день сели в рижский поезд. Я поехал к тетке в деревню. Отцовский дом был возле Алои. Две женщины, старые девы, и какой-то старик перебивались кое-как... Работать пришлось много – приходили домой, уже луна светила. Тетушка сама убирала рожь серпом. Меня приставили вязать снопы. Адское занятие... Зимой ездил в лес.

Родственник одноклассницы моей Инары был в Риге какая-то шишка, чуть ли не комиссар внутренних дел. Тетушка пробовала уговорить родственника, чтобы он помог. Мы приехали в Ригу, нас приняли в его квартире на улице Марияс и в Министерстве внутренних дел тоже. Там меня дотошно обо всем расспрашивали и дали надежду, что все устроится.

В 1950 году на зимние каникулы поехал в Ригу, встретил свою Инару и в радужном настроении возвращался. Прибыл в Валмиеру, в отдел внутренних дел, а там мне говорят: «Мы вас уже искали». И сообщили мне, что я вернулся нелегально, тут же на месте составили протокол. Мое личное дело уже распухло. Оттуда меня отправили в тюрьму, в бывший Валмиерский дом труда. Настроение похоронное. Волосы сбрили, прошел через все процедуры. Наутро привели заключенного в фуфайке и в валенках. Он предложил поменяться на мои американские ботинки, но я не согласился. «Ну, ну, – пригрозил он мне, – смотри, окажемся в одном вагоне, тебе крышка!»

Через неделю сообщили, что отправляют меня этапом. Из Ленинграда пришел поезд со столыпинским вагоном. В нем были такие, кто бился в истерике, кричал, катался по полу. Подумал – конец мне!

В Риге снова в пересыльную тюрьму. Завели в камеру. Покрутился я, и вдруг голос: «Эгонс, а ты как здесь?!» Оказалось, знакомые из Игарки, которые тоже каким-то образом добрались до Латвии. Навестила меня Инара, она училась в медицинском, знала, что нас уведут ночью... В колонне, под конвоем, с собаками. В вагоне нас было 40 человек. Спали посменно. На улице январь – холодно, стены в инее. В вагоне были только мужчины. Но в других вагонах было и смешанное общество, с семьями. В одном вагоне была и жена комиссара Алксниса, бабушка Виктора Алксниса. Был даже доктор, кажется, Озолс – в юности учился он где-то в Омске. Во время

революции уехал в Китай – там была хорошая практика. А старость решил доживать на родине, но по глупости решил ехать через весь Советский Союз на поезде... Дальше Москвы не доехал, взяли как засланного агента... В 1937 году побывал в лагерях, и вот взяли вторично.

Там были всякие... Комиссар конной армии Буденного, еврей, который все время хвастался своими сексуальными победами в занятых селах, через которые они шли со своей армией... Нас заставили обеспечивать топливом все остальные вагоны. Мы и себя не забывали и не слишком мерзли.

Красноярская тюрьма... Снова параша и суп с селедочными головами.

Канская тюрьма, Абан. Там нас рассортировали... Ночью повезли дальше на лошадях. Завели в какой-то русский дом. На всех одни валенки – по очереди надевали и бегом за угол, уже желтый...

Меня снова затолкали в барак... Длиной метров 15, шириной метра три. Со всех сторон смотрят закопченные лица... Тебе выделен метр площади, устраивайся со всеми вещами. Забрался на третий этаж. Там были и латыши, выпущенные из лагеря. Окончательно деградировавшие. Сохранился инстинкт выживания... Если появлялась надежда что-нибудь получить, глаза у них загорались... Всех локтями готовы был растолкать, вырывали, хватали...Может быть, за счет этого инстинкта они и выжили...

Мне весь день приходилось бегать по лесу, от сосны к сосне, делать надрезы в коре. Ближе к весне под поваленными деревьями таял снег и внезапно ты оказывался по грудь в воде... И так до вечера... Весной в стволе делал два надреза, которые назывались усами. Когда становилось тепло, их них сочилась смола. Женщины потом ходили собирать. В жару снова мучения – комары, оводы, мошка. В лесу температура около 30 градусов, на голове сетка, руки перевязаны. Но мошка и тут пробирается, и к вечеру все равно живого места на тебе нет.

Работал я там и плотником. Потом мама вызвала меня в Игарку. Она работала в сплавной конторе кассиром и бухгалтером. Я перешел в Леспромкомбинат, в Игарке поступил в 10-й класс вечерней школы. На комбинате работал электриком.

В Игарке мы жили в Волчьем Логе. Там было опасно, потому что селились там и те, кто вышел из тюрьмы. Но было и много русских интеллигентных людей, с которыми было приятно общаться. В Игарке высшего учебного заведения не было. Попытался поехать в Красноярск, но мне ответили, что им нужны рабочие, образованных у них и без меня хватает. Потом ссылку «сняли», и мы уехали в Красноярск. Лева Рабкин в наше радио вмонтировал короткие волны, и мы слушали «Голос Америки» и другие передачи.

Справа: отец Эрнестс, мать Мета, Эгонс в Латвии

Снял жилье, пошел работать на Сибирский завод тяжелого машиностроения. Поступил в Сибирский лесотехнический институт. Занятия проходили вечерами, учился ночью. А утром снова на работу. Потом времена изменились, и мы смогли вернуться в Латвию. Получил прописку – помогла знакомая, но жил я в «колонии беседок» – в летних будках на огородах. Только позже получили свидетельство о смерти отца. Когда я знакомился с его «делом», прочел: «Эрнестс Екабович Аболтиньш осужден 8 апреля 1942 года по статье 58, параграф 13 Уголовного Кодекса РСФСР или Уголовного Кодекса Латвии за активную борьбу против рабочего и революционного движения. Приговор: расстрел с конфискацией имущества». Его реабилитировали, так как «в действиях Эрнестса Аболиньша не обнаружено состава преступления, и он реабилитирован. Находился в заключении в Соликамске, Пермской области, месторождение Усольлаг с 14 июня 1941 года по 10 мая 1942 года».

Встретил человека, который находился с моим отцом в лагере и помнил, что произошло. Отец возвращался из столовой, упал и умер. Одежду сняли товарищи по лагерю – им она была нужнее. Его зашили в мешок, и у ворот зоны большим кузнечным молотом раздробили голову. В какую яму бросили, он не знал. Таков был порядок...

ЛЕА АВАРО (ХОФМАНЕ)

родилась в 1928 году

Я родилась в Эстонии, в маленьком городке Тырва, в 30 километрах от Валги. Здесь же мы с братом и сестрой ходили в школу, где мамина сестра работала учительницей. Жили в доме, который отец со своими родителями и маминым отцом сами построили, на первом этаже у отца была обувная мастерская и магазин тканей. Я училась балету – это была не балетная школа, а просто группа – каждую неделю фрейлейн из Тарту приезжала учить нас. В дальнейшей жизни это очень мне пригодилось.

В 1940 году нас выселили из дома, а в наш дом вселились офицеры с семьями. Хорошо, что на окраине города у нас был дачный домик. Мебель поставить было некуда, она стояла в сарае, что где. Прожили мы там год. В 1941 году сестра закончила 1-й класс, я – 6-й, брату в то время было 15 лет, и он учился в средней школе. И вот пришел этот день – 14 июня 1941 года. Отец болел – недели за две до этого он поднял что-то тяжелое, и у него открылась язва желудка. Он так и остался лежать в поле, потом его отвезли в город. Утром мама разбудила всех троих. Солдаты перерыли шкафы, под кроватями, везде совали свои штыки. Милиционер – это был эстонец из Валги – сказал маме, что папа уже арестован, а мы все должны ехать в Валгу, там начнется следствие. Мама ответила, что поедет одна, незачем туда ехать детям. Милиционер возразил – ну как же можно детей одних оставлять! Мы пробудем там неделю или две, можно взять с собой кое-что из белья, возможно, придется пойти в баню. Мама удивилась – неужто мы такие грязные, что надо будет идти в баню? Он велел взять и маленький чемодан. На что мама ответила, что нет у нее маленького чемодана. Он сам увидел на шкафу два чемодана – большой и маленький. Передал маме маленький. Побросали в него что-то – чулки, платья, погода была теплая, пальто не взяли. Подъехала машина – «виллис», из нее вышел офицер НКВД, увидел, что из дома выходит женщина с тремя детьми и маленьким чемоданчиком, и обратился к милиционеру: «Вы сказали, куда они едут?» На что милиционер ответил: «Нет». Тот скривился и нехотя сообщил, что нас высылают в Сибирь – навечно. При этих словах мама потеряла сознание. Нам велели собрать вещи. Соседка и мамина сестра помогли найти зимнюю одежду. Запихнули все в мешок – пальто, шапки, сапоги, фетровые сапожки – были тогда такие. Брат взял из альбома несколько фотографий, отрезал небольшой кусок мяса на дорогу. Нам из деревни привезли большой кусок, но, растерявшись, мы взяли лишь кусочек. Вещи наши закинули в грузовик, самих посадили в легковушку. Мама заплакала, милиционер накричал – чего вы плачете, стыда нет, цивилизованные же люди. Сначала отвезли нас в Ратушу, мы видели, как арестованных мужчин вооруженные люди запихивают в автобус. Потом нас автобусом доставили на станцию Пука, перед Тарту, велели садиться в вагон. Встретили отца, он меня обнял и поцеловал в лоб – это был прощальный поцелуй, так как обычно эстонцы очень сдержанны, никогда не обнимаются и не целуются.

… сообщил, что нас высылают в Сибирь – навечно. При этих словах мама потеряла сознание. Нам велели собрать вещи.

В Валге эшелон остановился, нам разрешили выйти, и мама пошла в магазин. К нам подошел отец и попросил хлеба. Ему с его язвой надо было что-то съесть. Я сказала, что хлеба у нас нет, у нас его действительно не было, отец повернулся и ушел.

Поезд тронулся, миновали черно-красные пограничные столбы, мама плакала. В дороге узнали, что началась война, – это была радостная весть. Не

верили, что нас увезут. Были уверены, что взорвут или мост, или рельсы. Но ничего такого не случилось, и нас увезли. Навстречу шли эшелоны с солдатами, уже шла война. Следующий за нами эшелон – там были мужчины – остановился рядом, мы стали переговариваться, было весело. Мы, дети, не понимали, что происходит. Нам было даже интересно.

В дороге давали хлеб – «кирпичик», нам он не нравился. В этом же вагоне ехала моя подруга из класса, подруга из балетной группы, учительница со своими тремя малышами – двух, семи и десяти лет, с одним маленьким чемоданчиком. Это было ужасно. Ехали медленно, пропускали идущие навстречу эшелоны с солдатами, с этими бедными мальчиками.

Остановились где-то под Омском, станция называлась Чаны, нас выпустили на базарную площадь. Мы, дети, залезли под столы, другие остались под открытым небом. Были ли там люди из других эшелонов, не знаю, в нашем эшелоне было 78 вагонов. Какой-то парень играл на аккордеоне, вокруг него собралась толпа и подпевала. Подошел кто-то из охраны, по-русски сказал, что играть можно, а петь нельзя. Слов он не понимал, поэтому запретил петь. У кого-то оказался мяч, мы играли.

Потом подошли повозки, и людей начали развозить по колхозам. Мы ждали своей очереди. Потом те, кто уехал, стали возвращаться. Мы обрадовались, решили – что-то случилось. Но всех нас снова затолкали в вагоны, ехали стоя, сесть было невозможно, столько было народу. Кое-как примостились на полу. Гадали – в какую сторону поедем: на восток или на запад. Поезд двинулся обратным ходом. Мы обрадовались, но оказалось, что это только маневр, и поезд повез нас дальше на восток.

Уже на станции Чаны у многих начался понос. У туалета всегда выстраивалась длинная очередь. Мама таскала из костра уголь и давала нам. Это помогало. Не помню, чтобы мы мучились с животами.

На барже отвезли нас в Кривошеино, оттуда в Красный Яр. Вначале поселили в клубе. Не было ни паники, ни криков – мы поняли, что надо жить и делать, что приказывают. Позже нас разместили по домам. Нас поселили в маленьком домике, где жили мать и взрослая дочь. Приняли они нас хорошо,

Справа: Виго, Эстер, Леа и сестра матери

Родители Леа – мать Анна и отец Юлиус

все время улыбались. У них не было к нам никакой ненависти. Местные русские вообще относились к нам, ссыльным, хорошо.

Там пробыли недолго, посадили в машины и в тайгу, на «лесовалку». Был там один эстонский профессор с двумя сыновьями. Мужчины валили деревья, женщины собирали сучья, жгли костры. Долго там не пробыли, поселили вместе с двумя русскими – из Эстонии. Одна аристократка из Петрограда, другая жена префекта полиции Виланде, зубной врач. И тут опять велят собирать вещи и переводят в другой барак, там жил профессор со своими сыновьями. В бараке можно было встретить людей самых разных – много молдаван, русских из Печор. В Печорах было много белогвардейцев, всех их выслали.

Это было в первую зиму 1941/42 года. Мама работала в лесу – собирала и жгла сучья. Поверх всякой одежды на ней были ватные штаны, которые вечером, когда она возвращалась с работы, были совершенно мокрые, задубевшие, и снять их она не могла, помогал ей сын профессора. Я должна была штопать дырки, прожженные костром. Через месяц я уже могла говорить по-русски.

Потом нас снова отвезли туда, где мы жили в первые дни, через день снова велели собираться и снова увезли. Внезапно возница свернул с дороги в тайгу, мама упала, испугалась – решила, что нас выбросят и оставят. Оказалось, этот путь до Химлесхоза, где собирали сосновую смолу, просто короче. Снова мы жили в бараке, были там и другие эстонки из Виланде, из Пярну – жена адвоката и жена судьи с семьями. Я радовалась – у них были девочки. Спустя время привезли и мою подружку с матерью. Настала весна 1942 года. Помню, в день моего рождения, 20 мая, ко мне пришли девочки, мы надели платья, а на улице был снег.

Работа была нелегкая, мама с самого начала чувствовала себя больной, а потом начался голод. Мы ходили в дальнее село за 35 километров менять одежду на еду. Вначале было что менять. Мне было уже 14 лет, я тоже ходила. Скоро мама стала посылать и 9-летнюю сестру, давала ей варежки или шарф, и сестренка тащила на обратном пути все 35 километров на спине ведро картошки, а в руках еще бутылку молока. Я стала работать – собирать смолу, надо было хлеб отрабатывать. А порция становилась все меньше и меньше. Те, кто работал, не имел права ходить менять вещи. После работы мама однажды пошла, ее за это оштрафовали и на полгода на 25 % снизили зарплату.

Настал момент, когда менять уже было нечего. И тогда приходилось шагать те же 35 километров, чтобы нарвать в том селе лебеды и крапивы. Брат ходил или поздно вечером, или ночью. Однажды его с таким же мальчиком послали за деталями для машин. Мальчики возразили, что у них нет обуви, ноги тряпками обмотаны. Но это не стало препятствием. Их все же послали. Тряпки намокли, замерзли, мальчики ползком вернулись в барак. Их отвезли в Красноярск, в больницу. Вся округа слышала, как они кричали, когда отрезали пальцы. Наркоза не было. После этого брат выучился на сапожника и остался там работать.

В 1943 году начался страшный голод. Летом мама на берегу реки собирала какие-то травы, и мы из них варили суп. Если ели чернику, надо было прятать рты, а то охрана упрекала нас в том, что мы не работаем. А только ягоды едим. По дороге домой собирали грибы, варили без соли. Бруснику можно хранить месяц, потом она чернела. Варить ягоды было бесполезно – хранить было не в чем. Хлеб нам давали через день, но в первый же день рассчитанная на два дня порция исчезала. Назавтра давали немного муки, мы разбалтывали ее в воде и ели. Животы пухли от такой еды.

В 1944 году мама совсем ослабела, стала медленнее работать. Однажды приехал технолог, посмотрел, – этим работу не давать, пусть идут куда глаза глядят. В списке была евреечка, три девочки без матери и – мы. У евреечки был брат, он помогал ей, как мог, трех девочек спасла красивая эстонка, которая жила с ними в одной комнате. Она предложила себя технологу, и он разрешил девочкам остаться и

работать. А нас защитить было некому. На другой день одна из трех девочек, Тия, пошла на работу, я с ней, но технолог прогнал меня, потому что из-за матери, мол, и я не могу работать. Технолог уехал, мастер была не злая, из комнаты не прогнала. Хлеба нам больше не давали. Три дня жили без еды. Тут прибежала помощник мастера, шепнула:: «Бегите на базу, там директор, проситесь обратно». Потащились с мамой за пять километров на базу, директор написал записку, что разрешает работать, но если норму не будут выполнять, – гнать. Нам отдали карточки, назавтра выдали хлеб.

Так прошла неделя. Мы мамой работали, мастер ругался, почему так медленно. После работы собрались домой. Мама говорит – не могу идти так быстро, ты беги, хлеб получи. Я собрала инструменты, маме оставила ведро, чтобы она могла присесть по дороге. Получила свой кусок, сестра тоже – неработающим выдавали 150 граммов, мамину порцию не выдали. Сижу дома, жду ее. Уже стемнело, пошла искать. Недалеко от барака встретила Тию – она идет на четвереньках, слова сказать не может. Поняла – мама где-то упала. Встала на лыжи и с горы увидела ее – внизу. Съехала, спрашиваю: «Ты что сидишь?» Мама только сказала: «Что ты кричишь?» Это были ее последние слова. Мне помогли привезти ее домой. Назавтра пришла фельдшер, посмотрела, велела прикладывать к ногам бутылки с теплой водой. Легли спать все трое рядом. Ночью проснулась – маминого дыхания не слышно. Наутро мастер велел ребятам сколотить ящик. Дно устелили еловыми ветками. Я положила ей на лицо носовой платок, чтобы песок не попал, сняла с пальца обручальное кольцо, которое нитками было привязано к пальцу, чтобы не свалилось. Она хранила кольцо в надежде когда-нибудь встретить отца.

Похоронили маму недалеко от барака, там уже хоронили, и маму моей подруги – самой первой. Женщина из Петрограда прочитала молитву – мама была православная. Случилось это 25 марта 1944 года. Остались мы вдвоем с сестрой. Из комнаты нас выселили, дали что похуже. На работу я ходила, но еды не было. Руки и ноги как чурбаки – распухли. Люди удивлялись, как я еще жива. Сестру вместе с другими детьми увезли в другое село, где для них построили дом. Их было много, там же они ходили в школу.

Леа (справа) за сбором смолы в Сибири

Зимой 1944 года освободили Эстонию и Латвию, начали приходить письма. Тетя прислала нам немного денег, и я купила картошку.

В 1945 году дела пошли лучше, я считалась «малолетка», хлеба мне полагалось меньше, но так как я выполняла норму, получала прибавку. Только в 1945 году увидели соль, выдали и мыло. Через курьера узнали, что кончилась война. Тетушка прислала мне денег. Появился бензин, стали ездить машины.

Как-то приехал знакомый человек и сказал, что из Эстонии за своим племянником приехала женщина и заберет с собой и сестренку. У сестры не было никаких документов, только хлебная карточка с ее именем. Но все устроилось, тетя, которая лечилась в Пярну в санатории, оплатила дорогу и встретила мою сестру Эстер.

Подружки и меня уговорили бежать. Я пошла на мамину могилку, насыпала в мешочек землю. С приключениями добралась до Ленинграда. Девушка, которую я встретила в поезде, рассказала, как пройти на Балтийский вокзал. На вокзале встретила эстонцев, они мне посоветовали ехать в Тапу. Свою остановку я проспала, а в поезде меня узнала мать моей подруги детства, ехавшая в Валгу. Она привела меня к себе, накормила, а утром я на попутной машине добралась до Тырвы. Вышла у школы, зашла – тишина. На перемене попросила какую-то девочку позвать учительницу Перс. Смотрю – идет моя тетя. Она меня сначала не узнала. Прибежала и моя сестренка.

Я хотела идти работать, но тетя настояла, чтобы я пошла учиться. Закончила 7-й класс. Я была старше всех – мне уже исполнилось 18 лет. Все лето занималась, осенью сдала экстерном за 8-й класс.

Когда я, уже в Тарту, училась в 11-м классе, за мной пришли люди в черных шинелях, и мне приказано было ехать обратно в Сибирь. 20 февраля нас с сестрой взяли и через три месяца мы были уже в Томске. Оказались в том же бараке, через окно видна была могила мамы. Я начала харкать кровью, волосы вылезли. На нервной почве.

Брат женился на русской, у них было двое детей. Жили в маленькой хибарке в Кривошеино.

Отец болел. Его отправили в лагерь. Ночью у него началось кровотечение, и 17 июля 1941 года он умер.

Сейчас я живу в Латвии.

Барак, в котором Леа жила в Сибири

ВАЙРА АДАМА (ГЕТЛИНЯ)

родилась в 1938 году

Я, Вайра Гетлиня, урожденная Вайра Адама, родилась в 1938 году в крестьянской семье, в Яунсаулеской – теперь Скайстскалнской – волости. В первый год жизни жила в Яунсауле, потом отец купил в Аннениеки мельницу и мы перешли туда жить. В феврале 1941 года мельница была национализирована, и мы стали жить у дедушки. Отец с матерью жили у отца в «Кукути» Яунсаулеской волости, где тоже было хозяйство. Мы, дети, – у родителей мамы, тут была и вся наша зимняя одежда.

Еще до высылки бабушка отвела нас к родителям, мы были в летних платьицах и сандалиях. 14 июня мама нас разбудила и сказала, что надо одеться. Помню, что мы ехали на грузовике, по дороге заехали к папиной сестре, из ее семьи взяли сына с женой и ребенком.

Ехали все из Яунсауле в Иецаву. Здесь нас разделили – отец оказался в другом вагоне. Помню, что в вагоне было много народу, помню кашу, которой нас кормили в пути. Знаю, что попали в город Ачинск, где был большой лагерь и много людей. Нас развезли по колхозам. Вернее – какой колхоз кого возьмет. Нас послали в колхоз Тимонино. Нас было три семьи, всех поселили в одном доме. Жены двоюродных братьев отца с детьми, мы и дедушка. Ему было 83 года. В Латвии его могли не брать, но он сказал; «Где мои дети, там и я!» С собой у него ничего не было – хотел взять тулуп, но не разрешили. Ни у кого из нас зимней одежды не было.

В доме окон не было, тесно. Мы с сестрой спали на нарах, наверху. Помню, что в доме было полно клопов. Мама ночью вставала, давила – клопы ползали по стенам, кусали, спать было невозможно. Дедушка кипятил воду, обливал стены. Это были муки!

14 июня мама нас разбудила и сказала, что надо одеться. Помню, что мы ехали на грузовике...

Помню, что мы с сестрой заболели. А тут и лето кончилось. Зима была суровая, много снега. Снег доходил до крыши. На улицу не ходили – не в чем. Потом уж мама из одеяла сшила нам чулки, теплые платья. В первую зиму, насколько я помню, на улицу так и не выходили.

В первый год летом с едой проблем не было, у родственниц было с собой кое-что, они с нами делились.

Маме на трудодни тоже давали больше хлеба. Дедушка плел корзины. Это был 1941 год. А вот в 1942 году начался настоящий голод. Помню, дедушка был весь в нарывах, и у меня на ногах тоже – от голода. Мама рассказывала, что он говорил: «Иди, проси у них! Они у нас все отняли, пусть и нам что-то дадут!» Летом стало легче – появилась лебеда, черемша. Братья, старше меня лет на восемь, варили все это, я тоже варила. Съедим котелок, и тут же снова хочется есть. Снова варим. Голодали страшно!

Дедушка умер в 1942 году. Помню похороны, на которых говорили, что все старики перемрут и малые дети тоже. Мужчин не было, одни женщины. Вначале еще из досок сколачивали гробы, потом досок не стало, заворачивали в хвою и в одеяло и так хоронили.

Летом были ягоды. В деревне, где мы жили, была одна длинная улица и по обе стороны ее дома. За домами за забором был огород. И сразу за ним начиналась тайга.

По другую сторону росли опята, черная смородина, земляника. Ягоды были крупные, как в саду. Возле речки росла красная смородина. Все лето бродили по лесу, собирали все, что можно было съесть.

Осенью наступала пора турнепса, ходили с мамой и пекли на костре. Хотели посадить свою картошку, но землю возле дома не давали, только где-то на дальнем поле. Но сажать там не имело смысла – вырыл бы кто-то другой, да и кабаны ходили.

Хлеба давали мало. Давали муку, картошку. Аппетит у меня был большой. Сестра была болезненной девочкой, она не так переживала. Осенью собирали кедровые орехи, но на зиму накопить не удавалось – тут же съедали.

Когда началась работа на веялке, мама воровала зерно. Все мамы воровали. К весне уже и того не было. Рядом находилось армейское подсобное хозяйство, осенью обычно у них на поле оставалась картошка, но собирать ее осенью не разрешалось. Собирали весной промерзшую, вонючую, пекли на железной печурке.

Перед школой мама меня устроила в детский сад, не знаю, как ей это удалось, но там уже кое-как кормили. Все дети были старше меня, уже ходили в школу, я тоже пошла. Мама очень горевала из-за этого.

Сестре мама купила плюшевое пальто, мне тоже досталось после подросшей уже латышской девочки пальто. Мы могли выходить на улицу. Не помню как, но мама достала и фильцы.

Радость была, когда мы от бабушки получили посылку – мы первые получили. Там была мука, из нее сварили кашу. Может быть, там было еще что-то, но я помню только эту кашу! Вероятно, были и сладости, но не они были важны.

Из мешков мама шила одежду. По ночам вязала кофты, три кофты в месяц, была какая-то артель, шерсть ей давали.

Обрадовались, когда нас отпустили домой. В 1946 году была там такая Скайдрите Вилните, она была старше нас и в поезде за нами присматривала. Мы лежали на верхней полке.

Помню горы, как переезжали Урал, видела работавших пленных немцев. В Ригу приехали в дождь, деревья желтые. Как мы радовались! Отвезли нас в детский дом на улице Кулдигас, вымыли, переодели. Там пробыли дня три. Я все время ждала бабушку, вертелась около дверей. Подходит

Вайра и Инара в Латвии

женщина маленького роста и спрашивает: «Ты Вайра?» Говорю – я и тоже спрашиваю: «А ты моя бабушка?» Мне она казалась совсем другой. Бабушка забрала нас с сестрой и мы пошли в Делиньшу! Сюда же пришла за нами и тетя, которая жила в Риге. Пожили и у нее.

Недели две болели корью. Потом уехали к бабушке в Бауску. Я все время думала о еде. Все эти годы. Это было ужасно! Не передать!

Многое не помнится, но голодали страшно. И еще дедушка. Все было на моих глазах, как дедушка лежал на топчане и просил есть. И весь в нарывах. Умер от голода. Все старые люди так умирали. Их кусали мошка, вши. И у нас были вши. У сестры были длинные волосы. Она болела тифом. От бессилия она даже не могла закрыть глаза.

Я прибегала, смотрела – жива ли еще сестра. Все говорили – не выживет. Ни ко мне, ни к другим болезнь не прилипла. Этого не рассказать.

Мама не спала, сидела, все смотрела, искала хлеб. Когда я ходила в 1-й класс, у меня была очень хорошая учительница. Муж ее был инженер, работал в соседнем колхозе, у нее были две дочки. Она меня всегда подкармливала, оставляла играть с ее девочками. Было бы у русских у самих больше, чем у нас! У кого было, тот приносил и делился! Хорошо, что рядом были тетки, у одной из них «любимая девочка» была я, у другой – сестра. Они прихватили с собой какую-то одежду, меняли, у мамы не было ничего, она думала, что нас везут на расстрел. Маме было тридцать лет, она родилась в Риге, окончила школу, но жизни не видела, и сразу – в такие условия! Папа дал ей денег, обручальное кольцо, чтобы продала. Да и вещей у нас не было – мельницу национализировали в феврале, а вывезли в июне. Тогда мы даже не решили еще, где жить. Отцу предлагали место в Риге. А тут нас и выслали. Самые ценные вещи еще зимой отправили к соседям. А там – в Блидене, Аннениеки – были сильные бои, все и пропало.

Отца отправили в Вятлаг с двумя его двоюродными братьями. Один из них был волостной писарь. Он умер в первый же год. Второй брат, сильный, работящий, у него было образцовое хозяйство, сошел с ума. Отец писал: «У Волдиса разум ребенка». Отец еще писал нам какое-то время, потом замолчал.

Потом уж мама узнала, что он умер. Мы встретили человека, который был вместе с отцом. Он рассказал, что отец работал в бухгалтерии или еще где-то, но заболел воспалением легких. В свидетельстве о смерти сказано, что отец умер от сердечного заболевания. Кто теперь знает.

Когда мы вернулись, жили в Гренцтале, у маминых родителей. Дедушка тоже год был в Сибири, вернулся на год раньше нас. Он потерял зрение, болели ноги, ходил с двумя палочками. У бабушки очень болели руки. Хозяйство было небольшое, покупали, чтобы жить, когда выйдут на пенсию. Место красивое, на берегу реки. Было 10 гектаров земли, нам надо было помогать.

В 1949 году стали создавать колхозы, и тут стали высылать снова. Бабушка нас прятала, боялась, что второй раз заберут. Бабушка встретила председателя колхоза, тот сказал, что в списках нас нет. Но бабушка все равно боялась. Мы упаковали вещи, спали в холодном сарайчике, страшно было, как бы второй раз не выслали.

Я пошла учиться, закончила Баускую среднюю школу, потом Индустриальный политехникум, потом Политехнический институт. В институте закончила вечернее отделение, там работал мой бывший преподаватель из политехникума. Он посоветовал мне пойти работать в Лабораторию связи, чтобы легче было учиться. Я подала документы ректору, но мне отказали. Я решила узнать, в чем дело. Ректор сказал, что у него претензий нет, но 1-й отдел меня не пропускает. И все ребята, с которыми я вернулась, окончили строительный техникум, больше нигде им учиться не разрешили. Ну, еще в сельскохозяйственных учебных заведениях. Все учились хорошо.

Мама в 1946 году осталась в Сибири. Вышла замуж за китайца.

Первый раз она приехала в Латвию в 1956 году со всей семьей. Муж ее не хотел жить в деревне, не знал ни латышского, ни русского как следует, настаивал, чтобы продали дом и переехали в Ригу, они и сами кое-что скопили. Но бабушка с дедушкой хотели жить отдельно.

Тогда мама вернулась. Кажется, они из Тимонино перебрались ближе к Ачинску, там было садоводство.

Второй раз мама приехала в 1968 году. В Ачинске она работала в педагогическом училище, преподавала домоводство. Вернулась, когда вышла на пенсию, сначала жила в деревне.

У меня в Пурвциемсе была однокомнатная кооперативная квартира, и со временем, когда она постарела, переехала ко мне.

ИНАРА АДАМА (НЕЙЛАНДЕ)

родилась в 1936 году

Я многое забыла, в детстве очень часто болела. Разбудили нас ночью. Помню – возле погреба цвела сирень. На станции в Иецаве отец дал маме денег. Во время Первой мировой войны отец со своей мамой были беженцами, мама его заведовала хозяйством у генерала.

Помню соленый хлеб в поезде. Я не ела. Мама испекла хлеб, когда нас увозили. Это были странные люди, мама выбрасывала из машины вещи, они закидывали обратно. Этого не понять. У мамы с собой оказался один туфель из змеиной кожи, второй остался в Латвии. Когда нас разлучили, я помню, в Ачинске толпу народа. Дети не переживали весь этот ужас, как взрослые. Помню хлеб из мелкой картошки, который рассыпался в руках. Двоюродную сестру тоже выслали. Она жила у председателя колхоза. Мама из гостей привезла вкусный хлеб. Помню, как умирал дедушка. (Плачет.) Мы, три семьи родственников, жили в маленькой комнатке. Топчан к топчану! Дедушка лежал на топчане, в руке у него была большая дыра. Он уже умер. Вокруг ползали вши. (Плачет.) Мама сварила картофельный суп. Ветер стучал в окно. Деда завернули в простыню и пели песни. Многие болели. Умер мальчик, потом другой. Врачей не было, лекарств не было. Заболела тифом. 14 дней давали кипяток. Мама думала, что я умираю. Я попросила хлеба. Мама стала искать, сняла скатерть, побежала менять. Принесла маленький кусочек.

Когда я болела, бабушка в Латвии видела сон – вырыта могила, я в шубе лежу на краю. Сибирь для нас стала лучшей школой жизни.

Долго мы жили у бабушки с дедушкой в Бауском районе, а к моменту высылки нас привезли в дом отца. Папе, когда пришли русские, не разрешили даже остаться простым помольщиком на его мельнице. Пришлось уехать. Переехали к деду в старый дом. Отец не состоял ни в каких организациях, но жили мы хорошо. Мама была молодая, хозяйничала дома, у нее была домработница и няньки. Нас было четверо – мы, две сестры, мама и папа. Деда не брали, но он поехал с семьей.

Отец умер в 1943 году. Писал маме в Сибирь письма. Был он вместе с двоюродными братьями. Отец знал русский язык. Был он в Вятлаге и Волоснице. Нас разлучили в Иецаве. Мы жили в 20 километрах от Ачинска. Пешком ходили в школу.

Помню, мама меня выпорола – мы у русской соседки вырвали в огороде репу. Знаю, что ночами мама вязала. Она боялись, как бы нас не растоптали лошади.

Пошла в детский сад, а мне говорят, что мне пора в школу. Заплакала, а воспитательница говорит: «Москва слезам не верит». Я сказала – когда вырасту, буду воспитательницей в детском саду, так как они ели пряники. Тетрадок в школе не было, писали в старых тетрадях между строчек. Зимы были суровые. Однажды дом моей русской подружки засыпало снегом по самую крышу, она не могла выйти. Катались на лыжах – двоюродные братья смастерили. Мама возила нас в Красноярск – там был лагерь. Странно, впервые увидела свою свекровь, маму Айвара. Оказалось, что его сестра в поезде заплетала мне косы. Вшей было видимо-невидимо, уж как мы с ними сражались! В Москве боялась, что сестра потеряется.

В Риге в детском доме был большой зал. Нас пригласили накрыть столы. Бабушка нам присылала посылки. У сестры был присланный

Разбудили нас в 41-м году ночью. Помню – возле погреба цвела сирень.

бабушкой платок. Бабушка приехала за нами и по платку ее узнала. Послевоенные годы тоже были нелегкие. Мама осталась в Сибири. Вышла замуж за китайца, появилась новая семья. Вернулась гораздо позже. Но это уже другой рассказ. Ей 92 года и живет она в Бауске. Дедушка вернулся из Сибири в 1946 году – выслали за то, что распускал язык. Ноги болели, полуслепой. Он строил станции в Юрмале. Так мы вчетвером и жили. Дед с бабушкой до самого конца бились в деревне. По воскресеньям мы с сестрой приезжали помогать. Старались учиться. Бабушка заболела. Дед тоже был слаб.

Писала маме – не может ли она приехать жить в Латвию. В 1969 году бабушка умерла.

С семьей Айварса мы знакомы еще с довоенных времен. Когда он вернулся из армии, мы познакомились. Жизнь у нас была очень интересная. Несмотря на Сибирь – богатая, интересная жизнь.

Я окончила педагогический техникум, семь лет работала в детском саду воспитательницей. Если бы директор знала, что я из ссыльных, не приняла бы на работу. А я везде писала – отец животновод. Не придерешься.

Но потом якобы обнаружили туберкулез, с детьми работать запретили. Поступила в прикладное училище, на отделение металлообработки, работала на комбинате «Максла», участвовала в выставках, объездила всю Россию.

Латыши не должны исчезнуть – выжили те, кто был человеком всесторонним. Так жить надо и сегодня. Набираться знаний, опыта. Ничего не бывает просто так. Человека формируют трудности.

Велта с дочерьми Вайрой и Инарой

АНДРЕЙС АЛБАТС

родился в 1940 году

Мне было семь или восемь месяцев, когда нашу семью выслали. Жили мы в Риге, на улице Антонияс. Ночью пришли русские солдаты. Сказали, чтобы взяли с собой теплые вещи. Никто ничего не понял. Взяли 2-3 чемодана. Как мы оказались в Сибири, не знаю. Помню только постоянное чувство голода. Позже мама рассказывала, что все мы – отец, мать, дедушка и я – были в одном вагоне. В какой-то изданной в Швеции книге говорится, что в одном составе было 83 вагона, ехали до Кирова, и там мужчин разлучили с семьями. До Кирова и мы ехали все вместе. А там дедушку вывели из вагона, арестовали, а после тюрьмы отправили в Вятлаг.

Дед мой был юристом. Учился в Москве, работал домашним учителем. Вместе с детьми семьи, где он служил, побывал в Европе, изучал языки, между прочим, и французский. Посещал вечера, которые устраивало латышское общество, был членом корпорации. Когда начались Освободительные бои, принимал в них участие. Какое-то время работал в Министерстве иностранных дел.

Бабушку свою видел всего один раз – в 1953-м или в 1954 году в Елгаве. Поражался, как хорошо она говорила по-русски. Мне рассказывали, что она закончила Сорбонну и была одной из первых десяти латышских женщин, получивших высшее образование.

В 1993 году я добился, чтобы мне дали возможность ознакомиться с делом моего деда. Во время допросов доказали, что он якобы английский шпион. Осудили на десять лет, но он не выдержал – умер голодной смертью 7 февраля 1942 года.

Мамины родители были железнодорожники. Родилась она в Москве и только потом семья жила в Латвии. До ссылки мама не успела закончить Университет. Отец учился в Рижском техническом университете и работал, занимался радиоприемниками.

Из Кирова нас повезли дальше до Новосибирска. Потом на баржах до Васюганска. Отец умер через год, 13 января, в 70 километрах от того места, где мы жили. Мама хотела попасть на похороны, прошла эти 70 километров пешком, но опоздала – могилу уже зарыли... Уже позже мне в руки попалась «бумажка» – сообщение о том, что Албатс отказывается работать и заслуживает наказания. Отец не отказывался от работы – у него было воспаление легких. Пытался встретить доносчика, в тот момент готов был его убить. Но мы не встретились, пьяный, тот где-то замерз.

Маму в ссылке видел редко – ей приходилось тяжело работать. Она работала в лесу, корчевала пни, работала на обжиге, работала в поле. Для нас собирала грибы, ягоды... Я тоже помогал, помню, как однажды мы убегали от медведя... Еще помню, как однажды в 1947 году мама сказала, что нужно бежать. Собрали вещи и – бежать. Она на дырявой лодке, я вдоль берега. Потом плыли на барже. Никогда не спрашивал у мамы, почему мы это сделали и удался ли побег... Когда в 1954 году маму назначили заведующей нефтяной базой, зажили лучше.

Пока мама была на работе, я проводил время на улице. Улица была моим настоящим учителем. Удивляюсь, как сохранил латышский язык. Вспоминаю, как в начале пятидесятых заявил маме, что по-латышски разговаривать больше не буду. Нас дразнили, тумака тоже можно было схлопотать. Но мама учила, что драться нельзя. Эту проблему я решил очень поздно – в 5-м классе. Пока слушал маму и не да-

Мне было семь или восемь месяцев, когда нашу семью выслали... Ночью пришли русские солдаты... Никто ничего не понял.

вал сдачи, от ребят доставалось вдвойне. Когда и я сделал то же самое, все встало на свои места. Маме ничего не сказал, чтобы зря не волновалась.

В 1953 году нас, детей, сняли с учета. Но изменилось все не сразу. Помню такой случай: в доме есть нечего, денег нет, и ребенку кажется, что во всем виновата мама. Я прочел русскую книжку о мальчике, который сбежал из дома. И вот мы с соседским мальчиком Витей тоже решили бежать. Достали лыжи, насушили сухарей и – в путь. За один день проделали 60 километров, зато ноги стерли до крови. Пришлось остаться в той деревне и ждать, пока не заживет. Через 5 или 6 дней приехал за мной милиционер на санях и скомандовал: «Собирайся! За Витей отец приедет». Витя тут же заплакал.

В Сибири мама переписывалась со своим братом, который жил в Елгаве. И когда мне разрешили, стала меня уговаривать уехать к нему жить. Подкупила тем, что у дяди была собака – овчарка, моя мечта. Приехал я в Латвию. Дядя в то время развелся, жили мы в общежитии железнодорожников. Через некоторое время переселились в вагончик, где уже жила одна семья. Учился я в русской школе. К латышам дорогу найти не сумел, да меня никто и не воспринимал как латыша. Елгава казалась чужим городом. Дядя диктовал, что писать маме. Я не должен был ее расстраивать. Я писал, что все хорошо. Однажды дядя оставил мне два рубля («Купи трески!»), а сам уехал в Ригу. Купил я папиросы, какой-то еды. А дядя пропал на месяц. Есть было нечего, воровал в магазине.

Школу бросил. Ночевал на вокзале. Однажды меня поймали, вырвался, но все равно поймали. Вечером отвели в участок, оставили до утра. Выпросил украденную мною буханку. Утром сказали: «Будешь жить в русской школе, у уборщицы». Закончил 6-й класс.

Когда дядя приехал, я к нему не вернулся. Взял справку, что я закончил шесть классов, и поехал к маме. Было у меня 150 рублей на дорогу – где достал, не знаю. Добрался до Москвы. Возле буфета заснул, и меня обокрали. Дальнейший свой путь не помню, но я вернулся туда, где уже привык жить.

Поступил в техникум – не окончил. Поступил в другой – не окончил. Жил в одной комнате с тремя монголами. Возник конфликт, стали драться. Кончилось тем, что вызвали монгольского консула, и мне пришлось бежать, чтобы не оказаться в тюрьме. Сбежал, уехал в Каргасок, где долго жил без прописки.

В 1959 году поступил в вечернюю школу. Закончил, опять подрался. Посадили на год. Считаю, что несправедливо. Место заключения находилось недалеко от Томска. Однажды там выступала концертная группа из Латвии – певцы, артисты балета. Выпросил разрешение побывать на концерте за пределами зоны.

В следующем году, сразу после освобождения, поступил в Народный медицинский институт. Но весной оказался в больнице с язвой желудка, пролежал больше месяца. В институте взял академический год. В следующем году снова пошел учиться, но в весеннюю сессию не сдал экзамен по органической химии. Остальные три сдал.

Елгавский период не оставил приятных воспоминаний. Поэтому в такую Латвию мне не хотелось возвращаться. Шел своей дорогой, а в 1970 году с братом (он живет на Камчатке и по-латышски не говорит) решили отправиться в Латвию на мотоцикле. Доехали до Москвы, купили мотоцикл, палатку и – в Латвию. Первое впечатление – Латвийско-Белорусская граница – лето, тепло, тишина.

Нянька моя была еще жива – отыскали ее в Кокнесе. Поехали с братом на взморье, поставили палатку. Прожили два месяца. Все хорошо, но милиция не давала покоя – почему мотоцикл без номера. Стал думать, как бы достать квартиру в Латвии? Никаких возможностей! Вернулся на Камчатку. Но после этой поездки стал больше интересоваться родиной, читал газету «Литература ун Максла», и Латвия для меня становилась все притягательней.

Женат я был три раза. От второй жены у меня дочка, живет в Гомеле. Видимся редко. Ей здесь не нравится. Младшая дочка, так та латышка больше, чем я. Училась в латышской школе, понимает историю Латвии. Училась в Европейском институте интеграции.

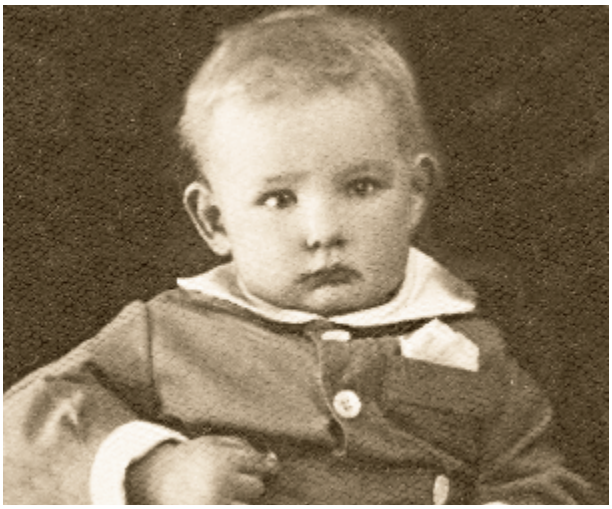
В 1957 году мама могла вернуться в Латвию, но осталась в Сибири. Но в восьмидесятые годы поставила мне ультиматум: «Хочу умереть в Латвии, и ты должен мне помочь!» В 1986 году приехали и купили дом в Скривери. В Риге встал в очередь на квартиру.

Мама умерла, а очередь так и не подошла. Мама умерла в 1994 году. После ее смерти много размышлял над ее судьбой. Поражает ее выдержка. Она была очень светлым человеком. Она не сломалась. Понимаю, сколько горя ей доставил. Она хотела видеть меня другим...

Андрейс в Сибири

АНДРИС АЛКС

родился в 1937 году



Я родился в 1937 году. У меня было два брата и сестра. Старший брат тоже жив.

В 1941 году нас арестовали в Риге, на улице Заубес, 2. Мне было четыре года. Отвезли нас на станцию Шкиротава, там и рассортировали. Расстались с отцом, а мать Милду с четырьмя детьми посадили в вагон.

Условия были страшные. Воды давали ведро в день. Обходились тем, что с собой взяли. Были там и матери с младенцами. Те, кто кормил своего, кормили и еще одного.

Довезли нас до Томска, дальше на баржах. Лето было жаркое, дети умирали, мертвых выбрасывали за борт.

Доставили нас в Парабель-Нарым, где был завод. Поселили в бараке с дырявыми стенами. Топить не разрешали даже обрезками, которые валялись вокруг. Однажды, когда я замерз, взял обрезки, так охрана набросилась на меня с кулаками. Собирали сучья и топили.

Всех вывезенных направили на работу. Мою мать (она была врач) поставили укладывать шпалы. Старшему брату Модрису было 14 лет, он работал на заводе, колол дрова, потом стал истопником, потом механиком.

На зиму сняли комнату в Нарыме, все же теплее. А Модрису и маме надо было шагать три километра до завода.

Голод описать невозможно. Тем, кто работал, выдавали паек – хлеб, а мы ели все, даже хвою. Летом сажали картофельную шелуху и турнепс. Из турнепса варили суп. Летом с братом Дзинтрисом ходили рыбачить на приток Оби. Ни лески, ни крючков у нас не было. Выдергивали волос из конского хвоста. Блесны делали сами. За три рубля купили старую лодку, починили и плавали по реке.

Зима 1942 года была суровая. Сестра Лайма заболела – корь и воспаление легких. Мама пыталась ее лечить. Не помогло. Сестренка умерла 25 декабря у мамы на руках. Что мама чувствовала – не рассказать. Похоронили в самодельном гробу. Удивительно, но люди приходили выразить сочувствие. Мать Рафаила Розенталя принесла горсточку кофе. Мы были благодарны за участие.

Никакой медицинской помощи на заводе не было. Мама в отчаянии писала латышам по всей Сибири письма: «Латыши, держитесь! Надейтесь – США нам помогут!» Зимой 1944 года ее за это арестовали, отвезли в районный центр Парабель, где судили за антисоветскую агитацию. Свидетелями были латыши... Приговорили маму к 10 годам лагерей – с 1944 по 1954 год. Их она отбыла в Тайшете – в лучших условиях, чем в ссылке. Там она как педиатр наблюдала за детьми заключенных. Переписывались редко, из-за цензуры.

Когда маму арестовали, мы остались втроем. Мне было семь лет.

В 1944 году пошел в школу. Не умел ни читать, ни писать, два года промучился. В 1946 году появились слухи, что сирот отправят в детский дом. Я сиротой не был – мать в тюрьме, с отцом переписывались. Но в 1946 году один (без разрешения, без билета, с буханкой хлеба и 30 руб. в кармане) и я сел на пароход, шедший в Томск.

В Томске меня поместили в детский дом для глухонемых. Спал на полу в углу. Хлеб дети у меня отобрали. Прожил там два месяца, оттуда нас повезли в другой детский дом. Загрузили в товарные вагоны.

В 1941 году нас арестовали... Мне было четыре года. Отвезли нас на станцию Шкиротава, там и рассортировали.

Отец Оскар и мать Милда в Сибири

С нами были две молоденькие учительницы. Выдавали одно печенье на день. Не съедали – на станционном базарчике продавали за рубль и покупали хлеб.

Ехали, ехали, пока не приехали в Москву, где нас поместили в детский дом: вымыли, постригли, выдали одежду. Обуви не было. До Риги ехали в пассажирском вагоне, около 70 детей.

В Риге нас направили в детский дом на улице Кулдигас. Директор Делиньш выдал нам обувь. Записал рассказ каждого о пережитом. Позже из чека искали эти свидетельства, но не нашли.

Однажды в детском доме, когда мыл пол, потерял сознание – это был приступ малярии. Очнулся в чистой постели, рядом сидела женщина, около кровати лежал белый хлеб с колбасой и вишни. Узнал, что женщина эта – прислуга Екабса Граубиньша. А он был крестным отцом Дзинтриса и взял меня к себе. Лечил меня гомеопат д-р Лукинс. Когда выздоровел, пора было идти в школу, в 3-й класс. Было нелегко, русский язык я знал, а в математике и в грамматике ничего не понимал.

А пятый школьный год я провел в Лубане, где жил наш родственник. Я помогал ему нянчить годовалого ребенка. Пас скот и учился в местной школе. Жил он в бедности, налоги были большие. В школе в одном помещении учились все четыре класса, учителя – Шмитиньш и Хербста – придерживались странных методов воспитания: били линейкой по спине и по пальцам. Было больно, но я благодарен, «вбили» в меня основательные знания.

Дзинтрис приехал в Ригу через три месяца после меня, учился и жил у Екабса Граудиньша.

Позже мы узнали, что отца приговорили к 8 годам лагерей (в Пермской области) за саботаж.

Он отсидел шесть с половиной лет. Потом его отправили на золотые прииски. В 1949 году отца выпустили на вечное поселение в Северо-Енисейск. Вначале он ходил на лесоразработки, потом работал санитаром в лагерной больнице.

Когда у какого-то большого начальника умирала жена, никто в этих примитивных условиях не брался ее оперировать. Отец взялся, и она осталась жива. И отец стал главным хирургом Устьсильгинской больницы, своим трудом добившись большого уважения. Он имел право снимать в кухне пробу блюд. И экономил свой паек, который отдавал другим. Отец отобрал себе помощников из шахт – литовских студентов медицины. Справлялся со всеми операциями.

Отец хотел собрать семью. В 1949 году он позвал к себе меня и Дзинтриса. Отправились в Северо-Енисейск. Доехали до Красноярска, оттуда самолетом. Спустя восемь лет я встретился с отцом. Я пошел в 6-й класс, велели написать диктант – в нем было 44 ошибки. Но удалось уговорить, чтобы меня приняли в школу. Закончил 6-й и 7-й класс. Был и серьезный разговор с отцом – идти работать или учиться. Я сказал, что хочу учиться. Среднюю школу я закончил без троек.

Модрису было тогда 19 лет, он работал на заводе. Дзинтрис учился в 10-м классе, учился отлично. В Риге по ошибке ему выдали паспорт, и после окончания школы он поехал в Томск, где собирался поступать на медицинский факультет. Но во время экзаменов его арестовали, паспорт отобрали и отправили обратно, на золотые рудники. Так он потерял пять лет.

В 1954 году я окончил школу. Сталин умер, надо было получать паспорт. Велели идти к коменданту. Прихожу – сидит пьяный майор. Показал «бумажку», что я добровольно приехал к отцу. Он велел выписать паспорт.

Вступительные экзамены вместе с Дзинтрисом сдавали в Красноярске. Потом была мандатная комиссия. Спросили, почему не комсомолец, и тут же сами ответили, что принять не могут. Потом спросили, кто мой отец.

Узнав, что Алкс, похвалили: «Алкс лучший хирург на Севере, у такого отца не могут быть плохие сыновья».

В институте учились отлично, но тень образа врага висела надо мной все время. Стипендию не платили до 3-го курса, но потом как отличнику стали платить. Институт окончил с «красным» дипломом. Два года проработал в селе Шалинское Манского района. Там был большой травматизм, но хирургию я осваивал у отца.

В 1954 году мама освободилась из заключения и перебралась к отцу. Отец добился. Мама приезжала и к нам с Дзинтрисом в Красноярск. В тот день я шел домой и знал, что мама дома. Но она ушла в магазин. Пошел ее искать. В магазине ко мне подошла женщина небольшого роста в фуфайке. Не обнялись, не заплакали, взялись за руки и просто пошли домой. Мама провела у нас только одну ночь, потом стала работать врачом в детском саду. Отпуск мы проводили вместе с отцом и матерью.

Тогда реабилитированным платили хорошую зарплату, да еще северная надбавка. В 1961 году отцу исполнилось 60, пенсию ему назначили хорошую – 120 руб. в месяц. Уже в следующем году отец уехал в Ригу. На родину вернулся и Модрис.

В 1960 году я закончил институт, потом аспирантуру, защитил диссертацию. В 1966 году переехал в Новосибирск, успешно работал в кардиохирургии.

В 1973 году вернулся в Латвию. И жена была латышка – Иевиня. Сын родился в Новосибирске. И тогда жена сказала: «Хватит, еду в Ригу!» Уехали домой...

Андрис в Сибири

МОДРИС АЛКС

родился в 1926 году

Я родился 20 сентября 1926 года в семье врача. В семье я был старшим. Брат Дзинтрис на 5 лет младше, сестренка Лаймочка родилась в 1935 году, Андрис – в 1937 году. В Ригу переехали в 1934 году, когда отец построил дом на улице Заубес. Папа работал в 1-й больнице.

17 июня 1940 года я был на яхте, дошли только до моста в Лиелупе – наступил штиль. Сошли в Валтери. Там нас ждала телеграмма: «Русские оккупировали Латвию. Яхту сдайте в яхт-клуб, сами возвращайтесь в Ригу». В Ригу добрались около полуночи, там объявлен комендантский час. На привокзальной площади русские танки, солдаты. Радостного настроения как не бывало, шел мимо Оперы, Национального театра. Видел, как двое в штатском вели третьего с пробитой головой.

Папа был дома один. Вскоре его из департамента уволили. И он остался без работы. Мама работала школьным врачом. Слышали, что пропадают люди. Школу переименовали, сменился директор, инспектор, школьные предметы. Утром вместо молитвы – «Интернационал».

Наступило 14 июня 1941 года, нас взяли. Когда нас везли в грузовике по улице Валдемара, я стоял в кузове, на голове у меня была морская фуражка. Папа был мрачен, мама взволнована. Я думал, что начались приключения.

В Шкиротаве нас всех загнали в вагон. Мама обрезала сестренке косу и отдала отцу на память. На следующее утро отца оставили в вагоне, а нас перевели в другой: встретитесь, когда приедете. С собой у меня был географический атлас. В вагоне больше 40 человек. Спали как селедки в бочке. В углу был туалет, это место мы отгородили простыней.

Наступило 14 июня 1941 года, нас взяли. Когда нас везли в грузовике... я стоял в кузове, на голове у меня была морская фуражка.

Приехали в Свердловск. Рядом стояли вагоны с эстонскими мужчинами. Они пели, красиво. Меня с ведром послали за обедом. На перроне встретил тетю Элзу – жену папиного брата. Узнали, что взяли и бабушку. Потом выяснилось, что она умерла.

Доехали до Новосибирска. Вокруг красота. К пароходу была пришвартована большая баржа. Нас согнали на голые доски. Плыли по Оби несколько дней. Выдавали подгоревшую овсяную кашу. Есть ее нельзя было, кидали за борт. Многие заболели, я тоже. Наконец остановились возле шпалового завода. Так же назывался и поселок – Шпалозавод. Нас высадили. Там уже были высланные. Мордва, русские с Алтая. Они уже обжились. По две семьи в маленьком доме. Недалеко было сибирское село, там жили настоящие охотники и рыбаки.

Маму и нас – четверых детей – поселили у Шалагиных. На следующий день направили на работу в артель. Местные называли ее «артель пыток». Женщины работали в швейном цехе, мужчины – на строительстве, меня определили учеником к сапожнику. Долго там не проработали, зарплату велено было отдать на нужды армии. За полгода я получил 67 рублей.

Маму направили на шпаловый завод, пилить дрова. Мне пришлось ездить за 16 километров вверх по реке Кеть собирать плоды шиповника. Там находилось село Алатаево. Река бурная, январь, мороз 35 градусов. Нас было трое: Додик (еврей), ему было семнадцать, Тимофей (украинец, тоже семнадцать) и я (мне было пятнадцать). На мне была отцовская шинель айзсарга, на ногах – ватные сапоги на резиновой подошве. С собой по полбуханки хлеба и соле-

ная рыба со всей чешуей. Съели все. Стали искать ночлег. В первую ночь у нас украли хлеб. С собой взяли лыжи, но их надо было привязывать бечевкой, которой у нас не было. Пошли пешком.

Вечером, когда мы сели ужинать, пришли женщины, принесли молоко. Пришли узнать о мужчинах, которые воевали. Думали, что мы с фронта. Ушли расстроенные. Мы продолжили путь на остров, лыжи воткнули в снег. Хлеб за пазухой замерз. За поясом снег, без конца падали. Быстро стемнело. А шиповника мало. За три дня собрали три горсточки. Смастерили нам охотничьи лыжи, двух женщин дали в помощь. Промучились несколько дней. И мы с Гуной отправились обратно – делать там нечего. Начальник (высланный) велел мне подписать акт, я притворился, что не понимаю по-русски. Сказал, что нам были выданы продукты, что самовольно покинули место работы, и дело передали в суд. Сказал: не подпишу, я несовершеннолетний, пришел учиться профессии. Он стал угрожать тюрьмой. Я повернулся, хлопнул дверью и прямиком к коменданту. Директором завода был цыган, очень уважаемый человек. Все ему рассказал. Спросил, что мне делать, – воровать или умирать с голоду. На следующий день мама ходила отмечаться и принесла мне от коменданта записку с разрешением работать на заводе. Было это 10 февраля 1942 года. Появилась первая запись в трудовой книжке.

Нам выделили полдомика. Всего нас там было 13 – мы четверо, Гуна Балоде, семья Лацис (два человека) и еще кто-то. Спали на нарах. Через щели в полу задувал снег. Была плита, дров хватало. Но к утру вода замерзала. Заболел воспалением легких. Отвезли меня в Нарымскую больницу, вылечили. Вернулся. Мама договорилась снимать комнату, у Волковых. Это была основательная изба, только без фундамента, осевшая в землю. Нам выделили комнату на втором этаже. Была плита, можно было готовить – этим ведала семилетняя Лайминя.

Но беда настигла нас и здесь – все четверо заболели корью, а у Лаймини и двустороннее воспаление легких. Сестренка не выдержала и в Рождественский вечер ушла…Трагизм заключался в том, что мама как врач ничего не могла сделать – лекарств не было, и в больнице только стрептоцид, компрессы и банки…

Когда узнали, что какая-то женщина с детьми собирается уезжать, мама завела речь о принадлежавшем той домике. Пожалуйста, но платить нам было нечем. Мама собрала одежду Лаймы, продала

Модрис в Латвии

и подписала долговое обязательство за дом на мое имя. Так у нас появилось свое жилье. Купили топор, который годился и как пила. Возле каждого дома было 600 квадратных метров земли. Настала весна, вскопали землю. Рвали мокрицу, ели. Летом стало легче: посадили турнепс и репу, семена и картофельные очистки.

Кто-то продавал лодку за 10 рублей. Купили, починили, просмолили и стали ходить вниз по Оби. Рыбачить разрешалось. Мастерил крючки, спиннинговые катушки, ловили окуней и щук. Мама из рыбьих внутренностей топила рыбий жир.

Должен признаться и в гнусности – у одной тетушки подох теленок, я содрал шкуру, приволок домой, мама сварила холодец, поставила в погреб. Голод был страшный и – съели.

Картошка удалась. Съедали по четыре в день. Отцовские часы продали за мешок ржаной муки. Это нас поддержало. Стали приходить в себя.

В 1943 году стал истопником.

У местных женщин был адрес лагеря, мама тоже написала, и мы получили письмо из Соликамска, что отец осужден на восемь лет с правом переписки дважды в год. И вот счастье – вскоре получили письмо и от него. Думаю, что папу спасла его профессия, там нужны были фельдшеры, он согласился, хорошо себя зарекомендовал. Позже стал и хирургом.

Маме дали инвалидность, это значит, ей не полагался хлебный паек. Мой был в два раза больше. Спали на печи, в ряд. Появились вши. Белье выварить было негде. Вокруг ядовитые мошки, но москитных сеток у нас не было. Мазались дегтем.

Плели лапти из веревок, можно было надеть несколько пар носков.

Осенью 1944 года появилось тревожное предчувствие. Случилось это 19 сентября – маму арестовали и увезли. Помню, что незадолго до этого пришел к нам Освалдс Ронис с женой и сыном, попросил маленькие клещи, спрашивал, что она думает о будущем – не вызволят ли нас англичане. Ясно, что приходил специально. Вскоре сам заделался бухгалтером. А маму осудили на десять лет. И наш латыш рассказывал на суде о маме и то, что было, и то, чего не было... С мамой я еще виделся перед тем, как ее увезли. Мне отдали ее обручальное кольцо, перекусанное. Надел на мизинец. Попрощались.

С мамой переписывались, сколько разрешалось. Потом ее перевели в Иркутск, в лагерь строгого режима. Но там она работала по профессии – врачом в детском саду для детей заключенных. Освободили ее на два месяца раньше срока.

Папа к тому времени уже освободился и жил в Северо-Енисейске, в поселке при золотодобывающих шахтах. Вызвал мальчиков к себе – Дзинтрис поехал с чистым паспортом. Оба с Андрисом учились в Красноярске и получили диплом с отличием.

Я на заводе проработал почти семнадцать лет. Сначала колол дрова, потом истопником и наконец машинистом. Проработал до конца войны. Было нелегко. После войны стали возвращаться с фронта, меня приставили к токарному станку, потом направили грузить баржи. Когда привезли трактор, посадили на него. Месяц, два возил бревна, хотя прав у меня не было. Сдал экзамен.

Каждые три года полагался дополнительный отпуск. У меня много накопилось. В 1957 году получил бумажку с разрешением ехать в отпуск в Северо-Енисейск. Летел двумя самолетами, ехал поездом. Родители встречали меня в аэропорту. Отец спросил, есть ли у меня паспорт. Ответил: собачий паспорт...

Пообедали, потом пошли в прокуратуру. Оказалось, он в свое время оперировал прокурора. Отец сказал: «У меня сын без паспорта». Прокурор обещал дело уладить, и через три дня паспорт был у меня на руках.

А потом одна дорога – домой...

Модрис в Парабели, в Сибири

ДЗИДРА АЛКСНЕ

родилась в 1930 году

Я родилась 1 апреля 1930 года на хуторе «Вайроги» Турлавской волости Кулдигского района, в семье полицейского. Нас было две сестры – Эрна родилась в 1928 году. Мама хозяйничала по дому. До 1940 года мы жили в Кулдиге, обе с сестрой ходили в женскую школу Бауманиса. Когда пришли русские, отца уволили, и мы перебрались жить в родной дом отца, на хутор «Калнини» Клостерской волости Айзпутского уезда. Одну зиму ходили там в школу. Школа была в четырех километрах от дома.

14 июня 1941 года меня разбудили рано утром, в доме были чужие вооруженные мужчины, которые сказали, чтобы мы подготовились, нас повезут в другое место. Куда – не сказали, только торопили... Отец сидел за столом, ему вставать не разрешили, велели выложить на стол награды, и все их забрали. Мы растерялись, не знали, что делать, что брать с собой... За нами всюду ходил человек с оружием, даже когда я пошла в туалет, он стоял за дверью.

Сказали, чтобы много вещей с собой не брали, только то, что можно нести, потому что идти придется пешком, и узлы мы все равно бросим на обочине. Расстелили покрывало, побросали какие-то вещи. Только потом стали думать, что же мы взяли. Были одеяла, подушки, белье, пальто... Из продуктов копченое сало и хлеб. Велели быстро сесть в машину и отвезли нас к соседу, которого тоже арестовали. Потом нас повезли на станцию Калвене. Ехали мимо пастбищ – коровы смотрели и мычали. И лошади не паслись, кто-то из взрослых сказал: «Глянь, даже немая скотинка понимает, что с хозяевами неладно... Прощается».

На станции Калвене приказали садиться в вагоны. В них были двухэтажные деревянные нары. В полу дыра, справлять нужду. Отца поместили в другой вагон, хотя обещали, что будем вместе. Когда мы узнали, что вагоны с мужчинами отделили, нам сказали: «Там, куда вас везут, жить негде. Они поедут первыми, чтобы построить для вас бараки». Так и «строят» они по сей день – отца я больше не видела. Не помню, что говорил он мне на станции. Мы писали, искали отца, но оттуда ответили, что надо искать там, где он был в последний раз. А где он был «в последний раз», никто не сказал...

Когда вагон тронулся, все пели наш гимн «Боже, благослови Латвию!» и плакали. Куда едем, никто не знал. В одном месте нас выпустили – там был пруд, все быстро помылись, и снова нас загнали в вагоны. Потом встретили мать с ребенком, тоже из Кулдиги, где мы когда-то жили.

Первое место поселения – Красноярский край, Уярский район, поселок Экспортный. Поездом довезли до станции Клюквенная, там сидели в школьном дворе. Помню, с нами рядом сидела старая женщина, она там же во дворе упала и умерла. Из колхозов приехали на подводах, выбирали работников.

Мама ходила на лесосеки, собирала смолу. Зимой кололи лучину, каждая около метра. Жили в клубе, там были нары. Нас было несколько семей – Шнипке, Клаусоны, Рудзитисы, Фрицкаусы, Бирзниексы. В 1941 году нам давали, кажется, по 8 килограммов муки на месяц. Хлеба не давали. Мама, помню, распускала одеяла, из ниток вязала носки, рукавицы и меняла их на картошку, муку, хлеб. Надо было обходиться тем, что есть. Собирали крапиву, щавель, лебеду, варили супы, добавляли пару картофелин. В Латвии такую еду даже свиньям не давали...

14 июня 1941 года меня разбудили рано утром... Сказали, чтобы много вещей с собой не брали, только то, что можно нести

Не знаю, платили ли маме за работу, мне тогда было 11 лет. С собой были пальто, меняли на валенки. Все время мерзли – ни одежды, ни обуви подходящей не было. Зимы были холодные. При минус 42 в лес не отправляли – ломались ветки. Птицы замерзали. Начальство любило приуменьшить мороз, и людей все равно гнали на работу. Многие обморозились. Словами этого не передать, лучше всех поймут это те, кто сам там побывал.

Мама собирала смолу, укладывала в бочки. Потом смолу отправляли на экспорт.

Осенью 1942 года нам сказали, что переведут дальше на север. Из Красноярска везли на баржах. Есть не давали. Кому-то удавалось менять на одежду, мы кому-то помогали нести вещи, за это получали хлеб. Удивительно, что выжили. Хлеба не видели по многу дней.

Начались болезни – нарывы, цинга, желтуха. Когда мы уже почти добрались, началась дифтерия. Когда высадили в деревне Иркинеево Богучанского района Красноярского края, разместили в клубе. Спать пришлось на полу, на своих узлах. Многие болели. Ни врачей, ни лекарств не было. Каждый день выносили умерших. Многие умерли.

Потом нас отправили в колхоз «Бедоба». Тоже болели, тоже еды не было. Выпрашивали у местных...

Когда снег стаял, подбирали мороженые колосья, картошку, турнепс. Когда появилась трава, варили щавель, крапиву, лебеду. В колхозе на трудодни давали мало, весь хлеб шел на нужды войны. Мама работала, а мы с нетерпением ждали субботы – в этот день давали муку. Стояли в очереди у склада, ждали заработанное. Но бывало и так: кто-то приходил, говорил – муки сегодня не будет, всю отправили на фронт, вы можете идти по домам. Никому не было дела – есть еда, нету. Хлеб месяцами не видели. Из муки варили болтушку.

Ходили к местным – пололи, нам за это давали молоко. У них у самих были большие налоги –

Дзидра с сестрой Эрной в Латвии

столько-то мяса, молока, яиц. Даже у тех, кто что-то подкопил, все подходило к концу. Сначала на нас они смотрели косо, обзывали фашистами, им наговорили, что из-за нас война началась, из-за нас ушли на войну их сыновья и мужья. Потом они поняли, кто мы. Многие сочувствовали, давали старую одежду, фуфайки, валенки.

В 1942 году умерли сестра и бабушка. Бабушка 28 ноября, сестра, кажется, 4 декабря. Сестра заболела дифтерией. Нас еще и обокрали – взяли одеяло, простыни.

Пока мама работала, я должна была носить воду. Ходить приходилось далеко, на реку. Наберу полный бидончик, а сил нести нет. По дороге отливала понемногу. Особенно тяжело было зимой – до дому доносила полбидончика. Отдохну, согреюсь и снова за водой.

Перебрались жить к латышам. Их и так было три семьи в комнате, но нам не отказали, приняли. Электричества не было. Освещались лучинами. Детям, каждому по очереди, вечерами надо было наколоть лучин.

Закончила четыре класса. Больше классов в местной школе не было. Да и учиться не отпускали. После войны те, кому из Латвии присылали деньги, могли своих детей учить. Из нашего колхоза учился Гунарс Звирбулис. Но и ему было нелегко. Никто из нас дальше четвертого класса не учился. В леспромхозах, что были поблизости, – в Чигумее и Великанчике, где тоже жили латыши, школ вообще не было, они так и остались безграмотными.

Работали в колхозе. В 1951 году я заболела, поднималась температура, подозревали туберкулез. Мне велели гулять, но становилось все хуже. Меня назначили в полевую бригаду – бороновать, управляться с лошадьми. Бригадир сказал, что мне придется расплачиваться за то, что лошадь простаивает, но фельдшер дала справку, что я не могу работать.

Отправили меня в Богучанск, в больницу. Ехала вместе с Галиной, дочкой председателя. Хирург был

Дзидра с матерью в Сибири

Дом, в котором Дзидра жила в Сибири

грузин, но на визиты приходили все врачи. Доктор спросил меня, какой я национальности. Сказала, что из Латвии. Спросил, как я сюда попала. Ответила, что привезли меня сюда «бесплатно». Доктор ничего не сказал, только покачал головой... Позже в коридоре он меня обо всем подробно расспросил и сказал, что сделает все возможное, чтобы я снова увидела Родину.

Когда из больницы выписали дочку председателя колхоза, она сказала, что надо ехать домой. Она зашла к доктору, и доктор меня отпустил. Мне дали справку, что шесть месяцев я не могу выполнять тяжелые работы. Вернулась домой, но мне становилось все хуже и хуже. Фельдшер связалась с больницей, и доктор велел мне ехать обратно. В больнице мне назначили постельный режим, ходить не разрешили. Потом пришел кто-то из комендатуры и велел мне выйти в коридор. Ответила, что мне не разрешено ходить, постельный режим. Он на меня накричал: «Сейчас же выйди!» Соседка дала мне свой халат, а другая позвала врача. Пришел врач и сказал, что здесь распоряжается он, и отправил меня в постель. Так я освободилась от коменданта, но мне приказано было, как только я выйду из больницы, явиться в комендатуру.

Доктор Намголадс Семен Ильич хорошо понимал, каково нам. Он обещал сделать все, что в его силах, чтобы я в этой проклятой земле не осталась. Ответила, что буду не одна – здесь уже бабушка и сестренка. Он был хирург, но все время меня лечил и сказал, что я должна говорить, если приедет контроль из Красноярска, – что лечит меня терапевт Ганна Кулакова. У меня был ревматизм сердца и суставов. Доктор несколько раз посылал меня на рентген, измерял линейкой: расширение сердца.

Когда меня выписали, я спросила у доктора, идти ли мне в комендатуру. Он посоветовал ехать домой и никуда не ходить. В следующем месяце приехал комендант, но ничего не сказал. Фельдшер пожаловалась, что получила строгий выговор за то, что отправила меня в больницу. Ссыльных в больницу отправлять было нельзя.

Когда я вернулась к маме, меня направили на врачебную комиссию и дали 2-ю группу – физически работать мне было нельзя. Один из докторов подписался – Коркин. Поняла, что он латыш, так как мое имя и фамилию он произносил четко. Был в больнице один санитар, который по-русски говорил с акцентом. Когда я спросила, откуда он и как его зовут, он ответил, что забыл свое настоящее имя.

В 1954 году мы переехали в поселок Ангарск. Работали в садоводстве леспромхоза – выращивали помидоры, огурцы, капусту. Агроном был латыш – Арвидс Орланс.

Освободили нас в 1956 году. Родственники из Латвии (сестра отца) прислали деньги, и в 1957 году мы вернулись в Латвию. Мама болела и 4 апреля 1962 года умерла, не дожив до 50 лет. Я осталась одна, родственников у меня нет.

Когда вернулась в Латвию, поехала в Вентспилс – искала работу. Рабочие нужны были везде, но когда я показывала свою трудовую книжку, мне говорили: «Ой, мы уже вчера приняли... Приходите позже».

Год проработала в озеленительном хозяйстве, потом на промкомбинате: шлифовала глиняные горшки. В 1960 году заболела и болела долго – с апреля по октябрь. В Вентспилсе диагноз поставить не могли, говорили, что я симулянтка, но когда начались приступы, меня перевели в Ригу. А потом вентспилсский доктор Фридмане сказала: «Мы так давно вас не видели, вы должны лечь в больницу, иначе инвалидность мы вам дать не можем». Ничего не поняла – я же была в больнице все лето и осень. Потом врачи посовещались и дали мне 2-ю группу.

Жить было трудно, по инвалидности платили 37 рублей, я пошла работать.

АУСМА АЛТМАНЕ (ГУРЕЦКА)

родилась в 1931 году

Я родилась на хуторе «Эглайни» Анцеской волости Вентспилсского уезда – родители были новохозяевами. Мама занималась хозяйством, отец работал бухгалтером в волости. Он раньше служил в армии, младшим лейтенантом, после свадьбы уволился. Так мы жили до 1940 года. Работников не было, но когда дедушка умер, нам помогал молодой парень. Когда начались советские времена, помощник получил расчет, но все равно жил с нами, так как ни жилья, ни работы у него не было. Папа ушел с работы, хозяйничал дома. У нас было 44 гектара земли – два новых хозяйства. Когда делили землю имения, отец получил одну часть, вторую купили, взяв заем в банке. Земля была не пахотная, лес. Посреди леса построили дом. Работали все – и бабушка, и дедушка. Мы почти «встали на ноги», когда настал 1940-й, а потом и 1941 год. Помню, 14 июня 1941 года отца вызвали в Анцеский сельсовет. Уехал туда он на велосипеде, а привезли его на грузовике в сопровождении солдат. Отец был совершенно бледный. На сборы нам дали 15 минут. Отец взял бабушкин платок, не помню, что взяли, чего не взяли... Я к тому времени уже окончила 2-й класс. Запомнился момент – в школьной сумке вместе с книгами лежала и сумочка с рукоделием, которую я хотела взять с собой. Один из местных (Янис Дамбергс – он приходил к нам работать) вырвал ее у меня из рук и бросил под стол. Я полезла за ней. То же случилось и во второй раз. Тогда один из «черных» (южной национальности) не выдержал и повесил сумочку мне на плечо. Слава Богу, что бабушка и дедушка этот ужас не пережили, они к тому времени уже умерли.

Нас отвезли в Вентспилс. Отца сразу же отделили. Его вещи остались у нас в вагоне. Состав стоял в Вентспилсе всю ночь. В последний раз отца я видела, когда его в сопровождении двух солдат вели в туалет. Отцу разрешили подойти, он снял и отдал маме обручальное кольцо. Отец понимал, что происходит. Он был в России в Первую мировую войну, когда уходили из Латвии беженцами. Отца я запомнила таким, как он стоял возле вагона, – в сером костюме, когда отдавал маме кольцо...

Когда всех собрали, поезд двинулся. Ехали долго, мучительно, подолгу стояли. Вагоны отцепляли, снова прицепляли, вагоны были переполнены. Еды ни у кого не было – что вообще можно взять с собой в такой момент? Среди нас были маленькие дети, грудные, которые все время плакали. У матерей не было пеленок, дети просили есть. Взяли нас днем, когда светило солнце.

Узнали, что началась война. Думали, нас через границу не пропустят. Навстречу шли военные эшелоны, мы стояли. Иногда поезд останавливался в поле, где не было ни воды, ни еды. Туалет – в углу вагона сбитый из досок ящик с трубой, на рельсах – все видно. Среди нас были и мальчики-подростки, сначала стеснялись, но нужда заставила...

Видели и мужские вагоны. В них всегда кто-нибудь смотрел в окошко. Иногда они стояли на путях рядом, тогда все искали своих. Конечно, дозваться было невозможно. Это только еще больше расстраивало. Многие плакали. Когда останавливались на станции, можно было достать кипяток. Давали соленый, плохо выпеченный хлеб, но и ему были рады. Не было ни супа, ни каши, слава Богу, была вода. На улицу не выпускали, только иногда кто-нибудь из солдат приоткрывал двери.

Нас везли до Красноярска, потом на барже до Атаманово. Там высадили.

Отец был совершенно бледный. На сборы нам дали 15 минут... не помню, что взяли, чего не взяли...

Красиво вокруг было… Набрели на медвежонка – только не знали, кто это; хорошо, мама оттащила нас, и хорошо, что не было поблизости медведицы.

Съехались колхозные начальники, и началось, как на рынке рабов. Сначала отобрали тех, у кого не было детей, потом остальных. Из Атаманово нас везли 70 километров. До Атаманово недолго побыли в колхозе, который назывался Куйбышев, а до того деревня звалась Подсопки. Там не было ничего, все забирали для нужд армии. Ели траву, до сих пор щавелевый суп и в рот не буру. Ели зеленую коноплю. Как выжили, не знаю. И тиф был, и дифтерит, и дизентерия. Лекарств не было. У многих умерли их единственные дети, а уж о стариках и говорить нечего. Потом отвезли нас в Атаманово. Там был совхоз. Работали все – провеивали зерно, собирали картошку, в поле работали. Надо было возить дрова. Мама чуть не замерзла – быки устали и легли в снег, была метель, а они ни с места. И только когда отдохнули, пошли дальше.

Жили в старом развалившемся строении, раньше там был курятник. Навоза было с полметра. Мама вычистила. Языка не знали, вначале объяснялись жестами. Посреди помещения стоял огромный чугунный котел. Когда замерзали, садились внутрь, а внизу поджигали. Пока можно было терпеть, сидели и грелись.

Тетя Олга принесла из конторы огромные рулоны бумаги – плакаты с портретами Ленина, Сталина и других вождей. Мы оклеили ими стены. Мы пошли просить плакаты, и русские очень обрадовались, что мы признали их вождей, а потом кто-то увидел их на стенах.

Когда начались холода, единственным источником тепла был котел посреди помещения. Потом нас разместили в небольшой комнатке у кого-то из местных. Жили там я с мамой, тетя Олга с двумя детьми, Ниедра с ребенком. В комнате стояла широкая кровать, на ней все спали вповалку. Потом нас разместили в бане на окраине колхоза. Там жили Залцманы с тремя детьми и мы с мамой. В бане была большая хлебная печь. Мы, дети, собирали сучья и проводили все время на печи. Однажды печь не выдержала, обвалилась…

Аусма с матерью Лине в Латвии

Начала шить, зарабатывать. Папа положил в узел бабушкино белье, и там были длинные рубашки. Одна русская женщина увидела их и спросила, не могу ли я ей сшить такую же. Мне в то время было всего 11 лет. Конечно, могу, сказала я! Она принесла мне нитки и материал. На него я положила бабушкину рубашку, вырезала по контуру и пошила. У меня у единственной была иголка, которой пользовался весь поселок. За рубашку я заработала квашеную капусту и поставила ее вариться. Мама, когда вернулась с работы, удивилась, почему пахнет капустой. Я рассказала, мама просто онемела, побежала к Кате посмотреть на сшитую рубашку, и Катя от радости дала ей еще и картошки. Это была моя первая зарплата.

Оттуда нас отвезли в совхоз, где дали хлебные карточки. Заработка не было, даже такого, чтобы выкупить положенное по карточкам.

Воровать там можно было от души. Летом нас, детей, посылали полоть. Как же мы ели красную свеклу! Вместе с листьями… Животы у нас были огромные. Свеклу таскали домой, прятали под одеждой, варили.

Совхоз находился на горе, и там не было воды. Возили из реки на лошадях или быках в бочках. Однажды мне выбили зубы – бочка стояла на телеге. Везти от реки надо было три километра, и по дороге все брали воду. Меня толкали локтями, и однажды попало ведром…

Иногда тайком пробирались на ферму и черпали воду из бычьих кормушек, главное было не попасться на глаза сторожу. Носили мешки вместо одежды, мешки тоже были краденые, из колхозных сараев. Ходили подбирать колосья, хотя это не разрешалось, гоняли нас и на лошадях, и палками. Осенью картошку нельзя было подбирать, зато весной гнилую и мерзлую можно… Когда жарили, вонь стояла на весь барак. Спали в бараке на двухэтажных нарах. Холодно, про вшей и клопов я уж и не говорю… Чем больше чистили, тем лучше насекомые себя чувствовали… Летом спали на улице, но и тут клопы доставали. Нарвем полыни, обложимся вокруг – так и спасались.

Однажды, собирая картошку, наелись белены. Увидели что-то похожее на белую морковь, решили, что мороженая. Мороженая картошка тоже белая, почему же морковь не может быть белая? Принесли домой, и тут взрослые поняли. Мама побежала за молоком, отпаивать. Объяснили нам, что все подряд есть нельзя. Потом стали подбирать мелкую картошку на колхозном поле, наберем, сверху ягодами укроем, чтобы не видно было. Одна женщина украла в погребе две картошки, так ее посадили в тюрьму. Муж ее вернулся из лагеря, она умерла, а ребенка отдали в детский дом. Взрослым надо было быть осторожнее. Помню, мама и тетя Матилда из Зуры принесли ворованной картошки. Сидели и рассуждали, что детей ворами растят, что ничему другому они в жизни не научатся. Мы воровали все, что можно было съесть…У людей не воровали, только на колхозном поле…

Как-то уже созрела капуста. Мама тоже пошла воровать, я плакала, не хотела ее отпускать, боялась, что ее посадят в тюрьму. Женщины ушли с мешками. Поля охранял сторож. Женщины бросились бежать, а у мамы от страха начался понос. Другие прибежали с кочанами, а маме пришлось все бросить. Она потеряла мешок с «меткой», потом долго переживала, что по мешку ее найдут.

На Рождество или в другие праздники спрячемся, бывало, и вспоминаем, как отмечали в Латвии. Конспирация у нас была на высоком уровне – замолкали, стоило кому-нибудь жестом показать, что приближается чужой.

Пошли разговоры, что из Латвии приходят письма, что Ригу «освободили». Мы были из Курземского котла – там держались до последнего!

В 1946 году Красный Крест стал увозить детей. Я приехала 14 сентября 1946 года. Сначала отправили тех, у кого не было родителей, из детских домов. Говорили, что записывают в Красноярске и могут уезжать дети до 16 лет. Это был хорошо организованный беспроволочный телеграф, ведь газет не было. Зато не было проблем отправиться за 50 километров, чтобы встретиться с другими латышами.

С нами были три сына Дорбе, и на машине нас отвезли в Красноярск. Там нас разместили в школе глухонемых, прямо напротив Столбов. Природа там очень красивая, в школе глухонемых мы прожили почти месяц, нас посылали сгребать сено, пасти коров. Вероятно, мы «испортили» всех коров – потихоньку доили их, потому что и там голодали… Когда нас посылали на сено, давали с собой хлеб на всю неделю. Мы, конечно, его в тот же день съедали, потом шли обратно 50 километров по камням, по большаку. Ноги у всех были в мозолях, поднималась и температура.

В сентябре за нами пришел вагон, прицепили его к поезду, в дорогу дали хлеба, на остановках кормили, бывало, супом, кашей.

В колхозе была с нами учительница Зина Янсоне (муж ее был офицером, и о нем ничего не было

известно), с ней маленький ребенок. Я иногда присматривала за ним, за это она меня учила. За первый год довольно хорошо освоила русский язык. Позже в совхозе я одна посещала школу. Мама меня заворачивала в ворованные мешки и относила в школу, потому что обуви у меня не было. Мне тогда могло быть лет 12. Школа находилась в большой комнате, где за печкой жила учительница. Она учила ребят до 4-го класса, сразу два класса. После школы мама меня такую же закутанную относила домой.

Все мужчины были в армии, остался один конюх. На войне ему оторвало ногу. У него был отвратительный характер, он называл наших мам проклятыми фашистками, потому что женщины боялись запрягать быков. Вместе с нами жили и немцы с Поволжья, во второй половине войны привезли калмыков и казахов. Председателем совхоза был поволжский немец. У него была дочь, года на два старше меня. А так как в местной школе было два класса, продолжать учебу надо было в районном центре. Председатель меня пожалел и разрешил ездить в школу с его дочерью. С собой у нас была картошка. Там я закончила 6-й класс.

Когда мы приехали в Латвию, нас сначала отвели в баню, а потом в детский дом на улице Дунтес. Там нас ждали чистые постели, белые скатерти. Как на чудо мы смотрели на еду, страшно было все это есть, мы так изголодались, что нам могло стать плохо. Помню «плавающие острова» со сладким соусом… Нас спросили о родственниках. У меня в Латвии был мамин брат, но из детского дома меня забрала двоюродная сестра. В первую зиму я учила латышский язык там же, в Анце. Закончила 7-й класс. Потом училась в Вентспилсе.

В 1948 году в Латвию сбежала мама. В первый год я жила и работала у дяди – выполняла все хозяйственные работы. Чтобы я могла закончить 7-й класс, на неделю я получала буханку хлеба и миску жареного мяса. Общий стол был бесплатный, снабжали окрестные хозяева. Мама прибежала без денег, без документов. Родственники, охваченные страхом, старались от нас избавиться. Мама устроилась в лесничество уборщицей. Не прошло и года, как ее взяли второй раз. У мамы была корова, ее забили. Я поняла, что не могу оставаться там, где жила мама, потому что могут взять и меня. Мне нужна была работа, но с моей биографией и без образования меня никто не хотел брать. Взял меня на работу какой-то армянин, где уже работала бывшая ссыльная. Мое первое впечатление от директора – маленького роста, некрасивый, лицо в оспинах. Он спросил, говорю ли я по-русски, хочу ли работать. Я спросила – а как же с моей биографией. На что он ответил – какая у тебя может быть биография? У тебя вся жизнь впереди. В отделе кадров мне дали чистый лист бумаги и он велел написать, как меня зовут, где родилась, сколько окончила классов. И все. Послали меня на работу не в Вентспилс, а в Угале – визировщицей. Я должна была доставать из мешка зерно на анализы. Так из Анце я попала в Вентспилс. Жена директора была прокурор, ее перевели в елгавское «Заготзерно». Он сказал – раз уж я взялся устроить твою жизнь, не брошу, пока замуж не выдам.

Взяли меня на работу в Елгаву. Мне везло. Год ничего не знала о маме. Из Ярцево, за Полярным кругом, пришло от мамы письмо. Возможно, туда ее послали для безопасности. Ехала она по этапу, вместе с уголовниками. Думала – как там мама? У нас тоже не было ни теплой одежды, ни обуви. Все вещи растащили «добрые» соседи. Все, что осталось, отправила маме. Там мама познакомилась с бывшим политзаключенным, срок которого вышел, но которому запрещено было возвращаться в Латвию. Вместе они прожили 25 лет – вдвоем все же легче…

Об отце я узнала во времена «Атмоды» из газеты «Литература ун Максла». Из Даугавпилса был выслан врач, который тоже был в Вятлаге. Когда он умер, у его дочери нашли написанную на папиросной бумаге записку с именами умерших, а рядом диагноз, одной буквой, но расшифровать не удалось. Так я узнала, что отец умер 1 февраля 1942 года, а 9 февраля мне исполнилось 11 лет.

Когда началась «оттепель», я стала писать в Москву. Советчиков у меня было много. Пришел ответ, что судьбу моей матери надо решать в Латвии. Я вышла замуж, сменила фамилию и поехала в Анце. Встретили того, кто второй раз осудил мою маму и брал ее. Он привык грабить, потому что после высланных оставались вещи. За такие дела его уволили с должности. Я встретила этого человека в магазине. Он спросил – разве я имею право находиться в Анце? И тогда раз в жизни с большим удовольствием я наговорила ему столько бранных слов! Мы находились в запретной зоне. Но я подумала – пока вы опомнитесь, я уже буду далеко! Еще и сейчас помню, что выложила все, что накопилось в душе. Сейчас у меня ненависти нет, но мне не нравится, что к нам относятся так же, как к легионерам. Когда думаю о том памятнике…Чего только не ставят в центре Риги! Не надо нам никакого «модерного» камня…

ИНАРА АЛТРОФА (ЕНЗЕНЕ)

родилась в 1934 году

14 июня 1941 года рано утром нас вывезли со станции Торнякалнс. Помню, к кровати подошла мама и со слезами на глазах принялась меня будить. В доме были чужие люди, говорили на незнакомом языке и трясли наши вещи.

На станцию привезли на машинах и велели грузиться в вагоны для скота. Взрослые плакали. Я ничего не понимала. Ночью мужчин вывели из вагона. Помню отца в сером костюме, как он стоял в дверях...

И мы поехали, долго ехали. Когда в Торнякалнсе ставили памятный камень и на рельсах вагон, я вспомнила, где было мое место в вагоне – справа, на нижних нарах, у самой стены. Туда я и положила цветы.

В России с поезда нас пересадили на баржи – там были тысячи людей. Доставили нас в Парабельский район Томской области на Нарымский шпалозавод. Поселили в клубе, где с потолка падали клопы. Людей было много, и я панически боялась потерять маму. Потом нас распределили к местным русским, добавив, что мы фашисты. Отношение людей было разным.

В первый год в школу не ходила, так как было не в чем. Было у меня пригодное для Латвии пальтишко, ботики и красные сандалии. В школу пошла, когда мама выменяла валенки, фуфайку и ватные штаны.

Женщин направили на работу в лес, но и у мамы не было одежды – только зимнее пальто и боты, а снегу там было по пояс.

Многие годы с приближением весны латышские дамы (настоящие дамы!) приходили на берег Оби и ждали парохода, который отвезет их домой. Наша Латвия была для них святыней.

Потом начался голод, потому что всю одежду распродали. От голода многие умирали. Из Парабели нас вернулось четыре девочки, остальные лежат на холмах Нарымского шпалозавода.

На севере лето короткое, земля, правда, оттаивала, но сеять было нечего. Съедали всю траву. Работающим, если выполняли план, выдавали 500 г хлеба. Мне от «кирпичика» доставалось полкусочка. От голода почти не шевелилась. В ссылке была и доктор Алка с семьей. Мама позвала ее ко мне, и я слышала, как доктор сказала: «Надежды никакой. Маленькие прозрачные косточки, обтянутые кожей». Лежала в забытье, только каждый день читала Отче наш, просила, чтобы могла я поесть хлеба, сколько захочется. Бабушка тоже молилась, и произошло чудо – я начала вставать и выжила. Но сотни, тысячи остались на чужбине, не вернулись.

Мама тоже была очень слабая. Но выжили. После войны мама стала искать сестер в Риге. В то время врагам народа ничего посылать не разрешалось, но мы получали бандероли с газетой. Из нее я мастерила тетрадки. Чернила делали из сажи, а вместо ручки лучина. Когда однажды из газеты выпал носовой платок, я спросила у мамы – что это? Жуткие условия жизни превратили нас в дикарей.

Все время искали папу. Мама писала в Латвию. Однажды получили известие, что его нет, потом сообщили, что он осужден на 25 лет.

С мамой вернулись в Латвию в 1958 году на октябрьские праздники. Ночью, когда переехали границу, мама подвела меня к вагонному окну и сказала: «Вот сейчас, Инара, ты въезжаешь на родную землю, которая принадлежит тебе и твоему народу». Слова мамы я слышала, но понять их было трудно.

Помню, к кровати подошла мама и со слезами на глазах принялась меня будить. В доме были чужие люди, говорили на незнакомом языке...

На чужбине я научилась валить и пилить деревья, сплавлять лес, и если была еда, уже не казалось большой трагедией то, что со мной случилось.

Когда позже я спрашивала у мамы о жизни в Сибири, она отвечала: «Я ничего, доченька, не помню». Пережитое все еще болело, и потому дверь в прошлое она захлопнула навсегда. Мама была инвалидом 2-й группы, умерла она в 1987 году. Жаль, что не дожила она до 1988 года и Атмоды, они бы вернули ей радость жизни и улыбку, потому что, возвратившись домой, мама никогда больше не улыбалась.

Когда мы вернулись в Ригу во второй половине 50-х годов, прописаться нельзя было, нам везде отказывали. И родственники панически боялись, что все может повториться, да и сами жили в тесных квартирах. Наконец при содействии знакомых нас прописали в Милгрависе, на улице Эммас. Жили мы и в Межапарке, у жены офицера, который был выслан.

Работу найти не могла, ведь у меня «неправильная» биография. К тому же говорила только по-русски. В Сибири работала с 12 лет, но трудовые книжки на нас не заводили. Выписали только, когда мне исполнилось 18 лет, но хорошая знакомая ее украла. К счастью, брат отца устроил меня на радиозавод Попова, где я проработала пять с половиной лет.

Вышла замуж, родился сын. Когда сыну исполнилось два года, надо было идти работать. Тетка мужа была юристом, работала в Совете народного хозяйства, где нужен был человек, размножать документы. Когда меня привели к начальнику управделами Совнархоза, вся кожа была в мурашках. Я ему сказала по-русски: «Знаете, я из Сибири». Он мне по-русски ответил: «Вы к этому делу не имеете никакого отношения». Написала, что закончила в Томской области Парабельскую вечернюю школу, и мою «неправильную» биографию он положил в папку. Когда через три года министерства реорганизовали, меня взяли инспектором в Министерство стройматериалов.

Инара (первая слева в последнем ряду) в Сибири

Инара с матерью Зелмой в Сибири

Инара вместе с другими ссыльными в Сибири

В 1985 году подруга, которая работала в научно-исследовательском институте в нынешнем Латгальском предместье, пригласила к себе, так как им нужен был техник. Институт подчинялся Москве. Пришла в отдел кадров института, где сидели три «настоящих товарища». Сказала, что окончила Томскую среднюю школу, что я оттуда, куда в свое время был сослан Сталин. Вам надо было видеть реакцию «товарищей». Повскакали и стали кричать: «Как вы смели перешагнуть порог нашего учреждения!» Это мне дорого стоило: начало шалить сердце, сдали нервы.

Я продолжала работать на старой должности. Когда до пенсии оставалось восемь месяцев, министерство ликвидировали, но я имела право получить пенсию сразу же. Хотела, чтобы посчитали и три с половиной года, проработанных в Сибири, но женщина, которая вела эти дела, увидев предыдущую трудовую книжку, забрала ее, чтобы вышло, что я работала только в Риге.

Теперь получается, что я провела в Сибири 15 лет 4 месяца и 8 дней. Но и там был обман. Каждый прожитый в Сибири год считается за пять трудовых лет, мне насчитали год только за три. Пошла в соцотдел, а там женщина меня спросила: «Вам что, еще мало?» Собралась комиссия, и ошибку исправили. Теперь мой трудовой стаж превышает сто лет.

Когда я из ссылки вернулась в Ригу, на себе ощутила, как нас презирали и не считали за людей. Появился жуткий комплекс неполноценности, людям не доверяла. Все это сказалось и на духовном, и на физическом развитии. Не помогли и полученные впоследствии документы, что наша семья – Артурс Алтрофс, Зелма Алтрофа и я, Инара Алтрофа-Ензене – реабилитирована. Это всего лишь «бумага».

Реальность совсем другая. Даже в паспортном столе на маму по-русски накричали: «Чтоб вы там лопнули, вы не имели права возвращаться!» После этого мама ни в какие учреждения уже не ходила.

И у меня чувство неполноценности после общения с государственными учреждениями только нарастало. Я жила в своей стране, но была никем. Нежелательная персона. Хотелось взять чемодан и уехать обратно. Мне сказали: «Не уезжай, Инара, мы направим тебя учиться, будешь начальником цеха или будешь работать в бухгалтерии...»

А отношение других людей было ужасным. По-прежнему когда я показываю свидетельство репрессированного, некоторые смотрят на меня так, будто я кого-то лишила жизни.

Однажды в поликлинике пошла к невропатологу (мне за прием платить не надо), показала удостоверение, так врач рассматривала его через увеличительное стекло – не фальшивое ли. Это бесстыдство меня шокировало, я встала и вышла. Дома плакала: она, моя соотечественница, считает нас преступниками, подделывающими документы? Больше я к этому врачу не хожу, хожу к другой, она не латышка.

Прошло много лет, и все же люди нам не доверяют, будто мы преступники. Но ведь мне в момент высылки было всего семь лет...

БИРУТА АНДЕРСОНЕ (ДМИТРИЕВА)

родилась в 1934 году

14 июня 1941 года приехали на машине, забрали всех – отца, мать, бабушку. Сказали, что повезут на станцию. Привезли, посадили в вагоны для скота. У мамы с собой ничего не было, только альбом. У кого-то было с собой много вещей, у кого-то ничего. Первую зиму кое-как прожили, умерла бабушка.

Всех переселили на север, в Туруханский район. Когда нас везли, говорили, что бесов везут, закрывайте двери и окна! Никто никуда нас не впускал. Осенью жили под лодками на камнях. Стало холодно, у берега лед. Стали рыть землянки. Выше было кладбище, а наши землянки внизу. Так прожили мы год, потом уж, когда увидели, что люди мы неплохие, хозяева стали пускать к себе.

Мама все лето и зиму работала в колхозе. Летом я одна жила у чужих. Потом окончила 7 классов.

Мы, три девочки, ездили в район – две латышки, одна русская. Окончила 8-й класс, надо было выбирать специальность. Была школа для бухгалтеров, меня приняли. В НКВД узнали, погнали нас обратно. Сказали – не поедете добровольно, повезем с конвоем. Приехала обратно. Трудно это было.

Мама очень переживала. За 5 дней в колхозе платили копейки. Ходили в лес рубить дрова, снег по горло. Так мы, 3 девочки, работали. Летом ходили рыбачить на реку. Закончили 4-й класс – в пятом ты уже кадровый колхозник, не только латыши, все. Потом второй раз убежала в район. Ходила в 9-й, в 10-й класс. Было нелегко, жить приходилось у чужих, надо было работать. Заболела, из-за болезни не смогла сдать экзамены. Убежала дальше. Пошла в Шушенский техникум, там можно было остаться, большой конкурс был. Красноярские уезжали домой, и я вернулась в Красноярск. Пошла работать на фабрику. Приняли, проработала 25 лет крановщицей.

Мама хотела отправить меня к хорошей тетушке. Я сказала: «Как я тебя, мама, оставлю?» Не согласилась. Осталась с мамой. С мужем познакомилась на заводе. Я работала, он вернулся из армии. 45 лет прожили. Жаловаться нельзя.

Как удалось язык сохранить? А я и сама не знаю. В 1980 году всей семьей приехали в Латвию, в Риге жила двоюродная сестра. Съездила к знакомой, с которой вместе были здесь, в Сибири. Тетю в Риге нашли. В то время трудно было разговаривать – она не понимала по-русски, я – по-латышски. С мамой почти не виделись – она на работе, я на работе. По-латышски говорить было не с кем.

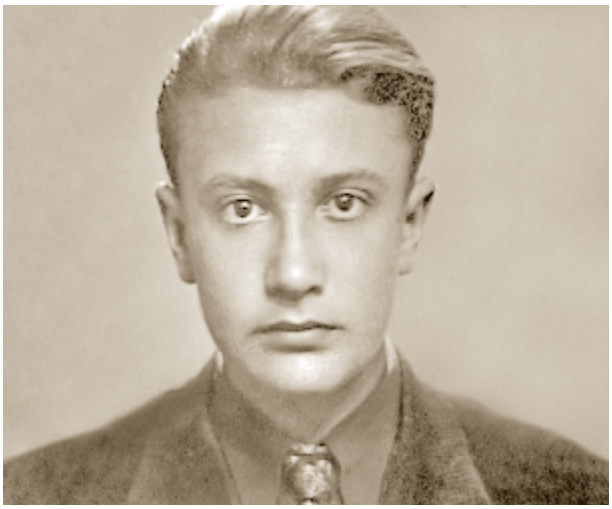
Жаль, что нет у меня Родины. Теперь и вернуться некуда. Все умерли. Дом, который возвратили, развалился. В нем жили колхозники.

В 1987 году была на курорте – в Юрмале. В 1991 году тоже была там. Сейчас приехать дорого, а если с мужем – вдвое дороже. Когда дядя умер, ходила в консульство, спросила, к кому обратиться. Ответили, что ничего не знают, идите себе. Потом уж мне в консульстве все помогли оформить. Я позже ему сказала: «Ты латыш, а как себя ведешь! Я не с сумками приехала, а на Родину!» О сертификатах переписывалась с министром, многие уже получили, мне ответили, что вопрос об иностранцах пока отложили. Хороши «иностранцы»! Я не согласна, мы же не сами уехали, нас выкинули, вывезли.

14 июня 1941 года приехали на машине, забрали всех – отца, мать, бабушку... У мамы с собой ничего не было, только альбом.

ЮРИС АНДРЕНС

родился в 1923 году



Родился я 2 августа 1923 года в Риге. Когда мне исполнился год, родители переехали в Юрмалу. Отец работал в уголовной полиции. Я учился в Дубулты, в Меллужской средней школе. В 1934 году отца перевели в Ригу. Я уже был в предпоследнем классе гимназии и 14 июня должен был сдавать последний экзамен – геометрию.

Учился до часу ночи. Проснулся от страшного стука в дверь, и кто-то по-русски сказал: «Вставай!». Помнится, были там и два латыша в штатском. Мама собирала чемодан, а один молодой парень схватил с кровати одеяло, расстелил на полу, открыл шкаф, двумя руками достал одежду и бросил на одеяло, сказав: «Вот так надо собираться!» Связали и второй тюк. Внизу нас ждал грузовик. В нем уже сидели люди. Моросил дождь. Повезли нас в Торнякалнс, на путях стояли составы. Большая благодарность тому человеку, который показал, что надо брать с собой, это спасло нам жизнь! У нас был товар, который мы меняли на еду.

Посадили нас в товарные вагоны, с нарами. У меня записаны все имена и фамилии – нас было 26 человек. Старшим по вагону назначили моего отца. Всю дорогу ехали вместе. Выехали 15 июня в час дня. В Огре поезд остановился, двери открылись. По перрону ходили люди, можно было бежать, но нам это и в голову не пришло. В России на всех остановках был кипяток и холодная вода. Нам дали два ведра, мы бегали за водой. Естественные нужды справляли под вагонами. Превратили нас в скотину.

1 или 2 июля прибыли в Канск, ночевали на территории местной школы – на улице, на скамьях. Начали прибывать представители из колхозов, отбирали себе людей. Погрузили нас в машину и повезли в горы. В Абане пробыли два-три дня. Самое замечательное было, что нас отвезли в баню, вымылись как следует. Потом восемнадцать человек погрузили в два газика и повезли в тайгу, за 60 километров, в село Долгий Мост. Там строили шоссе. Вечером, когда мы приехали, сбежалась вся деревня, как на цирковое представление, – «фашистов привезли»...

Проснулся от страшного стука в дверь, и кто-то по-русски сказал: «Вставай!».

Переночевали в конторе. Потом выделили нам старую постройку в конце деревни. Мы назвали ее «латышской хатой». Осенью перешли жить к русским – в закуток. Латыши не привыкли жить в куче. Мы с отцом помогали хозяйке, муж ее был на фронте. Работали в колхозе. Было нас пятеро мужчин – Адамовичс, два Андренса, Франкс, Бирзниекс. Зимой заготавливали дрова для магазина. Весной – чурки для тракторов. Летом заготавливали сено, рыли силосные ямы.

В первую зиму всех старших по вагону отправили в лагерь, про отца почему-то забыли, и он остался с нами. Весной мама одна прошла 60 километров через тайгу в Абан. Утром пришла. В начале июня 1942 года сообщили, что надо уезжать. Побежали на мельницу, смолоть зерно. У нас был целый мешок муки. Тащили с собой. На следующий день лошадьми нас доставили в Абан. Там умерли две латышки – Струнка Анна из Риги и женщина из Тукумса, отец ее работал в железнодорожной полиции.

Пешком дошли до Канска, потом поездом ехали до Красноярска, там был большой лагерь – немцы, калмыки и латыши. Пробыли там пять или шесть дней. Грузили и уголь. Потом нас повели на берег реки, где стояли баржи и лихтеры. На лихтере нас было 3000 человек. В караване было, вероятно, 11 барж

Юрис Юрисович

Юрис с матерью Алвиной и отцом Волдемарсом

и буксир впереди. Во время шторма порвался трос, караван распался. Через пару дней поплыли дальше, до Дудинки, примерно 2000 километров. Плыли недели две. Часть людей высадили в Игарке.

Нас высадили в Пшеничном – в четырех километрах от Дудинки. Поделили на группы и повели на рыбоперерабатывающие пункты. Мы работали в Заостровке. Бригада латышей – 14 человек. Поставили палатку. Вели жестокую борьбу с комарами – от них не было никакого спасения. Потом начался период дождей, хлеб не привозили. Ели рыбу, запрещалось, но мы пекли и ели.

Пришел пароходик, набирал людей на стройку. Мы с мамой записались, отец остался ловить рыбу. Строили помещение для засолки рыбы. Приехал один начальник, велел разобрать, приехал другой – велел строить. Там мы не голодали, разве что ветер продувал барак насквозь. Как-то поехали с бригадиром за гвоздями, за печкой и еще за чем-то. Бригадир остался у своей Маруси, а мою лодку спихнул в воду, велел возвращаться самому. Дул сильный ветер, лодка нагружена с верхом, она и «булькнула». Сам еле выбрался, а ценный груз ушел на дно. Прошел три километра пешком, рассказал, начальство вызвало подмогу, и все уладилось.

В магазин ходили в Дудинку. На берегу реки всегда работали заключенные – собирали камни и старались укрепить берег. Это было бессмысленно, так как волны все вымывали. Однажды отдал им пачку махорки. Нам выдавали табак, но курили только четверо, остальное делили – за это мне достались две пары сапог. Табак ценился.

Отправили нас в Дудинку, там стоял пароход «Монреаль», строили нары в трюме. Через некоторое время набрали людей, посадили на этот пароход и отвезли в Хатангу. Приехал отец с рыбных промыслов. В сентябре нас отвезли в Дудинку, где стоял большой океанский пароход. Посадили нас на немецкий пароход «Фридрих Энгельс». Около 300 человек. Там же стоял транспортный корабль с подпорченной «физиономией» и двумя пушками.

Везли нас в Хатангу, попали на Диксон. Несколько дней стояли в порту, дальше ехать было опасно, впереди был немецкий крейсер. В нас проснулась надежда, что везут в Америку, требуют нас освободить. Но это была лишь мечта. Сами организовали бригады и выгружали из трюмов лес, стройматериалы и продукты из США. Меня поставили на кран, я был парнишка ловкий.

Кормили три раза в день, как королей. Супа давали, сколько хочешь. И ели, сколько хотели, зато и пришлось потом «побегать». Выгружали пароход две недели. В бригаде были отличные ребята, нас хотели даже оставить на Диксоне, но КГБ не дал разрешения, и нас отвезли в Усть-Порт. Высадили 3 октября, а ночью мороз минус 20 градусов. Палатка – посередине бочка вместо печки. Воровали уголь, чтобы не замерзнуть.

Неизвестно было, что с нами делать. В палатках прожили недолго, переселились в старый барак. Остальные ждали, пока построят землянки. В ту зиму многие умерли. Мое место было на втором этаже, в углу. Спали в одежде. Мы с отцом начали работать в строительной бригаде. Прислали стандартные домики, надо было их собрать и растопить землю для свай. Строили мы холодильник для рыбоконсервной фабрики.

В декабре подхватил бронхит, потерял голос. Молодая русская докторша, Арина Николаевна, хороший человек, освободила меня от работы на два месяца. Женщины и девушки с утра до вечера таскали в гору уголь и соль, позже стали работать на фабрике. Продукция шла в Москву. Рыба была хорошая, лососевых пород. Зато у самих с едой было плохо. Это были трудные годы. Жили впроголодь. Хлеба давали 600-800 граммов в день. В месяц 1-1,5 килограмма крупы, 700 граммов масла, 700 граммов сахара, 3 килограмма рыбьих голов и 100 граммов табака. Можно было выбирать – не брать продуктов и три раза в день питаться в столовой. Утром там давали чай с булкой, в обед жидкий суп, котлету или рыбу и чай или компот, вечером хлеб. Этим и надо было обходиться. На морозе, одежда хлипкая, работа тяжелая. Все время сверлила одна мысль – где бы чего поесть, достать хоть кусок хлеба. Если хорошо попросить, иногда могли выдать и завтрашнюю порцию. Это было ужасно. Думал – неужели настанет время, когда я смогу съесть столько, сколько захочу.

Закончилась война. Улучшилось снабжение. И мы приноровились – ловили петлей куропаток.

Жена Юриса Беатрисе и дочь Айя

Позже мама стала заведующей складом. Я работал плотником, учетчиком, нормировщиком, рыбоприемщиком, истопником, машинистом паровой машины. Надежды на возвращение домой не было, нам сказали, что высланы мы на вечное поселение. Правда, в 1946 году одна девочка из Усть-Порта уехала в Латвию, сейчас она живет в Риге. Но у отца были проблемы с легкими, мама тоже болела, мы получили справку от врача, которую предъявили в КГБ. Нам сказали, что можем уезжать с Севера. Уехали с последним в ту навигацию пароходом – 3 октября 1948 года. Поехали в Дудинку, и хотя в пути сели на мель, успели на большой пароход – в Красноярск. Хотели остаться в городе, но тогда пришлось бы идти с поллитровкой в КГБ. Решили с отцом, что лучше поедем туда, куда нас направили, – за 140 километров в Даурск.

Там был комбинат и швейный цех, меня послали чинить швейные машины. Велели наточить ножницы – наточил обе стороны, после чего они перестали резать. Директор был хороший дядька,

сказал: «Иди столярничать!». Так я начал заниматься деревом. Я женился, жена Беатрисе сидела дома. Родились дети. Мама работала бухгалтером, отец бригадирствовал в столярке, изготавливал мягкую мебель. Он был настоящим спецом – всем требовались кожаные диваны.

В 1953 году все должны были явиться в дом культуры, который находился в бывшей церкви. Там нам сообщили, что умер Сталин, Вождь и Отец. Русские плакали по-настоящему. Началась оттепель – нам позволили свободно передвигаться по области. Но у этой палки было два конца – можешь ехать, но без разрешения или без серьезной причины с работы не уйти. Старого начальника уже не было, молодой не отпускал ни меня, ни отца. Получил отпуск, оформил бумаги и приехал обратно.

Решил бастовать – на работу пришел, сел на верстак, сижу. Прибежал начальник, вытаращил глаза и убежал. Бастовал две недели, тогда он позвал меня и приказал: «Убирайся!» Он определенно куда-то жаловался, но по новому закону нас следовало отпустить с работы, если мы изъявим желание. На последнем пароходе добрался до Красноярска. Там знакомые устроили меня на небольшой фабрике столяром. Беатрисе делала чемоданы из фанеры, оклеивала изнутри обоями.

Нам дали комнатку. Заработать можно было хорошо. Начали строить дом. Начальник был хороший – еврей. Нам помогли с материалами. Сам делал окна.

Отец писал заявления об освобождении, но из Риги пришел ответ, что он освобождению «не подлежит». Местные сказали – продолжай писать. Мы уже фундамент дома заложили, когда пришел отец и принес постановление – 29 августа 1959 года мы освобождены. Что делать? Конечно, ехать домой! Все ликвидировали как можно быстрее. Оформили паспорта и воинские документы, продали дом, купили билеты и уехали в Латвию. Другие остались.

В Ригу приехали 26 октября. В 1941 году вывезли троих членов семьи Андренсов, вернулись – шестеро.

Юрис в Сибири

АНДРЕЙС АНТОНС

родился в 1940 году

Я родился 29 сентября 1940 года в Тукумсе. В 1941 году нас вывезли в Сибирь. Отца не было дома, вместо него взяли дедушку. Потом отец сказал – там, где моя семья, там должен быть и я, – и пришел в вагон. Дедушку отпустили. Наши вещи – один-единственный чемодан – был у отца. Больше нам взять с собой не разрешили. В Тукумсе в вагоне мы побыли три дня. Мамина двоюродная сестра, Алма Цине, принесла нам детскую одежду и передала ее через окошечко.

Высадили нас в Красноярске, там же были перекупщики, потом нас повезли в Нижнеингашский район, в Межгранку. Там в основном были латыши, работа – сбор смолы, подсочка. Деревья нужно было надрезать часа в четыре-пять утра. Работа была и вечером, так как днем из-за жары работать было невозможно. Помню барак, в котором мы жили – посередине находилась печь, мы, дети там играли. Летом бегали босиком. Руки, ноги в цыпках, лекарств не было, мама велела мочить в соленой воде. Хотелось есть. Буханку хлеба, которую выдавали на день, могли съесть в один присест.

Помню, жили вместе с Беньямином, детей у него не было, его направляли на тяжелые работы. Мои разноцветные пеленки мама могла обменять на корзину картошки. Если у кого-то было золото – оно никому не было нужно, платок был важнее. То, что нас не считали за людей, это факт. После смерти Сталина жизнь немного изменилась.

Мама работала мастером. После войны вернулся старый мастер, и маму уволили. Но он проработал недолго – у него не было образования, и маму поставили на старое место.

В ее обязанности входило взвешивать, записывать. Бочка весила около 200 килограммов. Помню, лето, жарко. Машин не было, только лошади. Сено там убирали иначе – мы, мальчишки, сидя верхом, тянули за лошадью «чачи». За это получил первую зарплату – 17 рублей.

Работать надо было обязательно – в деревне оставались только немощные. Позже латыши из нашей деревни разъехались, мы остались чуть ли не единственные. В 1949 году привезли высланных литовцев, поселили в тесной комнате, нары были сколочены из досок, родители спали головой в одну сторону, дети – в другую, чтобы было теплее. С литовцами мы подружились, я даже начал говорить по-литовски, был и переводчиком – литовцы русского языка не знали.

В школу пошел в шесть лет, но оказалось, рановато. С 5-го класса надо было уже ездить в другую школу. И мы уезжали на неделю. Школа была в 20 километрах от дома. За спиной в котомке несли еду на всю неделю. Шли, конечно, пешком. Потом стали жить лучше, местные, кто работал в колхозе, жили хуже нас. Мы с литовцами построили хлев, держали коров, был у нас и огород. Позже у некоторых литовцев появились даже мотоциклы, машины.

Пели песни о Родине. Мама много рассказывала о Латвии. Но школьная идеология была вбита в меня уже с 1-го класса. Поэтому то, что рассказывала мама, понять мне было трудно, не мог представить, что бывает иначе. В школе нам рассказывали о Сталине, Хрущеве, в 5-м классе нас снова стали обзывать фашистами, приходилось драться и защищаться. У меня был друг – местный русский мальчик, и его отец меня защищал, спасал, потому что за драку меня хотели исключить из школы. У друга умерла мама, у меня не было отца – мы понимали друг друга. Отец друга был офицер.

Отца не было дома, вместо него взяли дедушку. Потом отец сказал – там, где моя семья, там должен быть и я, – и пришел в вагон. Дедушку отпустили.

Андрейс с матерью Элзой в Сибири. 1945 год

В школе все занятия велись на русском языке. Вместе с нами учились литовцы и украинцы. Украинцев высылали и в 1950-м, 1951 году.

Ни еды не было, ни одежды. А какой из тебя работник, если ты голоден? У украинцев с собой было много вещей. Там, где мы были, никто не запрещал веру, литовцы были очень набожными.

Вначале было трудно, потом платить стали довольно хорошо. Были случаи, когда мясо павшей скотины отдавали людям. Местные знали съедобные травы. Мы, мальчишки, в лесу добывали еду. Вначале сажали картофельную шелуху. Если доставали лошадь – пахали землю, не было – копали лопатами. Маленький, я почти все время проводил на улице. В лесу искал съедобные корешки, черемшу, собирали грибы и ягоды: черную смородину, малину, клюкву. Потом держали поросенка, была и хлебная печь, в магазине покупали крупу. С детства у меня сохранился синдром выживания – когда были в лесу, ел сосновую хвою, хвою лиственницы, забирались на деревья за орехами. В Сибири в лесу заблудиться было почти невозможно – мы в лесу выросли. Звери нас не трогали – волки, медведи от человека убегали.

Помню, как-то возвращались мы из школы, и внезапно началась метель. Были мы вдвоем. Дорогу замело, сосед мой шел с трудом. Первые 10 километров надо было идти по шоссе Долгий Мост – Канск, потом через луг в лес. Если случалось сойти с дороги, оказывались по пояс в снегу. Леса не боялись.

Сейчас видимся с детьми госпожи Гулмане и Купши, вместе были в Сибири.

Вокруг были заключенные, они работали в лесу. Мы ходили к ним, носили мыло. Они для нас мастерили всякие вещицы. Помню, играем мы на улице, дело было зимой, мимо заключенные волокут по снегу тяжелый тракторный прицеп с пилами. Дороги там не было.

В 1946 году домой уехали Бирута Берзиня, Рита и Юрис Кива, потом их вернули обратно. Я ходил к ним в гости, жили они километрах в 20 от нас. В 1946 году все взрослые ребята очень хотели уехать домой, даже мысли не было, чтобы остаться. Когда в 1949 году к нам привезли литовцев, надо было идти подписаться, что мы никуда не уедем. Родители пошли в комендатуру. Литовская молодежь раза два или три собралась было бежать, но их поймали. Мама очень хотела уехать в Латвию, и в 1956 году за хорошую работу ее отпустили в гости, я же поехать с ней не мог, остался как заложник в Сибири.

Я приехал домой в 1957 году, один. Мама переписывалась с моей крестной. Когда я приехал, мне все казалось странным. Я привык к тайге, и, начиная с 8-го класса, мне в Сибири было уже хорошо – я работал в лесу, зарабатывал 1800 рублей в месяц, зимой работал на заготовке леса. Приехал в Латвию – какая здесь нищета! Колхоз или совхоз обещал мне 40 рублей в месяц! Потом меня взяли в армию. Отслужив, стал работать слесарем за те же 40 рублей. Трудно было с латышским языком. Записался на шоферские курсы, так всю жизнь шофером и проработал.

В 1959 году приехала мама. Поступила в совхоз, бухгалтером, жила в Семе. Позже дом продали, я женился и остался в Тукумсе. Отцовское хозяйство мы не вернули. Дом снесли, уже были заготовлены материалы для строительства хлева, стояла молотилка. Хозяйство отдали мужу бабушкиной сестры, который любил выпить. Мой дед, он был капитан, был вынужден расплачиваться за его долги.

Для латыша, который живет в Латвии, Латвия – всё. Как Россия для русского, который живет в России. Конечно, есть и такие, для кого родина там, где ему хорошо. Я тоже ничего другого, кроме тайги и Сибири, представить себе не мог, но здесь жила мама, и это мне помогло. Латышский выучил в армии – весь наш призыв был из Риги и ребят со средним образованием обучали на авиамехаников. Все говорили по-латышски.

Отец умер в 1943 году в Вятлаге от сердечной недостаточности. От отца получили три «треугольника» – три письма. Он писал про свои дела, и были списки с именами умерших.

Андрейс в Сибири

ЦЕЦИЛИЯ АПСЕ (КИНДА)

родилась в 1936 году

Я родилась на хуторе “Сколини” Гудениекской волости. В семье я была старшая, есть еще сестра, 1937 года рождения, и в 1939 году родился братик. Отец пришел на хутор работником, здесь и женился. Отец был из очень бедной семьи. Чтобы было, что надеть, он вступил в айзсарги – так родственники говорили. Так прожили мы до 14 июня 1941 года. Мне помнится, был ясный солнечный день. Мне тогда исполнилось полных пять лет – еще в апреле. К маме пришла какая-то тетя. Сестра с братом спали. И мама мне сказала: “Пойди, глянь, что за шум во дворе”.

Я вышла во двор, там стояла машина, в которой сидели женщины и плакали, из машины вышли чужие дяди, зашли в дом и велели собирать вещи. Сказали – надо уезжать. Я вцепилась в мамину юбку, это помню. Больше ничего не знаю. Мама вынула из трубы над плитой мясо, положила в мешок, потом еще что-то. Взяла брата из кроватки. Папы дома не было.

Посадили нас в машину. Не успели мы сесть, как на велосипеде примчался отец, бросил велосипед и вскочил в машину. Возле поезда отца забрали, и остались мы с мамой. Братик без конца плакал, просил бутылочку, маленький был. Как ехали, не помню. Останавливались, все выбегали, снова прибегали.

Приехали в Россию. Русские приходили к маме покупать, что она взяла с собой, – чашки, одежку какую-то. Мама продавала, чтобы была еда. Сначала жили в бараке. Когда мама умерла, у нас уже был маленький домик. Большая комната, в ней большая кровать, в ней все мы спали – братик в ногах, мы с сестрой рядом с мамой, плита и стол.

Я вышла во двор, там стояла машина, в которой сидели женщины и плакали... чужие зашли в дом и велели собирать вещи.

Нас выслали в Красноярский край, в Узборг. Мама работала на лесопилке. Летом – в другом месте. Откуда же у нее зерно? Она стелила на полу простыню, вытряхивала всю свою одежду, и оттуда сыпались зернышки. Их собирали, варили. Я думаю, мама была у нас всего года два. Она заболела. В то утро она мне сказала: пойди к Шицам. Скажи, чтобы Шицене пришла. Была такая семья Шицов. Немцам в то время дали корову. Мама сказала, чтобы я что-нибудь отнесла немцам и принесла бутылочку молока, и привела малышей из садика. Привела домой брата и сестренку, принесла молоко. Мама лежит в постели, не разговаривает. Я посадила малышей на кровать и стала ей вливать в рот молоко, как она просила. Пришла Шициха, скинула нас, детей, с кровати и сказала: «Она же умерла».

Велела мне держать свечку в ее руках. Как долго, не знаю. В прихожей стоял деревянный ящик, туда ее и положили. В коричневом в цветочек платье. Когда увозили, выпал первый снег, первые снежинки, красиво так падали. Ее увозили, мы бежали следом, но другие латыши нас удержали. Так ее и увезли.

Долго ли мы так жили, не знаю, потом нас поместили в детский дом. Все, что было у мамы, все осталось. За день до этого отвезли нас на кладбище, показали мамину могилку. Мне помнится, когда ее везли на кладбище шел снег, а когда нас увозили, земля была голая. Значит, все это было зимой, а нас весной увезли.

Отвезли в село Тасеево. Брата и сестру поместили в детский дом для младенцев, меня туда, где дети уже ходили в школу. Я знала, что у меня есть брат и сестра, и когда хоте-

ла, могла к ним приходить. Прятала кусочки хлеба, корочку, приносила им гостинец. Когда сестра подросла и должна была пойти в школу, ее перевели в детский дом №2. Там мы уже были вместе.

Жизнь в детском доме была ужасной. Кровати деревянные, подушечка. Вокруг детского дома забор. Мы перепрыгивали через забор, когда на елках и соснах появлялись молодые побеги. Наберем, сядем и едим. Я, девочка, связывала вместе простыни и спускалась по ним со второго этажа, чтобы украсть в огороде у соседей кочан капусты. В детском доме надо было дежурить на кухне. В стене были проделаны дырки. И дежурный должен был обязательно сунуть туда хоть картофелину, чтобы стоявший с другой стороны ее подхватил. К счастью, была там одна работница, латышка, которая меня полюбила. Я часто забегала к ней, сестру выталкивала, говорила, что звали только меня одну. Латышский, конечно, забыла. Все нас обзывали «Латыш, ты куда летишь? Под кровать, говно клевать». Если поймают на воровстве, ставили в шеренгу. Бить не били, но старшие «трепали».

Зимы были суровые, волки красиво сидели, мы из окон смотрели. Снег так красиво переливался. Здесь таких зим не бывает. Так и жили в детском доме. Много ли дети знают – живут себе, и все. Изредка над нами пролетал самолет. Ели щи. Ели быстро, потому что старшие у нас отбирали. Картошку давали редко, больше сушеную. Теперь такую чипсами называют.

О Латвии не знали, знали только, что мамы нет, папы нет. Вечерами сидели и смотрели, как заходит солнце. Появлялись белые облачка. О маме мы знали, что умерла, и говорили – покажись, где ты, папа. Мы знали, что мы чужие, что ты «латыш», не русский. Сидели и чего-то ждали, а что – и сами не знали.

И вот однажды собрали всех латышских детей из детских домов, чтобы отвезти домой, в Латвию. Я только знала, что у меня есть братик, но он не с нами. Нас, больших, забрали ночью из детского дома, посадили в машины и увезли. Я так не хотела уезжать, плакала возле дверей – где та тетя, которая всегда мне давала кусочек хлеба. Сестренка была возле меня. Собрали нас, дали по кулечку с какой-то едой и повезли. Привезли в Красноярск, поселили в детском доме для глухонемых. Они разговаривали руками. Детей много, все носятся, как уж дети, и в той толпе я увидела своего братика. Поймала, посадила на подоконник. Тем, что осталось, покормили брата. Их, похоже, увезли днем, ведь маленькие не убегут. Между собой говорили по-русски, ни одного слова по-латышски. Так что неудивительно, если кто-то, прожив здесь 50 лет, не говорит по-латышски. Мы сразу научились, ведь по-латышски с нами разговаривать было некому. Вот и говорили по-русски. Так мы попали в Ригу.

Помню, начальниками эшелона были огромные мужчина и женщина. Потом я узнала, что это был Волдемарс Саулескалнс с супругой. Вилис Лацис издал приказ. Их назначили начальниками эшелона, чтобы привезли всех латышских детей на родину. Что это было распоряжение Вилиса Лациса, мы узнали, когда были уже взрослыми.

Я не знаю, и никто мне не может сказать, где в Риге есть большие железные ворота. Когда эшелон въехал в Ригу, люди взбирались на эти железные ворота, кричали что-то, звали своих, потому что знали, что такой эшелон прибыл в Ригу. Я до сих пор так и не знаю, где в Риге такие ворота, и никто мне не может сказать, на какой это было станции. И вот – выскочили из поезда, там стояли автобусы, и все на автобусах в баню. Голышом вошли, голышом вышли. Одежда лежала в куче. Похватали без разбору, надели и на автобусе в детский дом. В Рижском детском доме на полу была солома, на ней и спали. Утром выстроили всех, по фамилии вызывали тех, за кем кто-то пришел.

Потом я заболела корью. Мне только сказали – за тобой приехали. Но меня не выпустили. Окна занавесили, потому что при кори надо лежать в темноте. Воспитательница сказала – учи латышский язык, за тобой приедут, когда выздоровеешь. И за мной приехала крестная из Эдоле, двоюродная сестра отца. Единственное, что я знала по-латышски, – «хлеб». И тут вижу – идет та самая Шица, которая забрала все мамины вещи и оформила нас в детский дом, вижу – идет, мамин большой платок на ней, а в руках мамин фанерный чемоданчик с двумя маленькими дверцами, которые открывались. Я к ней – отдавай, отдавай! Это мамины. Она вырвалась и ушла. А тетушке я не могу сказать, что это платок и чемоданчик моей мамы.

Увезли меня в Эдоле. Брат с сестрой уже были там, жили у крестной. А потом нас разделили. Я осталась у крестной в Эдоле, а сестру с братом взял папин брат в Гудениеки, на хутор «Сколини». Когда нас вывезли, оказалось, что они стали жить в этом доме, и жили там все время. Так нас снова разделили. Они были вместе, я пошла своим путем.

Сибирское село

Какое-то время я жила у крестной. Когда в 1949 году второй раз высылали, меня не тронули, некуда было везти, родителей не было, но лишили 5 рублей, которые за меня выплачивали. Крестная сказала, что больше меня держать не станет. Меня взяли в школу, жила в школе-интернате.

В одной русской семье присматривала за ребятишками. Ходила в школу, в основную. Потом другая тетка из Эдоле меня взяла, потом третья. У нее дочка училась в 7-м классе. Я ходила в дневную школу, она в вечернюю. Мачеха хотела, чтобы дочка ее окончила школу по моим работам. Когда я закончила 7-й класс, мачеха сказала, чтобы я оставалась у них, только чтобы я попросила землю, в колхозе полгектара дают. Я согласилась. Но однажды в Эдоле я встретила медсестру, она говорит: «Ты что тут, Цецилия, все уже экзамены сдают, а ты тут болтаешься».

Я сказала, что меня никто в школу не посылает. «Подожди, у меня в Вентспилсе знакомая бухгалтер. Зайди».

Она завела меня в медпункт, позвонила, и в Вентспилсской школе сказали, что завтра они прекращают прием документов. Она велела мне прийти утром, надо ехать в Вентспилс. Тетка сказала, что ничего с собой не даст. А мне ничего и не надо было – все равно меня не удержать.

Утром медсестра дала мне письмецо, хлеба, денег на дорогу, и я уехала в Вентспилс, в школу медсестер. Долго улицу Васарницу искала... Меня приняли, переночевала, утром вернулась в Эдоле – ждать известия. Пришло известие, что я принята. Родственники собрали мне чемоданчик с едой – хлеб, масло, всего чего. Взяла я свой чемоданчик и поехала в Вентспилс, в интернат – для меня это было бесплатно. Четверть закончилась – все разъехались по домам, а мне ехать некуда. Я осталась, разрешили жить там же. Окончила первый курс. Разве не счастье? Мне разрешили и летом там жить. Устроили меня на работу на Вентспилсскую автобазу. Все лето проработала. А осенью идти в школу не захотела – работа есть, живу с воспитательницей в одной комнате. Но директор сказал: «Нет, девушка, надо продолжать учебу».

Так я и закончила. Нас в интернате было 11 девочек. И каждая, возвращаясь из дома, привозила и мне гостинец. Я на всех еду готовила, носки штопала. Родня ничем не помогала. Закончила я школу, и направили меня в Кулдигу, работала медсестрой в детском отделении, на третьем этаже выделили мне уголок, без окон, дали больничную койку, тумбочку. Одна девочка дала свое пальто. Такая уж я была – всем принадлежала. Так я начала работать медсестричкой в детском отделении. Сыта, работа есть, спать тоже есть где. Когда училась в медучилище, ходила в музыкальную школу. Потом уж в Кулдиге стала петь в хоре. Записалась в танцевальный коллектив, там познакомилась с парнем из Кулдиги. В Кулдиге и осталась, замуж вышла.

Об отце никто ничего не знал – отец пропал, и все, сведений никаких нет. В годы независимости, в той большой книге «Высланные», я нашла упоминания об отце. Умер в Вятлаге – и все. Кажется, году в 1943-м. Но я очень хорошо помню отца, когда я была совсем маленькая, потому что, я думаю, он меня очень любил. Мы все мылись в бане. И он всегда нес меня на руках наверх, завернув в простыню или в одеяло. Придет, бывало, с работы, подхватит меня, подбросит. Салаку привозил – такую салаку я никогда больше не видела, такую крупную золотистую копченую салаку Таким мне запомнился отец. И родственники говорили, что был он веселым, жизнерадостным человеком и большим патриотом.

В Эдоле я единственная, кто вернулся из Сибири. Жалко, ужасно жалко. Почему так должно было случиться? И хотя в Библии говорится, что надо прощать, я простить не могу. Меня крестили, причастили. Что прощать, что не прощать. Но забыть я не могу. Они уже умерли, эти негодяи. Пусть Бог покарает их на небесах.

МАРТА АПСЕ (ЛАУГАЛЕ)

родилась в 1937 году

Я родилась в 13 июля 1937 года на хуторе «Сколини» Гудениекской волости. Вывезли меня в 1941 году. В семье я была средняя, еще сестра Цецилия и брат Антонс. Когда приехала машина, отец был на работе.

Об этом мне рассказывала сестра, сама я ничего не помню, мне было всего три года. Нас посадили в машину, соседка, жившая рядом, все это видела. Она мне рассказала, что мать воскликнула: «Прощай, соседка, видно, мы уже не увидимся!». Сосед рассказывал, что папа приехал домой на велосипеде. Ему сказали, чтобы домой не ехал, что там вывозят. Он ответил: «Где моя жена и дети, там и я!» В машине уже сидела одна семья.

Саму поездку я абсолютно не помню.

Когда меня везли из Латвии, было жарко. В Сибири лежал снег, одежды не было.

Привезли нас в Красноярск, куда-то на север. Мы попали в детский дом, потому что мама умерла, отца не было. Четверых нас укладывали на одну кровать. Мама уходила работать. Так сестра рассказывала. Я помню, когда мама умерла, мы открывали ей глаза, чтобы она смотрела. Не могу рассказывать...

А потом детей поделили среди чужих семей. Помню, там были люди, и нас трое. Это было, когда мама умерла, одна женщина забрала сестру и брата, другая меня, и они между собой спорили. Меня отвели показать мамину могилку. Сестра рассказывала, что их с братом даже не отвели на мамину могилку.

Какие могли быть похороны! В то время я ничего не понимала. Открывали маме глаза, не понимали, что она умерла. Думала, она спит, ей надо вставать, вот и открывала глаза.

Она мне рассказала, что мать воскликнула: «Прощай, соседка, видно, мы уже не увидимся!».

Нас с братом забрал к себе брат отца. Помню только, что нас, детей, дергали. Что было дальше, не помню. Я начала себя помнить только с четырех лет. Куда нас везли, не помню, и как жили в детском доме, не помню.

Мы были с братом, между собой разговаривали по-русски, латышского языка не было. Я как будто бы понимала, но в ответ сказать ничего не могла. А когда сказали, что повезут обратно, я велела брату молчать. Если нам надо было поговорить, мы выходили.

Пошла потом в школу. Когда писала, получалось половина по-русски, половина по-латышски. В школе дела у меня шли хорошо. Троек не было. Во втором классе я помогала учительнице присматривать за детьми. Дядя сказал, что переведет меня из первого класса в третий, но у него не было денег на учебники.

В школу ходила босиком, постолы несла в руках, чтобы не порвать. Жили бедно. Жили мы в отцовском доме. В школе проучилась до 7-го класса, закончила хорошо. Дедушка и бабушка умерли. Остался дядя, он второй раз женился.

Я хотела учиться, чуть не тайком убежала от брата. Собрала книжки, в Лиепайское педагогическое училище. Брат, видно, почувствовал неладное, бежал за мной по дороге, падал на колени, теребил меня. И я осталась. Кто же еще будет заботиться о брате? Я была вместо матери. Когда окончил школу, работал на дренаже.

Вначале работал на Сабильской консервной фабрике, поранил руку, и пошел на дренаж. Так мы вдвоем и жили. Колхоз давал какие-то продукты, дядя приходил к нам. Что было, то и ели. Кажется, была корова,

свинка. Соседка, добрая женщина, к которой я ходила помогать, тоже кое-что давала. Так я и осталась, потом вышла замуж.

Отца я не помню, только по фотографиям. Маму помню только такой, как она лежала в гробу. Позже спрашивала у соседки, так ли было, как я помню, и она подтвердила, что это не мои фантазии. Вот и все мои воспоминания.

Зла ни на кого не держу. Знаю, что случилось, знаю, кто это сделал. Люди рассказывали, что отец говорил, что за землю своих отцов он голову сложить готов.

Когда в 1941 году пришли русские, чтобы вывезти нужны были три подписи. Был последний день, последний момент. Муж дальней родственницы поставил свою подпись. Жена ему сказала: «Если не подпишешь, сам поедешь!»

Когда-то крестная говорила, что на железной дороге, которую строили, под каждой шпалой лежит по восемь человек. Один возвращался. Когда в школе состоялся слет, одна рассказала, что кто-то знал, что отец умер. Была пурга, человека засыпало, и он погиб. Так отец умер. Какая ненависть! Ни на кого зла не держу.

Помню, заехали мы в какой-то двор, и пришла девочка с яблоками. Мы думали, что это мячики, что ими надо кидаться. Местные сказали: «Эти не знают, что яблоки надо есть!» Это были первые дни в Латвии.

На здоровье не жалуюсь. Самое серьезное, что было, – воспаление легких. Так что пока, слава Богу, все в порядке. Иногда вспомнится, что была в Сибири, и, как подумаешь, – все как в песне «Жизнь длинная, век короток».

Сибирское село

ВИКТОРС АПСИТИС

родился в 1931 году

Я родился в 1931 году в Риге. Отец был техническим директором Главного управления железной дороги. Жили в Межапарке, в собственном построенном в 1928 году доме. У меня есть сестра, родилась в 1924 году. Мать не работала – заботилась о доме, о семье, о детях. Жили не богато, но нормально.

В 1940 году, когда русские войска оккупировали Латвию, я закончил второй класс. Ночью 14 июня 1941 года к нам вломились вооруженные люди и велели собираться. На всех четверых у нас была одна сумка, это я хорошо помню... На проспекте Межа стоял грузовик. Нас повезли в Шкиротаву.

Память сохранила немногое – мать плакала, сестра плакала, да и я ревел. Никто не говорил, куда повезут. Не знали, что нас разлучат. Когда в Шкиротаве нас высадили, отца повезли дальше. Вот тогда видел я его в последний раз. Три дня простояли на станции, потом поехали в восточном направлении.

В обоих концах вагона были двухэтажные нары. Сколько нас было, не знаю – на каждых нарах, вероятно, человек по десять. Туалета не было, в одной стене (напротив двери) торчало странное сооружение из четырех досок. Приносили какой-то суп в ведрах, черный хлеб в виде кирпичика – такой мы видели впервые.

1 июля приехали в Новосибирск. Пробыли там дня два или три. Потом погрузили нас на пассажирский пароход «Тихонов». Плыли трое суток против течения – на север. Часть людей высадили в Колпашеве, потом в Парабели. Нас довезли до Каргасока, оттуда катерок потащил нас по реке Васюган. Река течет в долине – берега гористые, поросшие хвойными деревьями, где река подступает ближе к берегу – там поселок. Обживать Васюган начали в 1930 году, когда в Советском Союзе проводилась коллективизация, привезли сюда кулаков. В то время людей высадили вообще в необжитых местах.

Мы попали в место, которое называлось Волков Бугор. В 1931 году там поселили 300 человек. Когда нас привезли, из них осталось только тринадцать семей.

Разместили нас у колхозников. Местные и сами жили впроголодь. Единственным их преимуществом были полагавшиеся им 3000 квадратных метров земли, которую они засадили картошкой и капустой, и так перебивались. Ни одного плохого слова об этих людях я сказать не могу. Один только был среди них изворотливый и наглый – колхозный бухгалтер, лавочник и заведующий складом в одном лице. Он и был в колхозе самым большим начальником – ссыльным за любую одежду или обувь давал ведро картошки. В первую зиму он всех ссыльных «обчистил» – у него был хороший огород и крупная картошка.

Мы каждый день съедали по одной картошке – разрезали вдоль и каждую половинку еще на три части.

Нам дали отдельную комнатку. Заготавливать дрова и топить было моей обязанностью. В болоте была сухая береза, смотрел, чтобы мне было по силам. Толстую я одолеть еще не мог.

В магазине можно было купить спички, керосин и черный чай. Керосина давали литр или пол-литра. На столе стояла бутылка, сверху жестянка, в ней дырка, через которую в бутылку опускали фитиль – он горел

Ночью 14 июня 1941 года к нам вломились вооруженные люди... Память сохранила немногое – мать плакала, сестра плакала, да и я ревел.

и коптил, и смрад стоял ужасный. У тех, кто жил получше, были керосиновые лампы со стеклом.

Без конца пили чай. Еды едва хватало: одна картофелина и 250 граммов хлеба (200 граммов на взрослого, 50 граммов на ребенка). Ни купить, ни достать ничего нельзя было. Весной появилась крапива, лебеда, началось «травоедение». Сегодня вспоминаю и не могу понять, как мы выжили в первые шесть лет. В нашем поселке от голода никто из ссыльных не умер, как-то перебивались.

В школу не ходил, возможности не было – ни одежки, ни обувки. К тому же до школы было 14 километров, а интерната там не было.

Там, где мы обитали, жила эстонская девочка и латыш Алфредс Лацис, на два или три года младше меня. Однажды весной Санька Кондрук, мой ровесник, взял меня с собой на «охоту». У него был длинный кол с острием на конце. Нам удалось заколоть то ли десять, то ли пятнадцать крыс. Дома мы их ободрали, в магазине принимали шкурки. А мама две или три тушки бросила в котел с сорняками. Суп получился хороший. Так мы и перебивались. Ели и гнилую картошку. Когда нас посылали перебирать картошку, гнилую разрешали брать себе. Мама ее мыла и пекла на плите, так как сковородок не было. Еще одна еда – рыбьи внутренности. В колхозе была рыболовецкая бригада, сестра тоже рыбачила. Был приемный пункт, назывался рыбозавод. Крупную рыбу чистили – готовили к засолке. Я стоял рядом с какой-нибудь посудиной – один бросит, второй, третий. Если внутренности не повреждены, желчный пузырь можно отделить, остальное съесть. Если пузырь раздавлен, масса горькая, но есть захочешь – и горечь съешь.

Река Енисей в Сибири

От всех переживаний мама часто болела и стала ко всему равнодушной. Ничего не делала, сидела и смотрела в одну точку. Вся ее голова была в нарывах и струпьях. Расчесать было невозможно. И вши... Ужас!

В марте 1947 года она умерла. Сестра в это время работала в лесу, я был с мамой один. Комнатка у нас была маленькая, спали втроем на нарах, еще стол и печка, и все. В ту ночь у матери начались страшные судороги, она кричала, мучилась, я не знал, что делать. Бессвязно что-то говорила, я спрашивал, она не отвечала. Через час или два она неожиданно затихла. Утром пошел к председателю, рассказал и отвез в больницу. Через день ходил к ней – 14 километров туда, 14 обратно. Когда я на следующей неделе пришел к ней снова, она меня не узнавала. В следующий раз мне сказали, что мама умерла. Мне показали на дровяной сарай. Там – на дровах – она лежала. Без одежды, закоченевшая.

Я знал, что в этот день в центре будут сани, на которых регулярно привозили почту в наш колхоз. Нашел сани и почтальоншу, сказал, что маму надо отвезти домой. Девушка испугалась – я с вами не поеду. Бери сани и вези сам! Я положил труп в сани, прикрыл сеном. Сестре отправил телеграмму, что мама умерла. Хотите верьте, хотите нет, сестра приехала на другой день. А работала она в 130 километрах от нас. Маму похоронили.

Осенью 1947 года колхоз направил меня на лесоразработки – ведь я уже «здоровый мужик» (16 лет), работать могу. Осень проработал в леспромхозе, деньги какие-то заработал, хлеб выдавали каждый день. Но в начале следующего сезона решил, что из колхоза надо бежать. Начальник был очень хороший, сам из политзаключенных, арестован был еще в 1937 году, потом десять лет на Колыме «протрубил». Он «без шума» договорился с председателем, «бумаги» подписали, и так я из колхоза ушел.

Зимой приехал комендант: почему это мы все здесь? Велел садиться в сани, повезет нас назад. Не ослушаешься. Посадил он меня в сани и отвез домой за 30 километров. Ночью я тропой – назад. Примерно 10 километров. Для меня, мальчишки, пустяки. А комендант тут как тут: «Опять ты здесь?!» Уехали. Я вернулся. Прошло время, он снова меня нашел. Вытащил пистолет, дал по затылку – дырку не пробил, но кровь сочилась. Но я опять вернулся. В четвертый раз, увидев меня, ничего не сказал, только головой покачал и оставил меня в покое.

Встретил девушку, сосланную немку, с таким же статусом, как у меня. Зарегистрировались, каждый остался под своей фамилией. Дети, конечно, носят мою фамилию.

Было тяжело, жизнь суровая, зимы холодные. Но жить можно было. В Латвию, если честно, меня никто не звал, да и не ждал здесь никто. Я и сам не хотел жить здесь с черной меткой. А там я был уважаемый человек.

Попытался вернуться в Латвию с семьей в конце пятидесятых. Ни работы у меня здесь не было, ни жилья. У сестры жить не хотел, она работала в колхозе. Когда она вернулась в Латвию, хотела в Риге устроиться, в Риге ведь родилась. Да куда там! Нет прописки – нет работы, нет работы – нет прописки. Заколдованный круг. Переехала в колхоз. Я жить в колхозе не собирался, все его «прелести» уже узнал в Сибири – я знаю, что такое колхоз.

Пошел в Министерство лесного хозяйства, предложили Тауркалне, в Екабпилсском районе. Обещали квартиру. Обсудили мы дома, решили, что ничего у нас из жизни в Латвии не выйдет. Отношение было отрицательное – ссыльные приехали.

Написал в Сибирь своему директору. Он телеграмму прислал: приезжай, на работе восстановим! В то время у меня уже была и северная надбавка, и за стаж. Заработать можно было.

Той же осенью – в 1959 году – уехали обратно. Даже багаж не распаковали. Шел он долго, пришел, когда мы уже уезжали обратно. Поехал в Шкиротаву, адрес переписал – на Сибирь.

Если бы не Атмода в 1988 году, я там так бы и остался. Но вышел на пенсию, знал, что в Латвии начались перемены и решил, что надо возвращаться на Родину. Приехал. Правильно сделал.

Об отце чуть больше узнал в начале семидесятых, когда решил выяснить, за что же нашу семью выслали. За какие грехи? Мне ответили: «Осужден правильно». Но я все же добился, что отца реабилитировали – так постановил Верховный суд 17 марта 1987 года. Перед возвращением в Латвию я и о себе пытался узнать – за что же меня выслали? Писал в разные инстанции, писал, что хочу вернуться в Ригу и просил квартиру в Риге. Мне ответили, что в Риге я не прописан, значит, квартиру дать не могут. Напомнили, что я был выслан. Получил ответ, что отцовский дом я могу вернуть и могу ехать на Родину.

КАРЛИС АПСИТИС-ОЗОЛИНЬШ

родился в 1934 году

Я родился в Риге, в больнице Красного Креста, где моя мама работала медсестрой. Отец жил в деревне, он был шорник, обрабатывал восемь пурных мест земли, чуть больше 2 гектаров, строил новый дом. Оплачивал труд нескольких нанятых помощников. Незадолго до прихода русских мама начала работать в Талсы, в детской консультации. Отец в то время был командиром айзсаргов в Стенде.

Случилось так, что 14 июня мы с мамой были в деревне, хотя прописаны были в Талсы. Из этого дома нужно было вывезти четырех человек – отца, его брата и их родителей (моих дедушку и бабушку). Но мама, которая хорошо знала русский язык, договорилась с солдатами, чтобы стариков оставили: «Возьмите уж нас двоих, если главное количество». Так и получилось.

Я только проснулся, как все происходило, помню плохо, помню только – утром мы стояли возле вагонов в Стенде. Отца и его брата отделили сразу же.

Потом брата привели обратно, ему было только лет пятнадцать, паспорта не было. Пообещали, что мужчин отделили временно, так как на всех в вагонах места не хватает – потом все будут вместе. Это была, конечно, ложь, но свою роль она сыграла. Когда на станции Тукумс II всех выпустили из вагона «в кустики», можно было убежать, но ни одна женщина, ни один ребенок не убежали, потому что не хотели бросать своих мужей.

Мне было шесть лет, и детей по возможности старались поместить возле окон. Поездка была почти интересной. Многие болели, но от трагических событий нас старались оберегать. Поэтому я не помню, чтобы в вагоне кто-то умер. Знаю, что были трехэтажные нары, младшие спали на верхних, старшие – на нижних нарах, где не было воздуха. Было всего четыре маленьких окошка, а двери всю дорогу были закрыты.

Женщины, когда ехали через Латвию, бросали в окошко записки, чтобы сообщить, куда нас везут. В других вагонах были литовцы и люди других национальностей. На станциях долго приходилось ждать, так как навстречу шли эшелоны с солдатами, с военной техникой.

Приехали в Красноярск. Поселили нас в какой-то лесопилке. Мы, малыши, катались на бревнах в каком-то бассейне. Взрослые не знали, куда нас везут. Через три-четыре дня нас посадили на баржу. Мы с мамой остались на палубе, почти на носу. Когда спускались вниз по Енисею, вокруг было очень красиво. Горы, каких я никогда не видел, скалы.

Плыли по реке примерно 200 километров, до Галанино. Потом мне мама рассказывала, что по дороге были Казачинские пороги, и капитан баржи сказал капитану парохода, что через такие пороги перегруженную баржу вести нельзя. В ответ услышал: «Вам какое дело! Ведите! Утонут – так утонут, беда невелика!»

Когда мы приблизились к берегу, я увидел, что местные ходят в каких-то сетках, как у нас пасечники. Мы удивились – неужто у них так много пчел? Как только мы ступили на берег, на нас набросилась туча мошки, которая лезла в глаза, повсюду, куда только можно было залезть.

Пока ждали лошадей, которые должны были отвезти нас на место, жгли костры. Дым хоть как-то спасал от мошки.

Я только проснулся, как все происходило, помню плохо, помню только – утром мы стояли возле вагонов в Стенде.

Прибыли в Кемь – километрах в пятидесяти от пристани. Насколько помню, дороги были плохие, лошаденки слабые, наша несколько раз падала. Кое-как ее поднимали, снова запрягали и медленно продолжали путь.

Латышей разместили по домам, а нам выделили заброшенный дом, семей на десять. Помню – было две комнаты. Сразу же началась «война» с русскими, так как их мальчишки все время лезли к нам, посмотреть, что мы делаем. Наши старшие мальчики швыряли камни, а русские что-то взрывали, один даже пострадал. Вечерами женщины занимались «столоверчением» – все хотели знать, где мы, где наши отцы, мужья.

Мы, мальчишки, облазали все вокруг, таскали из огородов, что можно было, однажды украли лодку – рядом была речка. На ней я впервые в жизни тонул. Попали в омут, лодку завертело, еле спас меня мальчик постарше. Родителям, конечно, ничего не сказали.

Летом и пока было, что продавать, была и еда. Но уже к осени все распродали. Хорошо, что надо было идти работать в колхоз. Когда зерно чистили, отрывали у пальто подкладку, туда насыпали. Это было главное, чем питались. Не мололи – прямо так варили, хорошая еда была.

Маме удалось устроиться медсестрой в районную больницу, в 50 километрах от нас. Помню, в январе, мороз 30 или 40 градусов, мы идем пешком в Казачинск. До большого тракта не меньше 20 километров. А сколько может пройти семилетний закутанный ребенок? Орал, вероятно, падал. Могу представить, что чувствовала мама. Вероятно, и узел у нас был, значит, нести меня она не могла. Идти или замерзнуть – других вариантов не было. С Божьей помощью, утром вышли, а вечером добрались до поселка на тракте.

Очень отзывчивыми были татары, высланные еще раньше, у них мы остановились переночевать. Нас согрели, накормили. Дальше мы уже ехали на санях.

В районной больнице маме выделили комнатушку. Все распродали, еды не было. Пошел к русским просить очисток. Сваренные, они были вполне съедобны.

Еще спасало нас то, что в больницу очень часто привозили тяжелобольных русских, и тифозных, им часто приносили еду местные. Все съесть больные не могли, остальное мама приносила нам. Бог нас хранил, тифом не заразились. Случалось, что

Карлис с отцом Карлисом и матерью Ирмой

колхоз выкидывал подохшего поросенка, его тоже можно было есть.

Изредка ходили в Курбатово, где жила семья Куллисов. Там было две сестры и брат – мой лучший друг (он уже умер, одна сестра умерла тоже, жива только Гайда). Там колхоз был честнее, рабочим доставалось и зерно. Янис был старше на пару лет, он научил меня, что под корой молодых сосенок много витаминов – соскребали с коры и ели.

Весной появлялась первая травка, считай, жить можно. Одуванчики, лебеда, щавель, в лесу тоже можно было всякую зелень собирать. Копали землю, сажали картофельные очистки, вырастала картошка.

Сибирское село

Удивлялись, почему русские сено не косят, скот не пасут – выпустят, пусть сами в тайге ищут себе пропитание. Поля были огорожены, а больничный забор коровы обычно ломали. Поэтому распорядились согнать коров на больничную территорию, где мы их могли доить. Появился молочный суп – объедение!

Маме полагалась хлебная норма, небольшая, но даже ее было трудно получить. «По карточкам» была большая очередь. Обычно посылали малышей, и между ног взрослых мы пробирались вперед. Тех, кто поменьше, передавали даже через головы и бросали прямо на прилавок – тут мы уж точно могли получить свою порцию.

Летом, когда на Енисее сходил лед, бегали рыбачить и познакомились с русскими. На всю жизнь запомнил русского мальчика, звали его Стефан Попов. Он нам очень помогал. Отец его работал заведующим складом в конторе «Заготскот» (там для армии забивали скот). Стефан воровал со склада субпродукты, еще что-нибудь и перекидывал через забор, так нам доставалось мясо.

Пошел в первый класс. Осенью еще ничего, а зимой мороз, на ноги надеть нечего. Мама из старых тряпок пошила как бы сапоги, внутрь положила вату, получилось что-то похожее на тапки... До школы километр, замерзнуть не успевал, но, конечно, смеялись надо мной.

У русских были валенки. Не знаю, откуда у мамы появились деньги, но когда отходил уже ползимы в самодельной обувке, она мне купила валенки. Сразу я почувствовал себя взрослым.

Не знаю, где мама достала лыжи, но на следующий год они у меня появились. Другие ребята катались на дощечках от бочки, а я гордился настоящими лыжами.

Какие разные люди жили в Сибири! Одна женщина, например, закаленная партийка, на дух не переносила латышей, все для нее были «фашисты». Но большинство местных русских были настроены благожелательно – ведь они и сами были высланные.

Часто ходили в гости к латышам, в Опытное Поле, в 15 километров от нас. Казалось, недалеко. Однажды перепугались грозы, меня тогда чуть молнией не убило. Были в чистом поле, и вдруг я почувствовал удар, вспышку и запахло серой. Полились слезы, голова чугунная... Но, слава Богу, и на сей раз обошлось.

Мы, мальчишки, пользовались тем, что матери были на работе, шалили, как могли. Однажды даже тайгу подожгли – шутки ради, хотели узнать, загорится ли старая, поросшая мохом ель. Пожары в тайге не редкость, весной выгорали огромные площади, никто не тушил, ни приспособлений, ни техники не было.

Говорить по-русски научился через пару месяцев. Со всем «трехэтажным» сопровождением. Так что сначала освоил «уличный» язык, потом уж в школе учили меня классическому русскому.

С мамой говорил только по-латышски. С друзьями только по-латышски. В больнице я был единственный латыш, так что говорил по-русски. Особых контактов с русскими у нас не было.

В 1946 году появилась возможность уехать домой, решиться было трудно, мама оставалась одна. Да еще в такую даль от дома – и отношения между родителями и детьми складываются совсем иначе. Мама уговорила, я согласился вернуться в Латвию. Но в том районе, где мы жили, было решено не брать в машину ни одного сосланного ребенка. Однако маме «повезло» – она поймала идущую с Енисея машину (не знаю, сколько заплатила) и меня посадили наверх – на ящики. Меня надо было довезти до Красноярска и там сдать представителям Латвии. Но 200 километров от Казачинскаго до Красноярска мы ехали два дня.

Неделю прожили в детском доме, пока не укомплектовали вагон, прицепили его в хвост поезда. Ехали весело. Про еду не помню, но, скорее всего,

не голодали. Да и какое значение могла иметь еда, если мы ехали домой!

В Риге на вокзале нас встретили и отвезли в детский дом на улице Кулдигас. Там успел переболеть корью. Потом за детьми приехали родственники, за мной дедушка, и я оказался дома.

В России я закончил четыре класса, а в Латвии снова пошел в четвертый. Очень плохо писал диктанты. Когда вначале я получал «единицу с плюсом», это считалось успехом. Говорить по-латышски говорил, а вот грамматику совсем не знал.

Если не ошибаюсь, в 1947 году мама самовольно вернулась из Сибири. Начала работать техником на селекционной станции в Стенде. Дела у нее шли хорошо, местные власти, хорошие знакомые деда, старались, чтобы ей не пришлось возвращаться в Сибирь. Но появилось постановление президиума Верховного Совета о том, что самовольно уехавшие должны отсидеть в тюрьме три года, и в 1949 году маму снова увели.

В Стенде я учился в 7-м классе, был послушным и даже готов был вступить в комсомол, думая по своей наивности, что таким образом сумею спасти маму. Очень переживал. Когда маму посадили в вагон, плакал. Последний раз в жизни. Картина была ужасная: моя мама – преступница в окружении милиционеров с собаками, решетки на окнах вагона, солдаты.

Арест мамы не повлек за собой неприятностей в школе, но когда я поступал в Кандавский техникум, написал фальшивую автобиографию – не писал, что был выслан, а был эвакуирован. В техникуме каждую неделю происходили проверки чека, и нам надо было писать сочинение «Моя автобиография». С собой у меня всегда была фальшивая биография, с годами листочек истерся.

Был у нас воспитатель Стипрайс. Однажды он подошел ко мне с ядовитой ухмылкой и произнес: «Ты только не забудь свою автобиографию!» Подумал: «Ну, сейчас начнется!» Потом понял (еще и сегодня у меня хранятся журналы айзсаргов) – брат учителя был врачом в Талсинском полку айзсаргов. Вот так Стипрайс расшифровал, что я сын командира Апситиса-Озолиньша.

В 1950 или в 1951 году мама прислала письмо, что находится в Горьком, в женском лагере и работает в колхозе. Самым замечательным было ее приглашение в гости. Я продал золотые кольца, еще что-то, собрал деньги на поездку.

В Москве, в очереди за билетами, меня обокрали. Остался и без денег, и без паспорта. И без багажной квитанции, так как чемодан с гостинцами для мамы – копченой курицей, салом – там и остался.

Хорошо, что деньги на билет я хранил в другом месте. Из Горького пешком добрался до мамы. По дороге меня, правда, кто-то подвез. И конвой оказался хорошим – разрешил нам с мамой встречаться там же – на улице. Пожил два или три дня. У мамы скопилось немного денег, мне на обратную дорогу. Вернул и чемодан, только продукты, конечно, все испортились.

Окончил техникум, поступил на работу. В комсомол все же не вступил. После окончания техникума призвали меня в советскую армию. Отправили в теплушках в Беничев. Полгода служил в учебном батальоне связи, потом в танковом полку, в разведроте. Сначала опасался, выдержу ли, но когда освоил все «премудрости» службы в русской армии, служить было легче. Но в 1956 году я оказался в Венгрии.

Помню, перед границей приказали нам спороть танкистские (черные с красным) нашивки, нашить зеленые. Мы этого не сделали. Сдать русские деньги. И это мы не выполнили, ни у кого больше 30 рублей не было. Вошли в Венгрию 2 или 3 ноября. Распоряжение было такое: «Если будут показывать язык, не стрелять, а если начнут стрелять, и вы можете стрелять!» Первое впечатление было мрачное, особенно у тех, кто не воевал. Ехали ночью через венгерские села, повсюду вывешены траурные флаги, ни одного человека на улицах. А русские танки едут на большой скорости, так как армию гнали к австрийской границе. От усталости танкисты засыпали – на поворотах деревья были сломаны, это танки, не вписавшись в поворот, съезжали с дороги.

Еще до приказа отправляться в Венгрию я написал письмо Маленкову – как же так, я служу, защищаю родину, а мама неизвестно за что отбывает наказание в Сибири. Пришел ответ: не пишите больше никаких петиций – просьба отклонена!

Позже узнал, что и мама писала письма в чека, и из тюрьмы она вышла до 1956 года.

Отца, как нас в Стенде разлучили, так больше и не видел. Знаем, что его сразу же отправили в Вятлаг. Его дело у меня. Там сказано, что он умер в 1942 году от туберкулеза. Где его могила, не знаю.

ТАЛВАЛДС АПСОЛОНС

родился в 1927 году

Я родился 16 августа 1927 года в семье чиновника. Отец был юрист, работал в Рижском окружном суде, мать домохозяйка. С 1934 года жили в Огре.

14 июня 1941 года в 5 утра к дому подъехала машина, вышел русский офицер и один латыш. Первое, что они сделали, – открыли шкаф, где у отца висела сабля еще со времен Первой мировой войны. Откуда они об этом знали? У отца была длинная трубка, и я видел, как один из них сунул ее в карман. Сказал об этом маме, она велела молчать. Нам приказали собрать вещи, но взять столько, чтобы можно было самим нести. Латыш даже помогал укладываться. Велели взять с собой и еду. Я любил миндаль, взял с собой два килограмма. Им мы и питались весь месяц, пока ехали.

По дороге на станцию заехали на улицу Матиса, где забрали сенатора Дуцманиса, потом забрали и Микельсонов. Отвезли на станцию Лиелварде, погрузили в вагоны. Спросили, где отец. Мы знали, что он в Риге, работает, теперь уже бухгалтером. Потом привезли отца, подвели к вагону. Больше мы его не видели. В вагоне было больше 30 человек, вместе с детьми. Нам в основном давали воду и соленый хлеб.

Ехали не меньше месяца – до Ададыма. Там высадили из поезда, дальше повезли на лошадях. Привезли в село Подсосное, где мы переночевали (спали в церкви), потом повезли дальше – за 40 километров. На лошадях переехали Чулым. Привезли нас в Таможенку. Сюда раньше ссылали кулаков и священников. Вокруг были горы и река Чулым.

Женщин поставили спихивать бревна в реку для сплава. Мама тоже работала, но однажды упала и ударилась спиной – появился горбик. Кормили хлебом из мякины – 400 г. У местных ничего нельзя было купить, у них и у самих ничего не было. Стал ловить рыбу. Пользовался булавкой и ниткой. Ловились ерши, варили и ели. Жили в бараке. Ходили за километр к старым баракам, там были вырезаны имена священников и даты их смерти. Мрачная картина.

Жили мы там до осени. Если бы мы остались на зиму, я бы сейчас не рассказывал вам все это. Когда к нам приехали из НКВД, мы попросили перевести нас в другое место. Нам велели самим сколотить плот, и мы спустились вниз по Чулыму. Красота вокруг удивительная! Природа потрясающая! На берегу можно было даже медведя увидеть. Приехали обратно в Подсосную, там плот сел на мель, и вещи у многих утонули. На лодках нас вывезли на берег и поселили в старой школе. Мама ходила вязать снопы, и все это время давали хлеб и даже мед, там была пасека. Когда работа кончилась, перестали и кормить. Зимой на ноги надеть было нечего. Мама обменяла свою шубу на валенки. Меняли все подряд. Мое задание было снабжать дровами.

Я заболел корью. Заболел и маленький ребенок у местных. Весной нас повезли дальше и разделили. Мы оказались в Краснополянском совхозе, в 25 километрах от станции Ададым. Там нам и на завтрак, и на обед давали затируху – смесь из муки и воды, плавало в ней и крысиное мясо. Воровать мы не умели, но жизнь заставила. Ходил в поле и топором срубал неубранный турнепс. А если попадалась и картошка, то получалась хорошая еда. Давали нам и немного хлеба.

По ночам мама ходила сторожить скот. Я боронил на трех лошадях. А было мне всего четырнадцать лет. Так проходил день. Вечером

14 июня 1941 года в 5 утра к дому подъехала машина, вышел русский офицер и один латыш. Первое, что они сделали, – открыли шкаф...

пришел Каплунов, велел сесть на лошадь и скакать домой. Коня звали Цыган, в дороге он вздумал кусаться и брыкаться. Изо всех сил вцепился в гриву, но упал, и конь перепрыгнул через меня. Потом мне дали двух быков, возить зерно в поле. Потом до самой осени пас телят, а зимой возил дрова – два воза в день. Ехать надо было 5 километров.

Пришла весна, и мне доверили пасти лошадей и быков. Дождь, быки лежат, лошади бродят. Нас было двое, устроились в стоге сена, заснули. Утром все на нас заледенело.

Зимой возил на быках сено. Когда быкам надоедало двигаться, они ложились на дорогу и ни с места. Хоть пой, хоть плачь. Но тогда уже среди ссыльных появились калмыки. А они в такой ситуации поступают так – свернут бычий хвост в кольцо и кусают его. Потом возил воду трактористам, потому что у них текли радиаторы. Трактористом работал и Блажевицс из Латгалии. Когда его забрали в армию, я вместо него возил в бочках керосин. Со слезами затаскивал тяжелые бочки на телегу.

В 1944 году послали меня на курсы трактористов (в Латвии я закончил шесть классов). Потом работал на колесном тракторе. Зимой возил сено на лошадях, трактор был в ремонте. Потом дали мне гусеничный трактор 1938 года выпуска, и я возил сено телятам. Ехать надо было через озеро. Сначала проверил лед – выдержит ли. Решил, что нормально, но зад трактора все же провалился, а потом и весь трактор. Ночью два других трактора мой вытащили, но в воде осталось ведро. На другой день пошел его вытаскивать вилами. Выяснил, что глубина в этом месте была 4 метра. На мое счастье, трактор застрял между берегом и льдом. Было бы иначе... В Чулыме затонул трактор, тракторист и его помощница.

Мама занималась хозяйством, полола картошку и огород. Жили мы когда где, и у Шумилиных. Муж был в армии, офицер. Присылал домой посылки с грязными детскими вещами, хотя дети у них были уже взрослые. Потом жили вместе с латышской семьей, а под конец в маленькой комнатке с мадам Якович.

Домой в 1946 году не поехал, не хотел оставлять маму. Брат Айварс в 1941 году окончил гимназию и исчез. Его взяли в легион. Погиб где-то под Волховом.

В 1948 году окончил курсы комбайнеров. Работал на комбайне, а зимой на электростанции.

В августе 1957 года послали меня в Москву на ВДНХ. В Красноярске пошли навстречу, дали

Талвалдс (первый слева) в Сибири

разрешение съездить в Ригу. Побывал возле «углового дома», сходил в Министерство внутренних дел, на бульваре Райниса. 20 августа подал заявление, что хочу вернуться и учиться.

В конце сентября получил положительный ответ. Директор совхоза, украинец, уговаривал остаться, обещал все, что захочу, лишь бы я остался. Но об этом не могло быть и речи! Хозяйство ликвидировали, свинью закоптили, зерно и муку продали. Выдали мне премию (400 рублей) за отремонтированный трактор. Паспорта у нас уже были, купили билеты, и в 1957 году вернулись на родину.

Только много позже из газеты «Литература ун Максла» узнал, что отец в 1942 году умер в Вятлаге.

В документах было написано, что высланы мы без конфискации имущества. Хотели вернуть дом в Огре. Но нас предупредили: будете много говорить, уедете обратно. В доме жили директор школы и начальник автоинспекции Паже.

В первые месяцы жили в Риге, на улице Дикю, у папиной сестры, но она была недовольна. Я устроился на завод монтажником, оттуда перевелся на авиазавод в Риге. Жил в Баложи, в Юрмале, в Булдури, потом снова на улице Дикю, но не у тетки. Снимали, и мама была все время со мной. Только когда окончил институт, получил квартиру. В 1994 году вернули дом.

В Сибири было трудно, очень трудно, но это была хорошая школа жизни. Она всех нас научила – никогда не опускайте руки, боритесь. Мне повезло, что я прошел через все трудности и остался жив.

ДАГМАРА АРКЕ (ВУЛСТЕ)

родилась в 1932 году

Жили мы в Лиепайском уезде, в Эзерской волости, хутор назывался “Лиготни”. Там было почтовое отделение, отец был начальником, мама телефонистка, оба были айзсаргами (плачет). Отцу выделили 8 гектаров земли. Его двоюродный брат был коммунистом, он как будто бы имел виды на эту землю.

14 июня в 4 часа утра раздался громкий стук в дверь. Папа открыл, его прижали к стене. В спальню вошел русский солдат, сорвал с моей постели одеяло и простыню, открыл шкаф и стал бросать все вещи подряд. Мама ничего не понимала и собрать ничего не могла. Потом уж мама мне рассказывала, что отец чего-то похожего ждал. Нас отвезли в Караосту, в вагоны. Из вагонного окошка видели отца на перроне с ведром, я его не узнала, он был весь бледный (слезы).

Доехали до Красноярска. Помню, как на Енисее ждали баржу и ужасно кусались комары и мушки. Разместили нас в Пировском районе, в деревне. Там я заболела коклюшем. Русские женщины обходили наш дом стороной, крестились, я ведь ужасно кашляла. Спасла меня доктор Сникере из Лиепаи.

В следующем году переселились в Пировск. Ходили в лес, пилили чурочки. Было много поволжских немцев. С собой у них был огромный чугунный котел и прядильный станок, хорошие они были пряхи. В фильцевальном цеху была хорошая овечья шерсть. Мама была рукодельница – вязала, вышивала. Организовала цех, немцы пряли, латышки вязали оренбургские платки, чулки и рукавицы. Мама дочкам начальника НКВД связала кофточки. Он сказал маме, что из Красноярска отправится вагон с детьми в Латвию, и я должна туда попасть. Шофер Андерсонс вывез меня из села, спрятав среди бочек с бензином, и доставил в Красноярск к эшелону – за 300 километров. Лежала я на верхней полке. Помню детский дом на улице Кандавас. За мной приехала тетя. У нее было две дочки и небольшое садоводство в районе Саркандаугавы.

14 июня в 4 часа утра раздался громкий стук в дверь. Папа открыл, его прижали к стене.

Жила, ходила в школу. Мама, не выдержав разлуки, без паспорта добралась до Риги – помогли добрые люди. Кажется, в 1947 году. Документов не было, прописаться не могла, работу найти тоже. Мама уехала в Бауску, к своей старшей сестре. Той было страшно, и она просила маму уехать. Мама ночами ходила по огороду. Одна знакомая посоветовала присматривать за психически больной родственницей. Нервы у мамы не выдержали, было страшно. Обе поехали в Бауску, мама пошла в милицию (плачет). Милиционер был латыш, давай на нас кричать и велел убираться. Маму арестовали и судили за побег. Сидела она в Соликамской тюрьме вместе с уголовниками. После этого она могла свободно передвигаться по России. Ее брат находился на поселении в Канске. Она к нему уехала. В марте 1955 года я поехала их навестить. Писала просьбы освободить маму. Ответов не было. Писала в Россию. В 1956 году пришел ответ, что она может вернуться.

Отец – у меня есть только свидетельство о смерти – умер 3 мая 1942 года якобы от воспаления легких.

В школе была замечательная учительница – Айя Алксне. Велела написать сочинение. Принесла и раздала тетрадки. В моей работе не было ни одного знака долготы. Это было в 5-м классе, все смеялись, а мне было горько. В Сибири я ходила в школу, все быстро освоила. Там я окончила четыре класса.

Мы таскали сучья из лесу. Грызли семечки с ребятами. Жарили кедровые орешки, топили смолу, жевали.

Были две сестрички Витини – Айя и Лигита. Они хорошо рисовали. Рисовали нам кукол, кукольные платья, вырезали. Я рисовать не умела и боготворила их.

За хлебом надо было вставать рано, занимать очередь, чтобы получить 300 г, принести маме. Мама ни слова не говорила по-русски. Мама сунула простыню под мышку и пошла к соседке. Там овцу закололи. Протянула простыню и показывает, чтобы дала ей килограмм «бэ-э». Местные потешались. Так за счет одежды и выжили. Спасло нас и мамино рукоделье.

О Латвии думали. Однажды по трансляции услышали «Ты куда бежишь, петушок мой», просто онемели. Как удар – откуда наша песня! Все ждали отцов и мужей. Из лагерей приходили известия – многих выпустили.

Надо ли было маме рисковать, отправлять меня в Латвию? Лучше было бы мне остаться с ней. Она работала в Канске на цементе. Когда приехала, были большие проблемы со здоровьем. Астма, целый букет болезней. Когда выслали, ей было 28 лет, и в этот миг ее жизнь оборвалась. Она чего-то очень ждала. Я сказала – будь у тебя друг, тебе было бы легче. На что она мне ответила – таких обезьян я могу, как грибов, полную корзину нарезать, а такого, каким был наш папа, такого нет. Так всю жизнь одна и прожила.

Пришла ко мне, когда я уже была замужем, родня мужа смотрела косо. Жили бедно. Когда мама подошла к обеденному столу, она сказала – разве так кормить надо голодных из Сибири? Было очень обидно.

Отец был служащим. Была у нас маленькая двухкомнатная служебная квартира. Возвращаться нам было некуда. Начали строить в Икшкиле дом. Цемента не было, денег не было, сами делали стружкобетон. Стружки доставали бесплатно. Тридцать мешков бетона притащила на санках по снегу. Приду домой, сяду возле двери, дальше идти сил никаких...

Дагмара (первая слева) в Сибири

СКАЙДРИТЕ АСАРЕ (ИЛГА СУНА)

родилась в 1931 году

Я из Айнажи, когда-то меня звали Скайдрите Асаре. А теперь я Илга Суна. Я изменила имя и фамилию, и поэтому меня трудно разыскать друзьям детства. Вообще-то я родилась в Риге, но считаю, что я родом из Айнажи, потому что мои первые десять лет прошли в Айнажи.

Мой отец был начальником Айнажского порта. Там прошла вся его жизнь. Сначала он был капитаном дальнего плавания, а когда сошел на берег, вместе с компаньоном они построили в Айнажи порт, это было акционерное общество.

Моя мамочка была учительница. Родилась в Пиебалге, в семье батраков. Айнажи были ее первым местом работы. После замужества она не работала, потому что родилась я, а несколько лет спустя и моя сестра Байба. У нас была счастливая семья.

Потом у мамы ухудшилось здоровье, и мы зиму прожили в Швейцарии. Там моя сестренка заболела лейкемией и через год летом умерла. Потом у мамы обнаружили рак и она умерла. Ей было всего 29 лет. Было это в 1937 году. Мы с отцом остались одни, и моим воспитанием занялась крестная – мамина старшая сестра Марта.

В 1940 году наш дом национализировали. Там разместился горисполком, а нам отвели несколько помещений на верхнем этаже. Отцу не разрешили работать в порту, и он ходил в море ловить салаку вместе с рыбаками из Куйвижи.

В июне 1941 года отец как-то раньше узнал, что будут высылать, так как атмосфера была напряженная. Я же ничего не знала. У меня просто были каникулы. Я окончила 2-й класс.

13 июня вечером отец вышел в море, но как-то странно со мной попрощался: “Меня возможно, несколько дней не будет дома, слушайся тетю Марту. Встретимся еще...” Ночью меня разбудила тетя Марта. Она кидала в мешки вещи. В доме были вооруженные люди и местные тоже, утром привели отца. Отец ездил к своему напарнику Холмсу, там ему сказали, что вывозить будут все семьи. А его семьей была я. Отец сел в лодку и поплыл. Когда он вышел на берег, его уже ждали.

Нас с отцом поместили в грузовик, а тетя обещала моей маме, что не оставит меня, и она просто села в машину и поехала с нами.

В Айнажи взяли еще три семьи и отвезли на станцию Стайцеле. Я помню, что в Айнажском парке собралось много народу и все почему-то плакали...

В Стайцеле высадили на перроне. Картина была ужасная – женщины плакали. Когда я увидела зарешеченные вагоны, мне тоже стало не по себе. Мужчин посадили в одни вагоны, женщин – в другие.

Помню – жена начальника полиции госпожа Витола из Лимбажи со своей дочерью, хорошо одетые, с красивыми чемоданами, стояли на перроне... К ним подошел русский солдат, пнул чемодан ногой, тот открылся. Он схватил и стал трясти красивое французское женское белье, розовое, и смеялся. Госпожа Витола захлопнула чемодан и оттолкнула его. Он готов был броситься на нее.

Нас запихнули в вагоны и повезли в Ригу, на станцию Шкиротава. Сейчас мне часто летом приходится ездить через Шкиротаву, и я вспоминаю, как последний раз видела отца. Нас, детей, выпустили из вагона, и мне отец протянул через оконную решетку бутылку с водой со словами: «Ну, девочка, держись! Мы

В июне 1941 года отец как-то раньше узнал, что будут высылать... Ночью меня разбудила тетя Марта. Она кидала в мешки вещи.

с тобой еще увидимся». Я не поняла, зачем он мне дает бутылку с водой, вероятно, в их вагоне было очень много народу, жарко, воды мало. В нашем вагоне было 40 человек и стояло ведро с водой.

Сейчас в документах я нашла, что он был расстрелян в Вятлаге 8 апреля 1942 года. И фильм видела обо всем этом. Никому не рассказать, что это такое.

Мы ехали тихо, не пели. В окна выбросили несколько записок. Самое ужасное было то, что посреди вагона был сколочен деревянный ящик, на который надо было садиться. А в вагоне были и взрослые мальчики.

Был и курьезный случай – поезд остановился на станции, на будке написано «кипяток». Решили, что это название станции. На следующей – снова «кипяток». Потом мы уж догадались.

Давали хлеб и кашу, мы удивлялись – разве это можно есть? У нас с тетей Мартой фактически ничего с собой не было, немного хлеба, ведь никто не верил, что детей вышлют. Месяц в дороге был очень тяжелый.

В Томске нас пересадили на баржи. Эти огромные баржи! Сотни людей и маленький туалет где-то на палубе. Люди болели дизентерией. Это было ужасно!

Помню – умирала старая госпожа Румбайне из Айнажи, ее и в машину вносили на руках. На платформе трупы кое-как заворачивали, а потом утаскивали в степь. Пару раз нас выпустили из вагона побегать. Конечно, стерегли с винтовками, чтобы не убежали.

На барже нас довезли до Парабели. Лошади уже нас ждали и повезли через тайгу, километров за 45, разместили в конторе. Потом пришли русские и стали выбирать, кому какая семья понравилась. Мы тоже попали в русскую семью, в комнату, в одном углу которой спали, во втором стояла большая русская печь.

Надо было идти работать в колхоз. С двенадцати лет. Я тоже ходила полоть. Потом ходила в лес пилить дрова, потому что надо было зарабатывать хлеб. Пасла коров. Потом пасла овец, была полноправным овчаром. Коровы приходилось пасти ночью, потому что днем одолевали оводы. Нелегко приходилось.

Крестная моя с детства привыкла к труду. После смерти мамы она пришла к нам и заменила мне мать. И в Сибири она работала. Конечно, иногда так хотелось есть, что я забиралась на колхозное поле выкопать пару картофелин. Когда пасла скот, мне полагалось пол-литра молока. Позже у нас появился свой огород и своя корова.

Школы в нашем селе не было. Была в трех километрах от нас, а я вначале не знала русского языка.

Хозяйка велела мне накормить поросенка – кормили его рубленой картошкой, залитой обратом. А я каждый раз так хотела есть, что, бывало, доставала горсточку картошки из свиного корыта. Об этом я никому не говорила. Наступала осень, начинались грибы, ягоды, выкапывали корешки, ели хвощ. Ела я и пирожные из картофельных очисток, суп из лебеды и крапивы, мерзлую картошку.

Помню, однажды, продираясь сквозь кусты, потеряла я торбочку, в которой были 400 г хлеба – из ячменной муки пополам с картофелем. Бросила скотину и побежала искать. И нашла – торбочка была грязная, но хлеб я нашла. Вот радости было!

Обратно я просто сбежала. Я знала, во сколько от пристани в Парабели отходит пароход, который увозит ребят в Латвию, собрала узелок и отправилась в путь. Попрощалась с крестной – она оставалась. Надо было ходить в комендатуру и каждый месяц отмечаться. Ее просто-напросто зачислили в списки сосланных.

Она пробыла там 14 лет, в 50-е годы вернулась в Латвию, но прописаться в Риге не имела права. Бабушка моя жила в Мурмижах, в Сигулдском районе. Работать она уже не могла. Когда дедушка умер, бабушка перебралась к моему крестному в Катлакалнс, а потом и тетя, но прописаться и там не могла. Когда умерла бабушка, я взяла крестную к себе, но она меня официально не удочерила. Тетя жила у меня в Чиекуркалнсе в однокомнатной квартире. Мне пришлось идти в милицию объясняться, почему Марта Аптака живет в моей квартире без прописки. Не получала она и никакого пособия по старости. Я хотела ее прописать, но в милиции меня послали ко всем чертям. Она стала бояться выходить на улицу. Когда мы, наконец, получили эту квартиру, она тринадцать лет прожила на девятом этаже и не выходила, пока ей не стали мерещиться всякие страсти. Не знаю, за что она заслужила такие мучения в Сибири – только потому, что обещала своей сестре меня не бросать! И у меня на всю жизнь сохранится горечь, что я виновата в ее трагедии.

Я видела, как умирали дети, но у меня был ангел хранитель – моя крестная, которая научила меня работать, ничего не бояться. Научила брести в снегу по горло, пилить и колоть дрова.

Русские люди и сами были туда сосланы в конце 20-х годов. Они тоже многое пережили, вначале жили в землянках. Они были не злые. Но все эти условия... Они не знали, как выглядит автомашина, трактор. Когда лошадей забрали в армию, пахали на коровах. Мы землю копали лопатами. Медведи бродили вокруг деревни. Когда пасли скот, медведи за нами следили. Разожжем костер и слушаем, как он рычит. Случай один был вначале. Мы пололи на дальнем поле, и в обед все легли отдохнуть. А я знала, что за кустами полянка с земляникой. Я слышала, как кусты трещат, и столкнулись мы носом носу. Я пустилась наутек в одну сторону, медвежонок – в другую.

Со здоровьем разное бывало. Но ангелы, видно, меня хранили. Было у меня воспаление слепой кишки. Куда делось, не знаю. С двух сторон было воспаление среднего уха, но слышу я все. Самое трагичное было, когда я заболела малярией. Последствия остались на всю жизнь.

Знаменательный день был – 9 мая 1945 года, у меня был первый припадок. Я очнулась через неделю и в августе уже начала ходить. Никто и не думал, что я выживу. Вначале ветер с ног сбивал. Когда местные женщины узнали, что я так тяжело больна и что начала поправляться, то одна, то другая принесет яичко, молока или пирожки с картошкой.

Позже, когда надо было отдать кровь близкому человеку и я узнала, что не могу, очень переживала. Старалась об этом не думать.

В 1941 году нам пайков не давали. Нам просто за работу выдавали чуточку хлеба. Но мы старались кому-то помочь – прополоть, вышить или связать. И каждый что-нибудь давал. С огородом было по-всякому – иной раз в мае еще лежал снег, и ничего не росло, иной раз росло хорошо.

Веять зерно считалось хорошей работой. Кожаные сапоги на ногах, и перед тем, как идти домой, я старалась забраться в закрома с пшеницей. Кладовщик был хороший человек и нас не контролировал. А какое это было лакомство – пропаренные сладкие зерна!

Ходили и лен теребить. Можно было семян льна набрать. Отваришь картошку, макнешь в раздавленные льняные семечки – тоже вкусно!

Запомнился мне один Рождественский вечер. Я тогда за овцами смотрела. Содержались они в загоне из составленных жердей, покрытых сеном. Я таскала для них из реки в обледеневших деревянных ведрах воду и кормила два раза в день. Там же в хибаре жили и мы. И так мне захотелось на Рождество сходить в деревню к крестной! Был ужасный мороз. Я обморозила лицо, потом все было в шрамах, руки, ноги. Я перешла через реку, обогрелась в заезжем дворе и потопала 30 километров через тайгу... К вечеру пришла в соседнее село. Началась метель, а я уже прошла 40 километров, и так хотелось сесть в сугроб. Но включился автопилот, и я все-таки добрела до нашей деревни. Крестная не спала, пекла пироги из картошки со свеклой. Сварила чай из веточек малины. Крестная пришла в ужас. Я поняла это только после того, как обмороженные места начали покрываться язвами. Поход мой был ужасным, но я все-таки дошла!

Существовало в Сибири еще одно зло – гадание. Были дамы, которые вертели тарелочку, и она всегда им говорила, что война скоро закончится. И если вас кто-то позовет домой, обязательно поезжайте.

Кажется, в 1943 году вербовали – кто хочет поехать куда-нибудь поближе к обжитым местам? А оказалось, что их отправили еще дальше на север – рыбачить. Кого-то в тайгу – собирать грибы и ягоды, сплавлять лес. Редко кто оттуда возвращался. Мне крестная сказала: «Останемся здесь. У нас теперь своя хибарка, свой огород. Надо жить и работать».

Кое-кто из ссыльных стал ходить по домам и выпрашивать подачки. И такие случаи были. Не все люди смогли приспособиться к этой жизни.

Как ехали домой? Сначала на пароходике, в Томске нас поместили в детский дом. Неделю длился карантин. Нас обрили наголо. Вот были переживания! У меня были длинные светлые косы, очень красивые. Я пожертвовала своими косами, потому что очень хотела домой. Это был 1946 год.

Ехали мы опять в товарных вагонах, но в первую же ночь нары рухнули. Но две учительницы, которые нас сопровождали, сказали: «Никому ничего не скажем. Все равно поедем». А среди нас были и совсем маленькие дети, родились они в Сибири.

Да, на том пароходике я целую неделю спала в угольном бункере. Потом уж, в детском доме, нас немного отмыли. Кормили нас брюквой. А на третий день озорники-мальчишки всю кашу размазали по стенкам.

У меня с собой было немного денег, и на станции я увидела у одной женщины яблоки... Красные,

большие, из Казахстана! Я купила, и спустя шесть лет снова ела яблоко.

Дорога была долгой, а потом мы попали в детский дом на улице Кулдигас. Я написала дедушке, он приехал и увез меня в Мурмижи. Я приехала еле живая, волосы стриженые, зубы выломанные. Все образование – два класса, полный набор русских ругательств и отличные знания русского языка. Вытянулась я уже в шестнадцать лет.

Было это на октябрьские праздники, а после Нового года я ушла в Вилдогскую семилетку. Пришла пень пнем, но взялась и за два года окончила основную школу, помогала учителям русского языка учить второклассников и четвероклассников, так как была специалистом русского языка.

Я хотела учиться, но комсомольский секретарь района сказал: «Не вступишь в комсомол, можешь и не надеяться! Пойдешь работницей на Лигатненскую бумажную фабрику». Но я хотела учиться.

Я вступила в комсомол, после чего секретарь с винтовкой проводил меня до дома. Бабушка сказала – не хватит ли несчастий? Опять ты куда-то лезешь! После этого у меня на дверях появилась записка: «Ах, ты, шлюха».

Я переехала в Ригу и, пока училась, жила у бывшего отцовского управляющего, который в старые времена управлял его собственностью в Риге. Жила я больше в коридоре и в кухне, там были еще такие же, как я. Там жил и сын Бирзниекса, министра сельского хозяйства при Улманисе, и другие.

Как можно было выслать, просто так – десятилетнего ребенка! И уехали мы чуть ли не голышом – сказали, что встретимся с мужчинами. Все вещи остались у отца, но их наверняка у него отобрали. Уму непостижимо! Что-то я забыла, что-то стараюсь забыть. Но простить, вероятно, никогда не смогу.

Священники меня тоже задели, не верю я священникам. В минуту памяти на Братском кладбище Плате позволил себе сказать, что люди, которые выстрадали Сибирь, – это плата за грехи их отцов. Ну, извините! В семье моего двоюродного брата сын родился в Сибири и там же умер. В чем он был виноват, и какие грехи совершила его мать?

Сибирское село

АЙЯ АСИТЕ (АНДЕРСОНЕ)

родилась в 1936 году

Я родилась в октябре 1936 года. Когда высылали, мне было четыре года. О том времени ничего не помню. Жили в Априки, отец был волостным писарем и айзсаргом, мама учительница, но она болела туберкулезом.

Еще загодя отцу кто-то сказал, что будут забирать, но он решил не прятаться, так как ничего плохого не делал. К нам пришли ночью. Русский солдатик шепнул маме: «Все ваши деньги у мужа? Сами вы должны тоже взять». А латыш обратил внимание на столовые приборы: «Смотри, это серебряные ложки». Вывезли нас из Калвене. Поняла, что отца от нас отделили еще в Калвене. Больше я его не видела. Позже узнали, что он умер в Вятлаге осенью 1941 года.

Сибирь больше всего запомнилась природой. Горы. В тайге было очень много красивых цветов. А жить было очень тяжело. Варили суп из листьев, похожих на щавель. Забросишь картофелину и ешь. Мама рассказывала, что я очень болела, думали, не выдержу.

Запомнила, как мне приложили к больному уху теплый пепел, и я заснула. Зимой скотину заводили в дом. Появлялись на свет крольчата и барашки. Мама понимала, что надо делать все, чтобы выжить. Собирала мерзлую картошку и пекла на плите лепешки. Еловую смолу ели. Играли в игру: что бы ты сейчас съел. Взрослые голосовали за апельсины, а братик мечтал о брюкве, потому что и брюквы не было. Все выгорело, не было ни хвои, ни травы.

Когда пошла в школу, ни одного слова по-русски не знала. В школе все говорили по-латышски.

У братика часто болела голова, очень нервный был.

Когда высылали, мне было четыре года. О том времени ничего не помню... К нам пришли ночью.

Когда узнали, что детей отпускают домой, мама сказала: «Надо ехать!» Брат согласился ехать с одним условием, что и мама скоро приедет в Латвию. Попали в самый последний поезд. С мамой было жалко расставаться. Она нам яблоки купила. Я думала – пахнут Латвией. Теперь и сама она лежит под яблоней.

Путь в Ригу лежал через Москву, где мы оказались в больнице – заболели корью. В Горках пролежали с месяц. Крестная из Латвии приехала за нами. Русского языка она не знала, как и Москву. Но приехала, отвезла нас в Ригу, оттуда в Павилосту.

Жили мы в здании аптеки, помню, оно было розового цвета. В Павилосте пошли в школу. Вначале платили какое-то пособие. Но в районе говорили, что у этих детей богатые тетки. Так и не знаю, куда исчезли пособия. С едой было трудно. Разве что рыбу можно было дешево купить, ею и питались.

Потом брат поступил в Айзупский лесной техникум. Мы с тетей переехали в Айзупе. Она знала, что в Айзупе есть запущенная аптека, но дом хороший, стены толстые. Все жили в одной комнате. Была и мебель бабушкина (матери отца), из «Крастини» забрали все, что можно было.

Я закончила 7-й класс, потом Тукумскую среднюю школу. А потом и физико-математический факультет Университета. Тетушки помогали нам все время, пока мы учились. Брат поступил на лесотехнический факультет. В то время отличники после техникума могли поступать в вуз без экзаменов. Классная руководительница сказала: «Все наши отличники могут поступать в высшее учебное заведение».

Отличникам платили стипендию – 35 рублей. В столовой если суп, хлеб был бесплатно.

Брат окончил учебу и работал в Инчукалнсе.

Все время тайком переписывались с мамой. Но чужим о своей семье ничего не рассказывали. Когда брат поехал в Айзупе, тетушка боялась, что его не примут, если узнают его биографию. Стали утаивать. Так и завершили высшее образование.

Крестная все время боялась, что с нами и с ней может что-то случиться, ее это угнетало. К тому же в 1949 году увезли дядю и дедушку. Бабушку это не затронуло, она, к счастью, в это время жила в Павилосте у крестной.

Когда мама вернулась в Латвию, она поселилась в Букайши, где прожила еще тридцать лет. Крестная всю свою жизнь посвятила нам.

Я счастлива, что без войны прожило целое поколение. Муж мой не воевал, и сын мой не был на войне. Надеюсь, что ни внукам моим, ни правнукам воевать не придется.

Айя с братом после ссылки в Латвии

ИРМА АУГУСТАНЕ (ДОЙКО)

родилась в 1926 году

До 1991 года наша семья не знала, за что была выслана. Я думаю, за то, что у нас в Даугавпилсе был трехэтажный дом. Как у буржуев. Отец приобрел дом после пожара и хотел его восстановить. Наш путь на Голгофу начался в 1940 году. Осенью отца уволили с работы, дом национализировали, нас из квартиры выбросили. 6 месяцев жили в полуразрушенной квартире, пока отец не подыскал подходящую. 12 июня 41-го переселились.

В чека не знали, где мы находимся. Пришли на новостройку, нас не нашли. К нам прибежала женщина, сказала маме, что к нам ночью приезжали. Мама сообщила отцу. Отец работал кассиром. Мы могли исчезнуть, но никто не мог и подумать, что семья может распасться, мама ждала отца с работы.

В свое время отец был прогрессивно думающим человеком. Родился в крестьянской семье. Отправился в Петербург учиться. Его призвали в царскую армию, стал летчиком-механиком. Я думаю, по пальцам можно было пересчитать латышских ребят, которые в то время стали летчиками. Ему было 19. Он вернулся в Латвию, но его откомандировали в Архангельск. Отец узнал, что там сформирован авиационный экспедиционный корпус, который сражается с большевиками. Уже за одно это его могли выслать. Отец оказался на юге, в армии Деникина. Потом попал в плен, но ему улыбнулось счастье, и он вернулся в Латвию. Работал и был командиром роты айзсаргов.

Около 11 часов солдат и еще двое в штатском пришли и сказали: «Давай собирайся!» В первый раз я услышала эти слова... Отца не было дома, он пошел на вокзал за билетами, хотел отправить нас в деревню, но не успел. Мама сказала, что отец ушел на вокзал. Они послали меня искать отца. Мы и представить не могли, что отец может оставить семью одну. Мы пришли домой. Нас взяли, отвели на вокзал, отца посадили в один вагон, нас в другой, где уже были люди. Так мы начали свое путешествие в Сибирь.

Около 11 часов солдат и еще двое в штатском пришли и сказали: «Давай собирайся!»

Видно, по молодости, я это не восприняла трагически. Впервые осознала, что это серьезно, когда в вагоне умер 2-месячный ребенок, которого мать кормила грудью. Женщина – я до сих пор помню ее взгляд – ни за что не хотела отдавать ребенка и непонимающе смотрела вокруг, будто не верила, что ребенок умер.

Все время хотелось пить... воды давали мало. Суп ели... так. За Уралом поезд остановился в чистом поле, внизу текла речка, нас, детей, выпустили из вагона. Все бросились к речке... через 10 минут вода в речке стала коричневой... Давай по вагонам! В Сибири, как только услышу слово «давай...», знала – сейчас случится что-нибудь плохое. Привезли нас в пункт назначения – Канск.

Был солнечный день. Разместили всех в школьном дворе, началось расформирование. Когда вошла в здание школы, в коридоре увидела лежащих людей, которые сами уже не могли ходить – у них была дизентерия... чуть дальше лежали умершие... И тогда я осознала, что происходит что-то страшное...

Четыре машины повезли нас из Канска в Нижнеингашский район – в самую тайгу. Мы думали, что в Канске встретимся с отцом, но нам сказали, что он осужден и посажен в тюрьму, а нас ссылают на место поселения.

В тайге стояли два барака, туда нас и поселили... 150 человек... Нас было четверо: мама, младший брат, младшая сестра и я.

На следующий же день всех трудоспособных... были только женщины и дети. Женщин собрали, сказали, что работать будут в лесу – пилить деревья, дрова. Мама, да и другие женщины раньше не знали тяжелой работы. Бригадир сказал: «Не будете работать, не получите ни хлеба, ничего, и дети ваши умрут с голоду». Пришлось учиться валить деревья, пилить. На те деньги, что зарабатывала мама, мы могли купить кое-какой еды. Хлеб, крупу, соль. Местные, кто работал в лесу, помогал латышским женщинам находить съедобное и в лесу... Черемша, из нее можно было варить суп, как из капусты или щавеля. Она и спасла нас от цинги. Многие женщины, и мама тоже, заболели. У нее начала болеть спина, она просто не могла ходить на работу... Зимой мы снова слышали: давай, давай! Посадили в машину и отвезли в другое место, поближе к станции. На лесопилку, где и женщинам нашлась работа по силам. Так мы пережили зиму, настала весна 1942 года.

Возле барака, где мы жили, был небольшой кусочек земли. Мама вскопала три грядки, посадила морковь, свеклу, лук. Мы пололи и радовались, что будет еда. Летом снова раздалось: давай! Нас, кажется, четыре семьи, снова погрузили и привезли на станцию, сказали, что отправят дальше на Север. Мы уже слышали, что из тех, кого сразу отвезли на Север, в живых остались немногие. У нас, в Тинской, умерли только три старые женщины. Остальные болели, но жили. Так мы просидели на своих тюках на станции три недели в ожидании рокового момента, но вдруг неожиданно: «Давай! Идите по домам, больные и хромые женщины с детьми нам не нужны...». Счастливые, мы вернулись в свой барак.

Эти три недели маму окончательно сломили, и я стала думать, что и мне пора работать... Рабочие были нужны. До вырубки надо было шагать 10 километров. Вставала рано, чтобы успеть прошагать после дня работы те же 10 километров до дома. Можно было и не ходить домой, но в бараке на вырубке было столько клопов, что спать было невозможно. Так мы втроем ходили туда и обратно до поздней осени. Мне было 15 лет, и пилить деревья мне не разрешали, я обрубала сучья.

Однажды дерево упало на меня. Я ничего не поняла, рубила себе сучья и вдруг оказалась под деревом. Сучья меня спасли – по ним упавшее дерево соскользнуло. Мама сказала о случившемся бригадиру и попросила больше меня в лес не посылать. Самая легкая работа, сказал бригадир, пилить дрова.

Деревья меньше 80 сантиметров в диаметре, шли на лесопилку. А те, что толще, надо было пилить на дрова. Лиственницу пилили пилой с двойными зубьями, а кололи 3-килограммовым топором, колуном. Всему научилась, освоила несколько профессий.

Пяти-шестиметровые балки две женщины должны были закатить на тележку, которая заталкивала их на пилу. Потом их грузили в вагоны, отправляли в Россию. Балки проволокой стягивали в штабеля высотой 2,5 метра. Я молодая была, ловкая. Забралась как-то, стала стягивать, внизу что-то надломилось, и я из вагона вместе с бревнами покатилась вниз. Когда меня вытаскивали, думала, мне конец. Но опять судьба смилостивилась.

Дети. В Тинской была школа, и сестра Виктория зимой ходила в школу. Мы быстро научились прекрасно говорить по-русски. Иначе было нельзя. Брат был еще маленький. Мама работать не могла. Подрабатывала тем, что шила или вязала. Женам офицеров, которые получали пособия. Мама была хорошая рукодельница.

Весной 1942/43 года начался страшный голод. Как только сошел снег и показалась крапива, лебеда, так все и подъедали. Хлеб получали в магазине. Нам полагалось 500 г, но это был не хлеб, а кусок теста. Мама получила хлеб и сказала: ужасно, даже не поделить. Не хлеб, а кусок теста. Через два дня вызвали в НКВД. Кто-то донес. Три месяца каждый вечер вызывали на допрос: одна она или с кем-то в сговоре. Истолковали ее слова, как антисоветскую агитацию. Иной раз ждала ее до четырех утра, малыши уже спали. Могло быть всякое – могли в тюрьму посадить, в лагерь отправить.

Послали меня строить железную дорогу. Кто-то маме сказал, что там дешевая картошка. Я купила полведра. Мелкую, как фасоль. А мне каждый вечер так хотелось есть, что я одну маленькую картофелину, сырую, и сгрызла. По одной и остальные.

Что помогло мне все это вынести? Была я живая и веселая. Еще дома на школьных вечерах танцевала народные танцы. Пела в хоре, ходила в балетную школу. Каталась на коньках. И в Сибири все эти трудности вынесла, ни разу не болела. Ни кашля, ни насморка. Раз только разрубила ногу, четыре месяца не заживала. Прожила я до 77 лет, теперь-то уж плоха.

Случилось это осенью 1942 года. Из тайги вышли четыре человека, бледные, словно призраки. Таких лиц – бледно-зеленых – я никогда не видела.

Ирма с младшей сестрой Викторией в Латвии

Подошли к баракам, попросили пить. Оказалось, это поляки, жили далеко в тайге. У них даже бараков не было, жили в землянках. Они тихо пришли и так же тихо ушли.

В 1944 году вызвали меня в контору. Из холода и тьмы посадили на солнышко. Я была счастлива, старалась. Работала счетоводом. На работе меня ценили. Вечерами стала меня мучить тоска по Родине. Когда за день наработаешься, домой – и спать. А тут вечерами стала вспоминать Ригу, Даугавпилс, наш сад и особенно памятник Свободы. Одна ссыльная дала мне стихотворение о памятнике Свободы: «Я хотела бы прийти к твоему подножию и положить к твоим ногам мое исстрадавшееся сердце».

Девушка я была видная. На станции в Тинской был клуб, на праздники показывали пьесы о фашистах, меня тоже пригласили, дали роль немецкой шпионки. Платье у меня должно было быть роскошное. И мама достала. Наутро я проснулась кинозвездой. Мне разрешили бесплатно посещать кино. О том, что я не могу вернуться на Родину, я и не задумывалась.

Если так подумать, мне было сравнительно неплохо. Но я была не на Родине. И моя мечта исполнилась. В августе 1946 года. Разнеслось – приехали из Латвии, забирают детей домой. Мне было уже 17. Поехали домой все трое. И только когда я увидела первые надписи на латышском языке, я поверила, что мы в Латвии. Радость не описать. Сначала нас поместили в детский дом, связались с родственниками. Меня забрала семья отцовского брата в Виляку, помогала по хозяйству, ходила в школу.

В Виляке закончила 10-й класс. И познакомилась с будущим мужем. Он уехал в Ригу учиться. Когда и я окончила школу, поехала в Ригу, мы поженились. В ноябре 1951 года у нас родилась доченька. Муж перевелся на заочное отделение, устроился на работу в Цесисский леспромхоз, мы перебрались в Саулкрасты.

В январе снова стук в дверь. Вошли трое. Мне сказали: «Собирайся!» Муж был в Цесисе по делам. У меня подкосились ноги, в голове все перемешалось: двухмесячный ребенок... за что? «За то самое, вы враг народа». Это был такой удар, умом не понять. Муж по телефону сказал: «Она член моей семьи, вы ее не трогайте, пока я не приеду». «Куда? – В тюрьму. – Мне надо на одежду ребенка нашить метки, чтобы знать, что это одежда моего ребенка. – Вы что думаете, у вашего ребенка там ванночка будет отдельная? Ничего не надо, все там будет».

Меня оставили одну с солдатом с винтовкой, на винтовке штык. Я вспомнила ребеночка, который умер в 41-м году в вагоне. Моего ребенка ждала такая же судьба. Я решила, что если меня не будет, мужа и ребенка не тронут. Я должна уйти из жизни! Прошло два часа, солдат задремал. Я встала, перепеленала ребенка, солдат не обратил на это внимания. Я свой замысел осуществила. Пришла в себя в больнице Страдыня на следующий день – раны зашиты, кровь перелили. В дверях я увидела того же солдатика с винтовкой, только штыка не было. Когда я открыла глаза и попыталась подняться, он вбежал в палату и произнес: пожалуйста, не двигайтесь. Он, вероятно, испугался больше меня. За тот месяц, что я лежала в больнице, муж обошел и министерство внутренних дел, и еще бог знает, что. Везде ему говорили: разводись. Потом ему предложили такой вариант: он подпишет бумагу, что доставит меня в место назначения; если в пути мы исчезнем, нас найдут

и сурово покарают обоих. Он стал моим конвойным по дороге в Сибирь второй раз. Хорошо еще, что мне не пришлось пройти тюрьмы и этапы, которые прошли мои брат с сестрой. В бумагах ребенок не значился, я поняла, что везти ребенка в Сибирь – значит, обречь его на смерть. Свекровь, пусть земля ей будет пухом, взяла на себя заботу о девочке. Была зима, летом, решили мы, муж вернется.

Приехали в Красноярск, мороз 45 градусов, остановиться негде. В гостинице мест нет. Переночевали на частной квартире. Приехали на место. Нам говорят: придете через три дня. Направили меня в Колбинский леспромхоз, примерно в 100 километрах от Красноярска, а потом еще 150 километров в глубь тайги. Муж пошел в контору, и его как специалиста охотно приняли на работу. Назначили заведующим производственным отделом, у него было незаконченное высшее образование. Он меня всюду защищал, в лес не отпускал. Я устроилась в конторе, в плановом отделе. Вы можете себе представить, каково матери, чей ребенок растет где-то, сколько слез было пролито. Летом отпуск мужу не полагался, так как он не проработал год. Так наша девочка еще на год осталась в Латвии. Следующим летом муж поехал в Латвию и привез нашу дочь в Сибирь. Если бы мы все не продумали и ее включили бы в список высылаемых, и она бы сейчас была дитя Сибири, как и я.

Вторая ссылка отличалась от первой. Тогда очень тяжело было и физически, и морально. Тогда нас и фашистами обзывали, и по-всякому. На сей раз этого не было. Начальство обходилось вежливо, муж ведь сам приехал, к тому же он был партийный человек. Он был человек культурный. Он должен был ездить в лес, командовать рабочими, чтобы они соблюдали технологию. Он плохо говорил по-русски, рабочие его не понимали. Мы познакомились с одной латышкой, родители которой приехали в Сибирь еще до 1-й мировой войны, но она сохранила язык. Она была счастлива, что может разговаривать по-латышски. Муж ей говорит: не знаю, что и делать. Я им – делайте так и так, но они ни с места. На что она ответила: вы людей не знаете, нужно русский мат употребить, тогда вас поймут. Прошло недели две или три, чаша переполнилась, он выругался по-русски, все посмотрели на него и стали делать все, как полагается.

Мы от местных не отличались: все покупали в одном магазине, все в домишках жили одинаковых. Я каждый месяц должна была ходить отмечаться к господину с красной звездой, что не убежала. Власть свою он проявлял любым способом. Подхожу, стучусь, тишина, открываю дверь: можно войти? – Подождите! А он просто сидит за столом. Было унизительно. Когда муж стал со мной ходить, он уже себе этого не позволял. Он сам был ничтожество, и меня хотел сделать таким же.

В 56-м году сообщили, что я реабилитирована. Муж работал, ему обещали, что если он не уедет, ему оплатят учебу. Мы уехали в Красноярск. Он поступил в политехнический институт, проучился еще три года. Окончил и трагически погиб – утонул в Енисее. Я осталась одна с дочкой. Бирута была в пионерском лагере, я ей сказала, что папа уехал далеко-далеко. Мне предстояло научить ее говорить по-русски – дома мы разговаривали по-латышски. Приехал друг отца по институту, мы поехали на кладбище. Дочери сказала, что хочу показать, где похоронен отец. Она мне в ответ: я так и знала, что ты меня обманываешь. Так мы и жили.

Во время второй ссылки в Сибири было много литовцев, поляков, украинцев. Прошло три года, я встретила человека, который мне понравился, фактически больше он понравился моей дочери. Он работал шофером, жил в том же доме, моя дочь с его дочерью ходили в один класс. Познакомились. Когда нашему общему сыну Андрею исполнилось 5 лет – в 1968 году, – я приехала в Латвию, хотела переселиться, тянуло на родину. Не было квартиры, не было работы. Мой брат тоже пытался, он был тренером по боксу, на работу не приняли, он вернулся в Красноярск. Отец Андрея, он был украинец, решил, что если не примут в Латвии, уедем на Украину. Нашли женщину, которая хотела поменять квартиру на Красноярск. Так мы оказались на Украине. Сын начал учить украинский язык, ходил в украинскую школу. Списалась с родственниками – дочка окончила Рижский радиотехнический техникум. Сын – хохленок, играл на аккордеоне, учился в музыкальной школе, учился хорошо. Учителя говорили, что его будущее – музыка.

Брат вернулся в цинковом гробу. Когда его не приняли в Латвии, он уехал обратно, стал сильно пить. Но его последняя воля исполнилась, его жена привезла. Жена у него сибирячка, внуки и правнуки тоже. Он похоронен в Елгаве. Сестра вышла замуж, уехала в Майкоп. В 1992 году, когда дали квартиру, я вернулась в Латвию. Сестра вернулась из Майкопа. У нее муж умер, у меня муж умер. У меня уже и место на кладбище в Елгаве куплено. Теперь я останусь в Латвии на вечные времена.

ВИКТОРИЯ АУГУСТАНЕ (ДАВИДЕНКО)

родилась в 1929 году

Я родилась в 1929 году в Даугавпилсе, отец был юрист, мама – домашняя хозяйка. Отец из Виляки, из многодетной семьи, он был старший, но окончил высшую школу и работал юристом. У него – как теперь модно говорить – был свой офис. Жили в собственном доме, была и дача под Даугавпилсом, у самой Даугавы.

Я окончила 2-й класс, когда началась война. До этого летом 1940 года мы жили на даче и видели, как через Даугаву идут танки. Мама плакала. Отец был на работе, пришел и сказал, что вошла Красная армия. Мы собрались и уехали в Даугавпилс. Через месяц или два отца уволили с работы, нас выгнали из квартиры, дали какую-то нежилую площадь. В школу я, кажется, не ходила. Жили мы совсем в другом районе, отец работал кассиром, потом мы нашли квартиру лучше. Не прошло и полгода, как нас выслали. К нам прибежал кто-то, сказал, что в том полуподвале, где мы жили, нас искала милиция. Нам надо было бежать, отец и мать были люди законопослушные. Отец пошел на работу, сдал деньги, пришел обратно, мама начала собирать вещи. Когда за нами пришли, мы уже были готовы к отъезду. Много вещей брать не разрешили, только то, что сможем унести. Отвезли, запихнули в вагон, сказали, что мужчины и женщины ехать в одном вагоне не могут. Отца увели в чем стоял, в одном костюме. Пять лет он прожил в лагере в Кирове – Кировская область, Кайский район – в одном и том же костюме. Латвию уже освободили от немцев, и родные отца узнали, где он находится, и сообщили нам. Сказали, может быть, можем прислать ему что-нибудь из еды и табак. Табаком он сможет откупиться. А у нас и у самих ничего не было. Они прислали нам из Латвии посылку, и мы положили туда табак и кусок сала и отправили. Отец узнал, что может получить посылку, и от радости у него случился инфаркт. Так он и не вышел из лагеря.

Я окончила 2-й класс, когда началась война... Когда за нами пришли, мы уже были готовы к отъезду.

Нас выслали в Красноярский край, в Нижний Ингаш.

В вагонах – двухэтажные нары, вагон для скота. Людей полным-полно. Между нарами дыра – считался туалет. Это было настоящее испытание!

Один раз в день мы ходили с ведром за каким-то супом или кашей. Вначале никто не ел. Ели хлеб. Хотелось пить. Воды давали мало, зато какой она казалась вкусной! Смотреть мы могли только через зарешеченное окошко, стояла очередь из тех, кто хотел посмотреть, что происходит снаружи. Похоже было, что везут нас на север – одни леса и леса. Мы видели, что ехали через Ленинград, Киров. Женщины поняли, что нас везут в Сибирь. Они плачут, а мы удивляемся – и чего они плачут, разве в Сибири плохо? Они говорят – там одни леса, людей нет... А мы отвечаем: но лес – это ведь красиво.

Приехали в Канск. Постепенно начали привыкать к этому супу и каше, а давали все меньше и меньше. Все, что с собой было, съели. В Канске нас высадили на какую-то огороженную дощатым забором площадку, без крыши. Сами несли вещи, уселись на узлы, сидим, ждем. Мне захотелось в туалет. Мама меня отвела, так там было все в крови. У многих была дизентерия, 50% было больных. До нас никому не было дела. Привезли нас умирать.

Через несколько дней стали нас развозить по леспромхозам. Нас, 100 человек, отвезли в лес. Два барака, вокруг лес. В бараках нары. И

полно блох, клопов и вшей. Клопов было столько, что щели между досками были коричневыми. Спать было невозможно. Клопы ползали по потолку, падали на нас. Потом то ли мы к ним, то ли они к нам привыкли или крови в нас не осталось, сосать было нечего. Маму с сестрой, которой было тогда 13 лет, отправили в лес. Мы с маленьким братом остались одни. Брату было семь лет. Есть нечего, никто нас не кормит. Милиция придет, глянет – все в порядке, и уйдет. Мы бегали по лесу, искали, что бы засунуть в рот. Узнали все – какие травы и ягоды съедобны, какие нет. Когда пошли грибы, начинался праздник. Гриб насадишь на палочку, на костре испечешь, ешь без соли, ее у нас не было. Пока мы там были, жили без соли. Вместе с нами была сосланная старушка, ей было 100 лет. Она прожила еще два месяца. Ждала, когда повезут домой. И там же родился ребенок – маленький, с большим животом, как лягушонок. Вскоре он умер. Вместе с нами были Александрс Лиелайс, лет 13–14-ти, Ивонна Дзерве, Кигурсы – Юрис и Валия. Были еще Трачумсы, сейчас живут в Ливаны. На одном месте нас подолгу не держали, чтобы мы не привыкали к месту и не обзаводились хозяйством. Через месяц нас послали в другой леспромхоз. Там были и русские. Относились они к нам ужасно. Звали не иначе, как пособниками Гитлера, фашистами. Мы, дети, не особенно огорчались, потому что не знали, кто такие фашисты. Жили в лесу, осенью пошли кедровые орехи. Брат забирался на дерево, я подбирала с земли. Наедались, и были счастливы. Маму не видели – она неделями находилась в лесу. Дети были предоставлены самим себе – живи, как хочешь. Мы рано стали самостоятельными. Осенью нас снова распихали по машинам и повезли в Норильск. Вначале на станции в Тинске сидели три дня, ждали, когда повезут в Красноярск, оттуда пароходом в Норильск и в Игарку. Куда повезут, не говорили. Города Норильска тогда еще не было, в Игарке – только лагеря.

Через три дня снова посадили в машины и привезли обратно, так как в вагоне не хватило мест. Это было наше счастье. И в Тинске мы прожили до конца войны. Нам выделили домик – 3х3 метра. Это уже было кое-что! Не барак, здесь мы с клопами могли воевать, топить. Побелили свою комнатушку. Тут же и варили. Домик был сколочен из досок, со щелями, которые надо было замазать глиной. Между досок были насыпаны опилки, и, если дул ветер, через щели виднелось небо. Я каждый месяц щели снова замазывала. Окошко тоже заколотили, чтобы не дуло. Но отдельно жить было замечательно! Вокруг я посадила картошку, морковь, однажды даже подсолнух. Он погиб, потому что я его не полила. Как я плакала! Мама работала неподалеку, каждый день приходила домой. Сестре дали хорошую работу – то ли кассиром, то ли бухгалтером, она окончила семь классов, в тех местах это уже считалась интеллигенция! Война закончилась, и к нам приехала Лусе, собирала детей, сирот, которые хотели уехать в Латвию. Мы были наполовину сироты, к тому времени уже знали, что отец умер. Мама отправила нас в Латвию. В Красноярске сели в поезд, в нормальный вагон, нас кормили, а мы не понимали – как это нас кормят и самим не надо искать еду. Не так, как мы жили в последнее время, – недалеко от лесопилки, где мы жили, были лошади. Однажды мы с братом увидели, что стоит вагон с половой и остатками овса. Набрали и сварили овсяный кисель. А здесь нас кормили бесплатно! Даже селедку дали! Мы ее ели, а старшие ребята говорили, что дают специально, чтобы мы просили пить, а потом говорили, как нас хорошо кормили.

Привезли в Ригу, в детский дом на улице Лиепаяс, там нас одели. Можно было самим выбирать одежду, и туфли мне дали, совсем новые!

У нас в Риге жила мамина мать, бабушка, но она была очень бедная. Дедушка умер от голода, и она осталась одна с ребенком, который был старше меня на год, ей надо было содержать Леона Рудзитиса. Он с телевидения, он мой дядя, а Ругате моя тетя, но она гораздо моложе меня (смеется). Пожили мы у бабушки, потом она договорилась, что нас заберут родственники отца из Виляки. Брат у одной тети, я – у другой, сестра – у третьей. Пошли в школу. Я в школу ходила и в России, два года, хотя по-русски почти не говорила, но учиться хотела. Закончила четвертый и пятый класс. Дядя мне сказал, чтобы, когда приеду сюда, поступала сразу в 8-й класс. Училась в Вилякской средней школе, жила в общежитии, потому что до дома было шесть километров. Вначале было трудно, но к концу года я была уже отличницей. Я подумала, что мне уже 16, а я в 8-м классе. За лето освоила программу 9-го и осенью поступила в 10-й класс. Школу окончила отлично. Надо было думать, что делать дальше. Я хорошо рисовала, поступила на архитектурный факультет университета. Конкурс был большой –

150 человек на место. Жила на стипендию, но училась хорошо. И вдруг, кажется, в 1952 году, за мной снова пришли! Брат болел, у него был гепатит, караулил его солдат с винтовкой, чтобы не убежал, а я была в гостях у тети. Мне позвонили, чтобы не приезжала. Брат не убежит, а мне куда бежать? Ни паспорта, ничего.

Два дня раздумывала, потом сама пошла в «угловой дом» и сказала – так и так, меня хотят увезти, но я хочу учиться! Не понимаю, почему, я ведь ничего плохого не сделала. Нет, мне говорят, таков закон. На машине отвезли меня домой за вещами, а у меня, у студентки, была только швейная машинка и таз. Посадили нас в Центральную тюрьму, вместе с политическими. Были такие, кто из леса бежал домой. Одна девушка, больная туберкулезом, пряталась в погребе, но и ее нашли и привезли в тюрьму! Через месяц, когда брат выздоровел, нас по этапу повезли дальше, в Ленинград. Были специальные вагоны с решеткой, в вагоне милиционер. Самое страшное, что нас не пускали в туалет. Выпускали только раз в день. Не помню, чем кормили, так как в студенческие годы привыкла недоедать, но туалет меня просто измучил. Были в «Крестах». Там к нам подсадили и одного неполитического. Камера была большая, человек 80, спали в два этажа, вплотную друг к другу. Посадили к нам полусумасшедшую женщину, которая убила двух своих детей. У нее была эпилепсия, она бегала по камере и колотилась головой об стенки. Мы сидим, смотрим. И тут еще один начинает биться, другой, третий. Оказывается, если один начинает трястись, трясутся и другие. Потом ее от нас забрали. Отвезли нас в Киров. Мороз был минус 50 градусов. Помещение небольшое, 15 квадратных метров, людей как сельдей в бочке. Выбили одно окно, потому что дышать было нечем. Отопления нет, обогревай помещение собой. Спали впритирку: поворачивались все одновременно. Только так. Из окна все время несет холодом, все обледенело. С нами вместе были и так называемые «урки» и «блатные». У них была своя жизнь, здесь они жили подолгу. Интересно было за ними наблюдать. Нас они не трогали, переговаривались через стенку с соседней камерой, научили этому и нас. Просидели мы там месяц. Отвезли в Новосибирск, где тоже просидели месяц. Потом в Красноярск – снова тюрьма. Ждали, когда мы понадобимся. «Дарили» нас колхозам, если те хотели брать нас в работники. Нас отвезли в колхоз в поселок Шало. Колхозники были бедные – если были у них две-три курицы, по утрам ходили собирать яйца. Мне кажется, что им тоже разрешали держать только кур. Нас поселили в бараке, дали работу. Кого в пастухи, кого куда. Меня послали на комбайн. Была уже весна, апрель. С января по апрель нас возили по тюрьмам. Поручили «сеять» – взять мешок, поднять на комбайн. Комбайн трясется, а я должна следить, чтобы отверстия все время были открыты. Ноги болели, я до работы шла шесть километров, весь день тряслась, потом обратно те же шесть. Дома есть было нечего, потому что сказали, что за работу заплатят осенью. В это время приехала мама, которая сидела в Елгавской тюрьме, так как самовольно вернулась в Латвию. Приехала она через два или три года, и ее посадили на четыре или пять лет в тюрьму. Ее прислали туда же, где были мы с братом. Сестра к тому времени вышла замуж и жила в другом месте. Был какой-то закон об объединении семей, и мне разрешили уйти из колхоза. Я так там измучилась, что до сих пор ног не чувствую. Хорошо еще, что до отъезда из колхоза я не работала. Когда приходили гнать меня на работу, я просто бойкотировала. Меня обещали за это посадить в тюрьму, тогда я поехала в Шало, где была больница. Врач меня поняла, написала записку, что я на такой работе работать не могу. Меня направили в суд, но суд меня оправдал. Председатель колхоза понял, что толку от меня не будет, и отпустил к маме в Шало. Приехала, но есть-то мне надо! Брат приехал к маме раньше, работал в МТС. Я ходила по Шало, но работы нигде не было. При больнице была санэпидемстанция. Зашла, показываю свой аттестат с пятерками. Посмотрели и сказали, что на три месяца могут меня взять – сотрудница в декретном отпуске, я могу поработать счетоводом. Позже я им понравилась, и меня перевели на другое место. Зарплата маленькая – 150 рублей, но я была счастлива – все-таки первая зарплата! И вдруг – умер Сталин! Нас созвали на митинг, люди плачут: что теперь делать будем! Я стою, опустив голову, чтобы никто не увидел, что я не плачу. Как бы ко мне не придрались, что я не переживаю. Слез нет, я-то знаю, что Сталин не был моим благодетелем!

Осенью я решила, что должна пойти учиться. К власти пришел Хрущев, времена смягчились. Попросила, чтобы из Риги, из университета мне прислали документы, что я училась, и мои отметки. Хотела поступать в Красноярский лесотехнический

институт, туда нас брали, ни в медицинский, ни в какой другой, а в лесу – пожалуйста, работай. Решила, что буду поступать на мебельный факультет. Документы мне прислали, а там было написано, что меня исключили за непосещение лекций. Какие лекции я могла посещать, если я в это время тряслась в вагоне в Сибирь! Размышляла, что же мне теперь делать в Красноярске. Пошла в милицию, где нас регистрировали. Заявила о себе, сказала, что не бежала я, попросила, чтобы написали справку, что я в это время была в дороге. Дали мне справку, что с такого-то по такое-то число я была отправлена этапом. С этой справкой и справкой из университета я пошла к ректору, попросила принять меня на 2-й курс. Ректор был хороший. Там уже учились литовцы и эстонцы. Он сказал – у вас хорошие оценки и я знаю, что ссыльные хорошо учатся. Я радуюсь, что меня приняли. А он говорит – только без стипендии! Сижу я и плачу, хотя не из плаксивых. Я плачу, а он говорит: «Хорошо, будет у вас стипендия!» Я говорю: «Может быть, и общежитие? Я же на эти деньги не сумею снимать жилье!». Он говорит: «Мест нет, но если поможешь строить общежитие, дам и общежитие!» Так я пошла работать – надо было дощечками обшивать стены. Начался учебный год. Пошли к декану за местом, он говорит – все занято. Тогда мы со Стефанией, с которой я подружилась на строительстве, решили пойти к парторгу. Сказали, что ректор обещал. И парторг сам ходил, искал место, где можно было поставить наши койки. Я начала учиться! Это было самое счастливое время в моей жизни. Училась легко, хорошо. Только сначала с черчением не задалось. А после окончания меня просили остаться в институте работать, но я к тому времени уже вышла замуж за украинца из Пятигорска. Он учился в Бауманском институте, но рассказал какой-то анекдот и угодил на пять лет в тюрьму. После этого он поступил в наш институт, мы познакомились, поженились, родился сын. Когда я училась, нам еще не отменили статус ссыльного. В институте был избирательный участок. Мы с подружкой не голосовали. Вдруг к нам подбежала педагог и попросила пройти в актовый зал. Дает она мне в руки листок и велит бросить его в урну. И в этот момент нас сфотографировали, а потом взяли интервью. Фамилии у нас не русские, моя Аугустане, ее – Грега. Утром наши кровати были завалены письмами, так как интервью было опубликовано в красноярской газете «Рабочий». Могли и отвечать, но не было аппетита. Мы же не имели права голосовать, не было и паспортов, пока не отменили статус ссыльного.

Я окончила институт, работала в Красноярском лесотехническом, в научном институте. Почти защитила кандидатскую, но заболел муж, и нам пришлось переехать в Майкоп, на Черное море. С его болезнью ему нельзя было жить в Сибири. В тюрьме он обморозил ноги, начиналась гангрена. В Майкопе он прожил еще десять лет, защитил диссертацию, стал лауреатом Государственной премии. Представьте – без ног. Келдыш вручал ему свидетельство, обещал «Волгу» с ручным приводом, и мы на ней ездили. Работал он до последнего дня.

И осталась я одна. Сын окончил в Москве МФТИ, направили его в Киев, он и сейчас там работает. Уговорить вернуться в Латвию не могу, начнутся проблемы с работой, язык понимает, а говорить не может. Как я вернулась сюда? Я жила в Майкопе, сын в Киеве, а здесь уже была свободная Латвия. Всем репрессированным, у кого отняли дома, квартиры, дают квартиры. Двоюродная сестра получила мой реабилитационный лист и записала меня в очередь на квартиру. Подала документы, что была у меня квартира на улице Лайздас, что меня оттуда вывезли. Вдруг мне сообщают, что Латвия отделилась от России и предлагают явиться в Земгальское предместье по поводу квартиры. Я подумала: «Сменилась власть, скидывай сапоги!» Нет больше никаких очередей! Не будет квартиры, и живу я себе дальше. В Риге у меня двоюродная сестра Дагмара Аусекле, попросила ее узнать, зачем я должна ехать сюда. Она ответила, что квартира мне уже выделена. Так что квартира меня уже ждала. Недолго думая, прилетела я сюда ровно двенадцать лет назад, 23 декабря. Приехала, по-латышски говорить не могу, понимать понимаю. Родня со мной по-латышски, я с ними по-русски.

Вот так я и приехала, и теперь живу здесь!

В самые трудные времена помогал мне оптимизм. Я и до сих пор оптимистка. Перенесла несколько операций, и хочу жить! Выжить помог оптимизм.

Мама жила с братом в Красноярске. Потом переехала к нам в Майкоп, умерла в возрасте 70 лет. В Латвию ехать боялась: один раз вернулись – выслали, второй раз вернемся – снова вышлют... Не потому что что-то потеряли, трудно было, когда увезли!

ЗИГРИДА АУДЗЕ

родилась в 1928 году

До 1941 года наша семья жила в Вентспилсе. Мой отец Александр Аудзе был человек общественный – заместитель командира морских айзсаргов, командовал пожарными, играл в театре, пел в хоре. Мама не работала, так как в семье было двое детей. Брат Иварс на 2, 5 года старше, закончил 6-й класс Вентспилсской средней школы, я закончила 4-й класс.

А потом наступила роковая ночь 14 июня 1941 года. Я, ребенок, восприняла случившееся не очень трагически. На вокзале увидели вереницу вагонов, там нас разлучили – отца и брата посадили в один вагон, нас с мамой – в другой. В вагоне было много вентспилсчан. Крестная Анастасия Яункроне тоже. Она рассказала, что арестован и крестный – Адолфс Яункронис, человек военный – начальник Морской погранохраны Латвии. Позже, на самой границе, к нам привели и моего брата. Есть было почти нечего. На вокзалах все бегали за кипятком. Ехали невероятно долго, навстречу шли эшелоны с танками и солдатами, поползли слухи, что началась война. В середине июля нас высадили в Енисейске, на лошадях развезли по разным колхозам. Мы попали в Бархатово. Деревня находилась в очень красивом месте: начинались Алтайские горы, быстрая горная река.

Госпожа Берзиня умела сочинять стихи. Новому месту она посвятила такие:

Бархатово – красота,
А для нас юдоль печали.
Сердце наше не причалить.
Русские доставили.

Мы ходили вдоль берега речки и накалывали на вилку налимов. Местную гору мы называли Королевской горой, в долине было много щавеля. Собирали и ягоды в лесу, но там были тучи мошки. Лето 1941 года пробежало быстро.

Жили в разных местах. Когда мы приехали, местные плакали, потому что им сказали, что везут фашистов. Но когда увидели женщин с детьми, отношение изменилось. Нас приняли в большой дом. Крыша над головой была, но зимой есть было нечего. Когда женщины ходили веять зерно, мама насыпала в сапоги немного. Ездили в соседнюю деревню менять одежду на картошку.

Весной 1942 года настала беда – взяли всех, кому исполнилось 16 лет. Взяли и брата.

Это были очень тяжелые годы. Ели лебеду. Кто выжил, тот выжил.

Мы переехали в районный центр – Вознесенск. Там была семилетка, больница. Мама работала в артели, ей полагалась хлебная норма, мы, дети, пошли в школу. Мы уже чуть говорили по-русски. Учителя были нормальные. Домишко, который нам выделили, стоял без крыши, и когда ночью началась гроза, мы не знали, куда прятаться. Но перед домом был огород, мы сажали лук и все прочее, как принято у латышей.

Из Вознесенска было легче попасть в Красноярск, и мы с Мирдзой продавали на рынке землянику в березовых туесках. Вязали в пучки лук и тоже продавали. Нам нравилось.

Я уже закончила 7-й класс, когда появились слухи, что приехала комиссия, которая повезет детей в Латвию. Мамы наши ездили в Красноярск, записали нас. В Вознесенске были мы с Мирдзой, маленькая Бригита, Айварс Бекерис и еще один мальчик. В августе сказали, что скоро отъезд, но никто не знал,

А потом наступила роковая ночь 14 июня 1941 года. Я, ребенок, восприняла случившееся не очень трагически.

что комиссия действовала неправильно. В Латвию можно было увозить только эвакуированных детей, а не высланных. Еще в 1944 году детей отбирали, а взрослых отправляли дальше на Дальний Восток. Мама тоже была в списке, но врач признал у нее плохое зрение, и ее оставили.

С нами в Латвию главным в вагоне ехал и Уртанс, он сам был в лагере, потом его выслали в Красноярск. Выехали в середине августа, спали по очереди, в три смены, присматривали за малышами – Бригитой, Айварсом, Зигурдсом Заровскисом из Лиепаи.

Мамы остались в Вознесенске. Расставаться было жаль, но мама настояла. С дороги я посылала маме письма. Вот одно от 1 сентября:

«Стоим в Москве, на вокзале. Главный сказал, что Москву показать нам не сможет, мы плохо одеты. Сегодня утром собрались идти сами – четыре девочки и один мальчик (это был мой будущий муж). Спустились в метро, красота там, доехали до Красной площади и видели мавзолей Ленина, но он был закрыт. Обошли вокруг Кремля, видели золотые звезды. Очень большое сообщение – автобусы, электрические трамваи и мосты. Стояли у Москва-реки, она очень красивая. На метро вернулись обратно, поднимались по скользящей лестнице, для нас, детей, это было чудо.

Сегодня получили продукты: очень много хлеба, белого и черного, рыбу, жир, сахар, и нам хватит с лихвой. Дорогая мамочка, заканчиваю, потому что девочки бегут на станцию и бросят».

3 сентября около 9 вечера переехали границу Латвии и пели. Вышли в Зилупе и спели «Здесь, где качаются сосновые леса». Все были в восторге, но когда поезд двинулся, мы, девочки, стояли у окна, и слезы лились ручьем – вспоминали все. Вспоминали и тех, кого уже нет. В 12 ночи остановились в Резекне, и все, кто не спал, вышли на перрон.

Уртанс купил слив и несколько яблок – первая наша еда в Латвии. В пять стали собираться, не терпелось оказаться в Риге. Некоторых встречали. Нас поделили на группы и отвезли в баню. Ехали по рижским улицам, и трудно было представить, что я уже не в Сибири. И в Риге было много разрушенных домов, и железный мост наполовину разрушен. После бани всю одежду продезинфицировали, нам дали чистую. Мне досталось платье в мелкую клеточку. Я его до сих пор помню.

После бани нас отвезли в детский дом, покормили латвийским белым хлебом с вареньем. Обед был очень вкусный – мясной суп с хлебом и мусс с молоком. Сказали, что в детском саду пробудем четыре дня.

В Вентспилсе жили мои тетя с дядей, так что остановиться было где. Мы сами поехали на вокзал, а там нас уже встретила тетя. Пошла в 8-й класс, латышский язык я не забыла, так что проблем не было.

Через полгода и мама получила разрешение вернуться, и мы зажили вместе. Она шила, и нам, и другим, и так немного зарабатывала.

В марте 1949 года из нашего класса взяли несколько человек, а осенью 1949 года арестовали маму и посадили в Вентспилсскую тюрьму. В январе перевели в Ригу, в пересыльную тюрьму. В начале января пришли и за мной – я была в школе, училась в 11-м классе. Пришел «славный чекист» Янис Дзинтарс, забрал меня из школы (хорошо еще, что разрешил зайти домой) и упрятал в Вентспилсскую тюрьму.

Сказал, что мы нелегально сбежали и меня отправят к маме. И отправили. Неделю я провела в Вентспилсской тюрьме, потом вагоны с решетками на окнах – до Москвы. А там «черный воронок» доставил меня в Бутырки, потом снова поезд – Куйбышев, пересыльная тюрьма. Это было просто ужасно – старая конюшня с нарами. В супе плавали капустные листья и рыбьи головы. Из разговоров со старыми сидельцами выяснилось, что на следующую ночь после нашего приезда зеки пробили стену и прорвались в женскую камеру, охранники не могли с зеками справиться. К счастью, нас это миновало.

Следующая пересыльная тюрьма была в Красноярске – огромная, старая, жуткая. Туда я попала почти одновременно с мамой. Потом еще дальше на восток – в Канск, где я просидела месяц в одной камере с ворами.

Наконец в конце марта меня перевезли в поселок Байкан Абанского района. Одна улица в тайге. Нам дали маленький домик, где жили четыре семьи: Стуриши (старые муж и жена), девушка (тоже второй раз высланная), Бривниексы и я. Я ходила в тайгу сочить смолу. Маму на работу не посылали, идти по тайге с полным ведром трудно. А еще страх перед медведями! Одного я даже видела – со мной был хозяйский пес, и он принялся громко лаять. Тайга красива только в мае, когда все цвету, нет комаров и мошки, потом «сетка» на лице, и ты ничего не видишь.

Год проработала, потом познакомилась с Янисом. Он жил в центре Абана, в 30 километрах от нас, там было очень много латышей, выслан-

Зигрида (справа) в Сибири

ных вторично. Познакомились на Новый год. В 1952 году решили, что поженимся. В 1953 году у нас родился сын Эдгарс, а в 1954 году мы переехали в Красноярск.

Муж устроился на Сибирский комбинат тяжелого оборудования наладчиком, я работала в порту. В порт поступали необходимые для Севера продукты, вывозили медь, кобальт и никель. Жили мы уже нормально. В 1955 году родилась дочь Бригита.

Сейчас, когда я вспоминаю то трудное время, все пережитое, потерю близких, понимаю, что нам с мамой повезло, что мы выдержали и вернулись в Латвию. Брата, когда его забрали в 1942 году, отправили в Игарку, через год мы получили известие, что он умер. До этого он прислал несколько писем, где писал, что рыбачит на озерах. Вероятно, латыши взяли несколько рыбин, так как питаться было нечем. Но во время проверки это «страшное преступление» открылось, и многих посадили в тюрьму. Там от воспаления легких он и умер. Брату было 18 лет. И крестная моя умерла в 1943 году. Она узнала о смерти мужа и решила, что жить ей больше не стоит: вышла в мороз на улицу, простудилась и умерла.

Отца в последний раз видела на вокзале в Вентспилсе. От отца получили несколько весточек, так как вентспилсские евреи узнали адрес, куда нас выслали. Отец писал по-русски, иначе было нельзя, и первое письмо получили через посредника. Вот это письмо написано в апреле 1942 года: «Все время после разлуки я думаю только о Тебе и о детях. Зигрида с Тобой. А Иварс? Его ведь забрали от меня в дороге. Я верю, что все хорошо. Что касается меня, я всегда в хорошем настроении, а значит, и чувствую себя молодцом. Работаю сейчас в конторе, кормят хорошо. Я даже поправился. (Вот как надо было писать – поправился.) Со мной вместе Краулис, Рубенис, Ролавс, Карклиньш, Майгонис. Все работаем и ждем лета, будет теплее и легче, и надеюсь, мы увидимся. Главное – береги здоровье! Это самая большая ценность.

Очень прошу узнать адрес моей жены и, если возможно, адрес сестры Нади и передать это письмо или привет. Жду – Саша».

Следующее письмо написано 9 июня 1942 года:

«Сегодня проснулся с первыми лучами солнца. Первым делом – мыться. Беру полный котелок холодной воды и, как утка, выливаю ее себе на голову. Вы ведь знаете, как я люблю воду, но здесь ее так мало. Устроился снова на нарах и пишу Тебе письмо. Остальные еще спят. Потеплело, идет дождь, комаров уйма, от них никуда не спрятаться – пьют наше малокровие, но нас это не беспокоит. Цветы цветут, пчелы собирают мед, и весь божий мир радуется своему существованию. Чем занимаются дети? Главное, моя дорогая Зигрида? Жду от Тебя писем, но они не приходят. (Часть письма неразборчива.) В свободное от работы время мы говорим о рыбалке, охоте, о сборе грибов... О том, как готовить из них еду, что каждый из нас предпочел бы. Лично я – картофельное пюре с сосисками и соусом, простоквашу или молоко с брусничным вареньем и суп из свежих овощей... Какое счастье!!!»

Отец умер в 1942 году в Вятлаге.

Наконец настал заветный день, когда мы узнали, что нам выдадут паспорта, и мы сможем или вернуться на родину, или остаться на севере. Мы твердо знали – поедем домой! В 1957 году там началась эпидемия детского паралича, и мы с мамой и детьми приехали первыми, боялись, что дети заболеют. Через несколько месяцев приехал муж. Поехали в Вентспилс – это моя родина. О пережитом в те времена никому не рассказывали, каждый скрывал все, как мог. И когда на работу устраивались, об этом не писали, ведь от места могли и отказать. Я пошла на стройку, там были мои друзья и школьные товарищи.

В Вентспилсе у меня родилась еще одна дочка, вот у нас и выросли трое детей. В 2002 году сыграли золотую свадьбу.

Зигради во время второй ссылки – в тайге на сборе живицы. Сибирь

ВИНЕТА АУЗИНЯ (ВИЛЮМСОНЕ)

родилась в 1933 году

В семье нас было четверо – отец, мать, я и маленькая сестренка. Отец работал в Главном управлении железной дороги и руководил двумя хорами. Запомнился чудесный июньский день 1941 года. Собирались поехать к бабушке в Сигулду, отметить первый год рождения сестренки и пожить там немного. Отец проводил нас на вокзал. На нем был светлый летний костюм. Он посадил нас в поезд, тогда я не знала, что вижу его в последний раз. Через пару дней пришли незнакомые мужчины и сказали, что отца переводят на другую работу здесь же в Латвии и нас отвезут к нему. Все взрослые поверили в эту ложь, потому что никогда ни с чем подобным не сталкивались. И мы уехали, в чем были, без зимних вещей. Везли нас в легковой машине. Мужчины, возможно, были вооружены.

Отвезли нас в Ригу, на вокзал, где стояли вагоны. Мама очень хотела встретиться с отцом, вероятно, она уже что-то поняла. Дождь лил как из ведра. Наши провожатые заглянули в пару вагонов, позвали – не здесь ли Аузиньш, вернулись, сказали, что его здесь нет. Мама взмолилась: «Возьмите мое пальто, поищите еще!» Но его так и не нашли, и отца мы больше не видели. Нас посадили в вагон, там уже было полно людей – в основном женщины с маленькими детьми. Было и несколько мужчин, которых через какое-то время забрали. Одна девочка – лет восьми – была в инвалидной коляске. Мне в то время было восемь лет, сестричке годик. Ехали долго. Спали на нарах. Мама переживала, что малышку нечем кормить.

Когда мы оказались в Томске, всех пересадили на баржи. По дороге приставали к берегу, где высаживали небольшие группы. Люди так и оставались сидеть на берегу. Нас высадили, из вещей у нас была только детская коляска. Когда стемнело, стали кто как мог устраиваться на ночлег. Некоторые местные охотно пускали к себе. Потом кое-как всех расселили.

Пока мама могла, она работала в лесу, вязала веники. В колхозе выдавали по нескольку килограммов муки. Помню, сварили на воде картошку, закинули немного муки. Так и питались, пока мама работала.

Одежды зимней не было, и в лес мама ходила, закутавшись в одеяло. Я все время боялась, что она не вернется. Прижмусь к стеклу и жду ее возвращения. Мама все слабела, потом уже не могла встать с кровати. На работу ходить не могла. Стало совсем плохо. Питались щавелем. И в жидком виде, и кашу из него варили. Ели все, что находили на улице, – траву, корешки, хвощ, бывало, и травились. Шел уже 42-й год.

В кухне, где мы спали, стола не было, да в нем и нужды не было. Летом старались добыть еду... Кедровые орешки жарили. Зимой зачастую не было ничего. Я была единственным снабженцем – мама лежала, сестренка рядом. Обегу дома в поселке, кто-то даст картофелину, лепешку, давали морковку, какие-нибудь овощи. Местные принимали нас нормально, но у них и у самих не было ничего, просили, чтоб хоть каждый день не приходила. Так мама и сестренка таяли, пока совсем не истаяли...

Многих латышей увозили все дальше в тайгу. Маму, лежачую, не тронули.

В школу не ходила, единственной моей одеждой был мамин жакет. Зимней одежды не было, зимней обуви не было. Сестренка так и не начала ходить. Она прожила еще два года. Сидеть умела, ходить нет. Мама

Мама очень хотела встретиться с отцом, вероятно, она уже что-то поняла... отца мы больше не видели. Мне в то время было восемь лет, сестричке годик.

не смогла пойти попрощаться, лежала, не вставая. Взрослые сказали, чтобы я не плакала, иначе мама будет волноваться.

В нашей комнатке у нас с мамой была одна кровать, одна была у мадам Бружис, одна у сестренки. Мадам Бружис была уже в почтенном возрасте, седая. Она тоже все больше лежала. Она разбила банку и пыталась осколками перерезать себе вены. Я позвала кого-то из взрослых, пришел фельдшер. Наутро увидела, что бинты сорваны, и она умерла от потери крови. После сестренки ушла и мадам Брушис.

Как-то пошла я в ближний лес и ясно услышала мамин голос: «Винета». Побежала домой. Еще удивилась, знала, что она не встает. Подошла к кровати, спрашиваю: «Ты меня звала?» – «Нет, не звала». Утром просыпаюсь, а она рядом уже не дышит. Сколотили гроб с большими щелями. Сквозь них можно было ее видеть.

Помню, как мама сказала, что когда она умрет и сестренка, я останусь одна. Так я и осталась одна. Боялась, что останусь без крыши над головой. Одну ночь ночевала на берегу реки, был сильный ветер, деревья шумели, мне стало так страшно, что я в голос заплакала. Услышала меня одна украинка, впустила в дом, даже в баню отвела. Она еще беспокоилась, не слишком ли вода горячая. Ответила – нет, потому что очень замерзла. Потом она посоветовала попасть в детский дом. Не помню, проводил ли кто меня, но помню, что лежала на обочине дороги. Какая-то женщина подошла, потрясла меня, наверное, чтобы убедиться, что ребенок еще жив. Я сказала, что отдыхаю, иду в Парабель. Так я и шла по кусочкам, пересплю на обочине и иду дальше. Пока не попала в детский дом. Было это в 1943 году. Там я прожила до конца войны.

Воспитанников в детском доме было много, разных. Но и там кормили не очень сытно – шла война. Помню, как пошли на капустное поле, хоть нам и запрещали, ели листья. Делали все сами, носили воду, пилили дрова, мыли комнаты. Отношения были нормальные, воспитатели нас не обижали. Помню и такое – взяли бутылку, сунули туда кусок хлеба и выковыривали палочкой по кусочку – иллюзия, что так можно дольше есть.

Я помнила бабушкин адрес и после войны написала ей. Местные власти разрешили ей взять меня, поскольку я осталась одна. А так как здоровье не позволяло ей приехать за мной, она договорилась с одним человеком, который ехал в Парабельский детский дом. Он привез меня и еще троих латышских детей. У меня было несколько фотографий, и как только посмотрю, тут же начинаю плакать. Мы спали на вокзале в Новосибирске. Дали нам сахар и буханку хлеба. Но чемодан со всеми фотографиями ночью украли. Ничего не осталось.

Обратно ехали в пассажирском вагоне. Вернулась домой через 4,5 года и ничуть не выросла за это время. Дедушка, когда увидел меня, удивился. Потом долго болели ноги, врачи сказали, что расту. Расти перестала от голода.

Так я стала жить у бабушки с дедушкой в Сигулде. Пошла в школу. Закончила семилетку, пошла учиться дальше, но пришлось идти работать, потому что выжить было трудно. Мне было 17 или 18 лет, когда начала работать. Хорошо, что были у меня бабушка и дедушка, которые меня воспитали. Прожили они до 1960 года... В 1956 году я вышла замуж. Когда начала работать, старалась о Сибири не упоминать, боялась, что куда-нибудь не примут. Даже сейчас, когда я работаю в агентстве по авторским правам, бухгалтер сказала мне, что если бы знал начальник, не принял бы на работу...

Совершенно случайно я узнала от соседа, который вернулся из Сибири, что он как врач был в том лагере, где отец. Он рассказал, что отец прожил всего пару месяцев, так как днем тяжело работали, а по ночам были допросы. Отца похоронили в Соликамске. В архиве нигде нет даты его смерти. В архиве же я получила справку, что преступление его заключалось в том, что он был дирижером хора айзсаргов и за организацию Праздника песни награжден орденом Трех Звезд.

Страх меня так и не оставлял всю жизнь. Реальный он был или нереальный, но в безопасности я себя не чувствовала никогда. Так была перепугана, что хватило на всю жизнь. Воспоминания со временем стерлись. Но когда началась Атмода, все припомнилось. Детей нет. Может быть, от страха. В 1949 году бабушка с дедушкой даже вещи собрали. Но тогда люди уже что-то замечали, знали. Мы даже сухарей насушили, ждали, что заберут, но Бог миловал.

Почему так случилось? В 1941 году он начал с интеллигенции. Ее надо было уничтожить... Увезти отсюда как можно больше латышей... Если виной можно считать, что отец был дирижером хора айзсаров и был награжден орденом Трех Звезд, то и остальные, очевидно, были в том же виноваты. Так что надо было уничтожить не только отца, но и всю его семью.

Хоть бы это не повторилось. Так пришлось страдать детям и старикам.

73-летнего Микелиса Бружиса и 70-летнюю Эллу Бружис 14 июня 1941 года выслали как социально опасный элемент. Микелис был инженер-химик, стройподрядчик, в 1936 году издал книгу "Миропонимание". Микелис Бружис погиб от голода в Соликамском лагере, Элла Бружис, не имея известий о близких, в Сибири покончила жизнь самоубийством.

Отец Винеты Аугустс (в последнем ряду второй справа)
и мать Марта (в третьем ряду третья справа) с участниками хора в Латвии

ТАМАРА АУСТРУМА (ЯНСОНЕ)

родилась в 1925 году

Я родилась в Латгалии, в Капиньской волости, а когда ее ликвидировали, мы переселились в Аглонскую волость и до 1940 года жили в Аглонском волостном доме. Я училась в Яунаглонской женской гимназии, это монастырская школа. На Праздник песни в Даугавпилс я не поехала, потому что отец предупредил, что в Даугавпилс входят русские войска и ожидается смена власти, будет другой государственный строй.

Помню, это был базарный день, по улице Аглонас шла группа людей с красным флагом. Крепкие парни с закатанными рукавами, с поднятой и сжатой в кулак рукой шли по улице. Мама затащила нас в дом, на улицу велела не выходить. Но в волостной дом они все же не вошли, митинговали на базарной площади. Это было первое впечатление от прихода русских – неорганизованное шествие и крики «ура!».

Поползли слухи, что в соседней волости, в Дагде, эти люди врывались в дома. По вечерам мама сажала нас в лодку, и ночевать мы ехали на остров. Отец оставался на месте. К нему пришли заместители – те самые парни, что шагали по улице с поднятыми кулаками. Но отец нашел с ними общий язык. В сентябре избрали новый сельсовет. Они предложили отцу работу в Аглонской мужской гимназии. Перешли жить в монастырский дом. Было это уже в 1941 году.

Сюда на завтрак и на обед приходили ученики сельскохозяйственной школы, которая год просуществовала при Аглонской мужской гимназии. Там я встречалась с теми, кто еще не уехал на летние каникулы. Вечером они приходили в монастырский сад играть в мяч или просто поболтать, попеть.

Помню, это был базарный день, по улице Аглонас шла группа людей с красным флагом. Мама затащила нас в дом

В Аглоне образовалась комсомольская группа. Комсомольцы пригласили меня участвовать в их театральной группе. В комсомол не вступила, как звали, но на репетиции ходила, была суфлером.

В 1941 году отец работал в сельскохозяйственной школе, и его послали на неделю на курсы, учиться, как нужно работать в советское время. Школьный товарищ мне шепнул, что в Даугавпилсе учеников старших классов посадили в тюрьму и переведут в Ригу.

14 июня брат рано утром ушел на озеро, я еще спала. Накануне вечером вернулся отец. За дверью я услышала шум, через окно увидела знакомые лица. Они вошли, велели быстро встать. Я решила, что отец в чем-то провинился. Я еще раньше видела разъезжавшую черную машину, так называемую «черную берту», на которой увезли ребят, изорвавших портрет Сталина. Отец тогда сказал маме: «Знаешь, может настать день, когда «черная берта» и меня увезет. Приготовь мне пару комплектов белья». А меня еще до отъезда попросил спороть с фуражки айзсарга золоченый кант и снять звездочки с формы. Я выполнила его просьбу, и сейчас, когда в дом пришли чужие, была рада, что, если они откроют шкаф, увидят просто зеленый костюм. Они потребовали оружие, отец объяснил, что сдал его.

Они вошли в кухню и приказали всем быстро одеться. Возле моей двери встал солдат с раскосыми глазами и винтовкой со штыком. Это меня испугало и я надела пальто. Комиссар Каралюнс, которого мы знали, сказал: «Близится война, вас надо переселить из базилики в другое место. Быстро возьмите все необходимое, остальное мы пришлем». Сестренке было три месяца, мама ее кормила грудью. Среди пришедших

был и мой школьный товарищ Янис Индриковс. Помог даже собрать детское белье и взял из шкафа ящик с детскими игрушками и тоже положил к остальным детским вещам. Мама постелила на пол простыню, вынула из шкафа одежду вместе с вешалками и завязала в узел. У нас было два чемодана и узел.

Позвали брата с озера, он пришел босиком, когда мы уже садились в машину. Мотор не заводился. Это был единственный грузовик в хозяйстве, и шофер отказался везти отца. За руль заставили сесть его сына Язепса, моего школьного товарища. Комиссар сел рядом с шофером в кабину. В машине косоглазый велел отцу лечь на дно кузова. Отец только присел на корточки, но его заставили лечь. Вдоль бортов с каждой стороны сидело по трое солдат. Ехали через деревню Сомерсетас, и мы поняли, что они не хотели, чтобы люди видели, что нас увозят.

В Аглоне на станции было полно народу с тюками. Многие были из Прейли, их мы не знали. Были и мальчики, которые напали на Язепса; «Ты чего привез Тамару!» Тот потупился. Комиссар велел отцу запастись едой на три дня. Отец пошел в магазин и принес две баночки шпрот, сахар и несколько буханок хлеба.

Нас подвезли к вагонам – четыре товарных вагона. Целый день стояли, пока привозили все новых людей из Прейли. В маленьком вагоне нас было 18 человек. Я устроилась у окна. В полночь в вагон привели женщину – Соню Мейерсон, она весело со всеми поздоровалась. Она была еврейка, небогатая, мы так и не поняли, за что ее взяли.

В Даугавпилсе вагон с мужчинами отцепили. Когда переезжали границу, женщины плакали. В вагоне я была единственная девочка среди ребят, и даже несколько гордилась этим, и в то же время было неловко, что я среди тех, кто рисовал плакаты.

Из окна видела старые избы под соломенной крышей, на вокзале люди несли хлеб просто в руках, мне это показалось неэстетичным.

Подруга моей мамы была портнихой, я видела, как она простегивает теплую подкладку для пальто. Точно такую же подстежку я увидела на людях и подумала – видно, ждали войну, и некогда было надеть ничего сверху. Потом только узнала, что это фуфайки.

На вокзале дали ведра и четверо самых сильных из вагона ходили за водой и на кухню за супом и кашей. Делились тем, что каждый захватил с собой.

У всех начались проблемы с желудком. А ребенок вел себя прекрасно – все время спал.

В пути поразили голубые купола церквей.

Интересно было слушать разговоры женщин. Одна была настроена пессимистически, как моя мама. Беженкой во время Первой мировой войны она жила в Омске, где выучилась на медсестру. Она сказала: «От них всего можно ожидать, и расстрела».

В Новосибирске рядом с нашим составом остановился локомотив. Мы узнали, что началась война.

Запомнилось, как по ночам вдоль дороги светились светлячки.

В Канске нас высадили и отвели в здание школы. Уселись на свои вещи на полу. Приехали нанимати – очевидно, председатели колхозов – выбирать рабочую силу. Сначала отобрали семьи без маленьких детей. Мы остались последними. Потом нас посадили на лошадей и повезли за 100 километров. Ехали пять дней – дороги глинистые, грязь. По дорогам бродили куры и коровы. В самом конце деревни остановились переночевать, развели костер. У колхозников и у самих есть было нечего, но они приносили нам все, что могли.

Жили у хозяев. Сами они ходили на работу в поле и охотно нас приняли, потому что у нас был малыш и мама все время находилась дома, так что они не беспокоились, что их обворуют.

Дня через три-четыре пора было выходить на работу. Вдоль дороги были насыпаны кучи песка, нам выдали лопаты, надо было раскидать песок на дорогу. Вечером за работу дали красивый выпеченный в форме белый хлеб. Вначале давали по полбуханки, потом столько, сколько каждый заработал.

Брат, хоть и младше меня на год, был сильный и проворный мальчишка, его поставили пасти диких лошадей. Табун из 24 лошадей. Он выбрал лучшего, учился запрягать. Иногда он приносил овес, вымачивали его, варили кисель. Меняли простыни на молоко. За одну простыню колхозники давали 30 литров молока.

16 августа у меня был день рождения, мама сожалела, что подарить мне нечего. Хозяйка, услышав это, пошла в огород, вырвала красивую свеклу вместе с листьями и подарила мне.

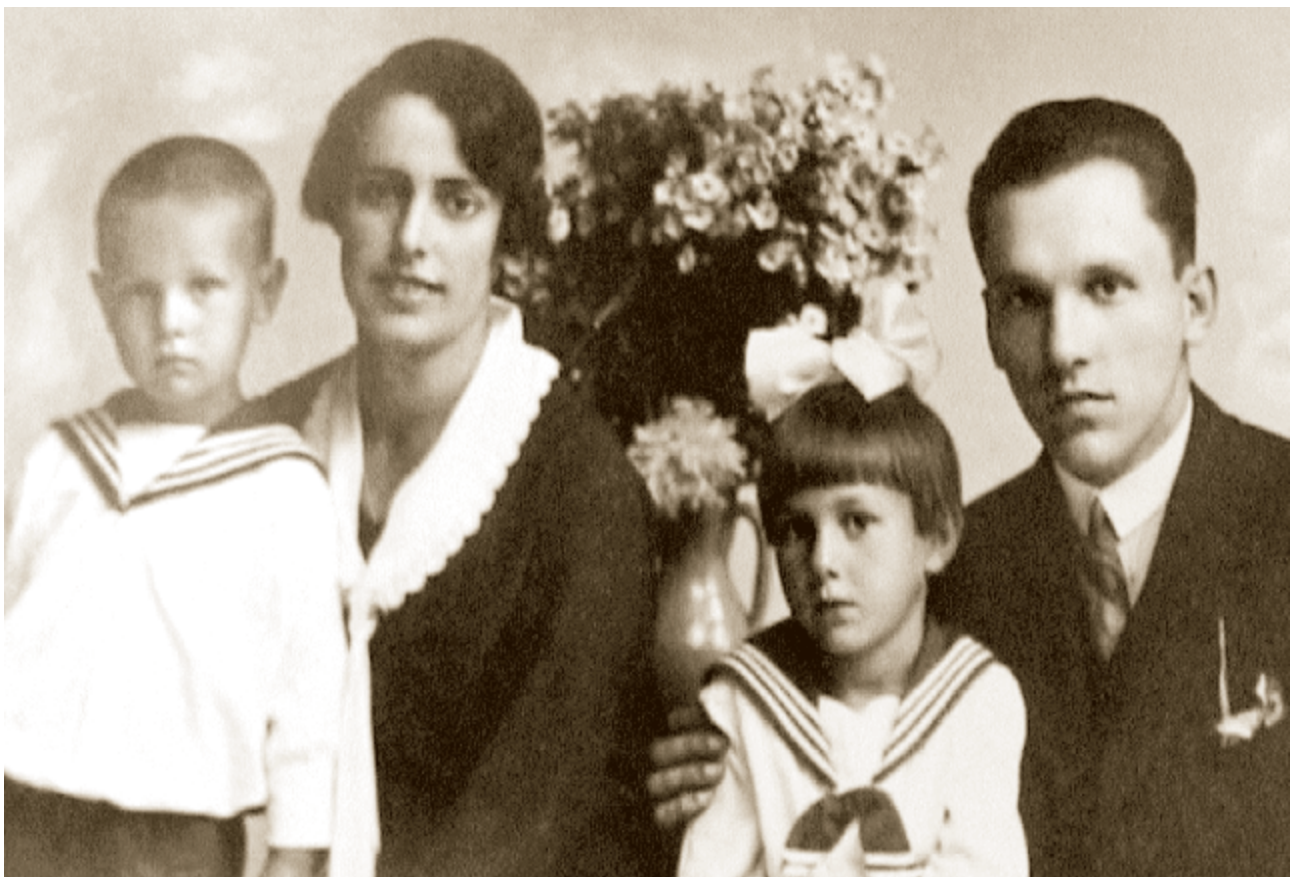
Хозяева держали нас, пока мы могли им что-то давать – красивый вышитый носовой платочек или еще что-нибудь. В том колхозе пустовали дома, хозяев которых в 1937 году выслали. Нам выделили один такой дом. В погребе мы нашли свеклу и морковь.

В деревне был детский сад, а так как мама говорила по-русски, ее попросили работать нянечкой и присматривать за детьми.

Мама все время интересовалась судьбой отца, с самого приезда. Очень помогла и нам, и другим ссыльным мадам Диманте. Она переписывалась со своими родственниками из Даугавпилса – евреями. Оказалось, что в Сибири есть целая еврейская республика. Через них мы узнали, что отец находится в Вятлаге. Диманте послала ему наш адрес, и отец стал писать.

В то время надо было платить очень большой военный налог. Мама отправила меня на рынок за 20 километров, чтобы я продала папины брюки. Черные, красивые, в тонюсенькую полоску. Отец был поклонником художника Падегса и всегда красиво одевался. Брюки продала быстро и зашла в магазин – на полках было только мыло, спички и парфюмерия. Купила флакон духов «Эллада». Заплатила два червонца и пошла к выходу. Два парня открыли мне дверь – выпустить. Деньги лежали в кармане, и я пустилась домой – обрадовать маму. Прихожу, смотрю – нет денег. Базар был только по воскресеньям. В следующий раз мама пошла сама, продала свое платье и заплатила налог.

Меня отправили учиться на тракториста, но сильной я не была. И меня взяли учетчиком в бригаду. Брат по-прежнему был при лошадях, это было так красиво – он мчится впереди, а за ним табун из 25 лошадей. 1 мая 1942 года председатель собрал репрессированных женщин и сказал: «Вы поедете дальше». На лошадях нас привезли в центр – туда, где я потеряла деньги, – всех собрали и повезли в Канск. А так как мама была с маленьким ребенком, ее отправили обратно. Но один из отправлявших нас, узнав, что у мамы есть красивое папино пальто, разрешил и нам остаться. Нам надо было отработать три месяца. Я работала на кирпичном заводе. Потом, в августе, 100 километров до Канска шли пешком. Маму привезли на лошадях. В Канске нас посадили на поезд, привезли в Красноярск, где мы прожили две недели, потом в Злобино работали на строительстве моста. Потом нас отправили в порт, посадили на пароход. По дороге время от времени группу людей высаживали на берег. Мы с мамой решили ехать до конца. Добрались до Дудинки. Было



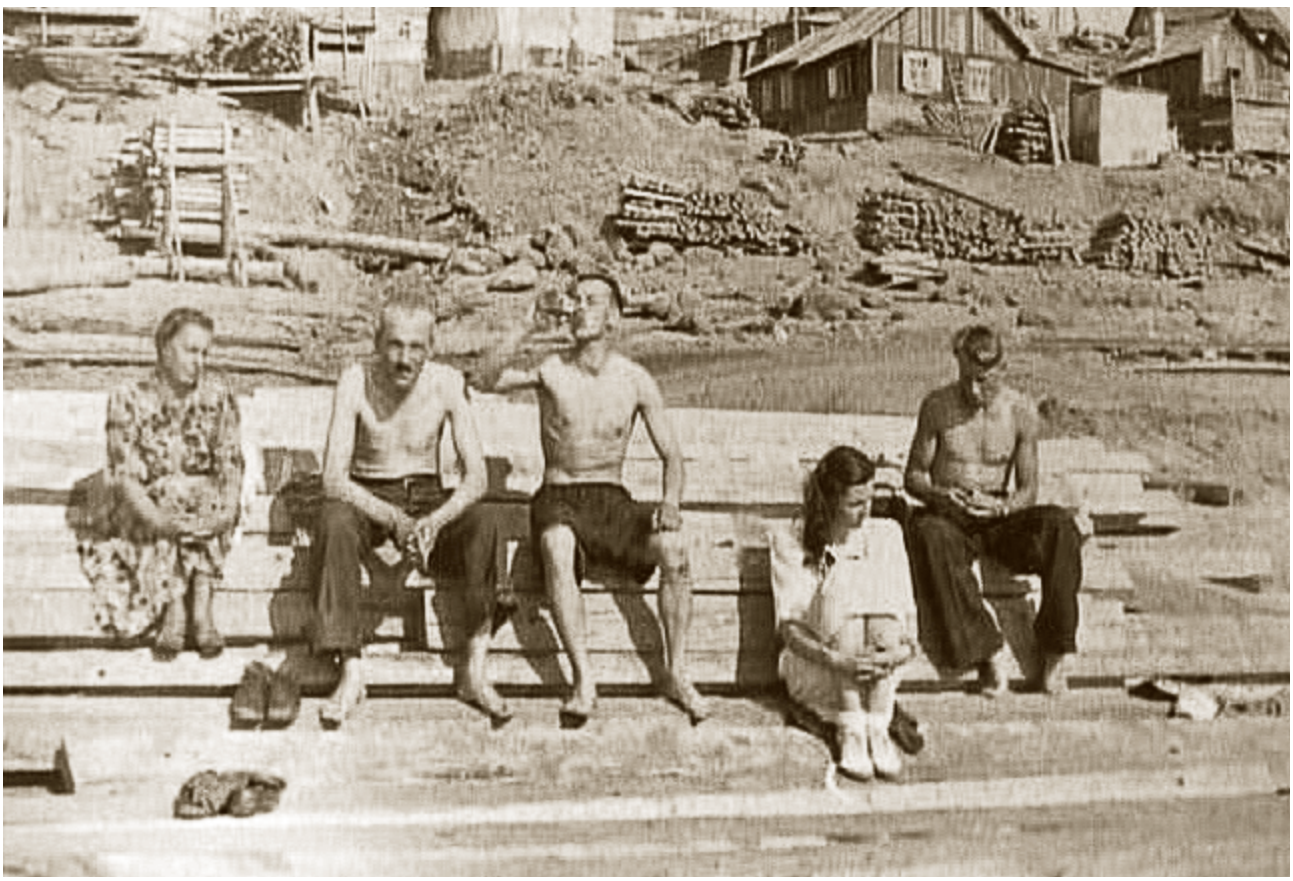
Отец Витолдс, мать Олга, брат Генадийс и Тамара в Латвии

холодно, на ногах летние туфли. Дали нам большую армейскую палатку на 80 человек. Ребенок плакал, еды не было. Стали строить бараки из бревен. Бревна крюками вытаскивали из шуги. Руководили постройкой поволжские немцы, которых не взяли в армию и которые жили здесь со своими семьями. Мужчины строили, женщины помогали. На берегу стоял сарай – «Рыбозавод». Из нас укомплектовали бригады и направили ловить рыбу. Когда лед на Енисее достиг 15 – 20 см, шли ловить. Крупную рыбу сдавали, мелочь можно было оставлять себе.

Пока строили бараки, жили в землянках. Спали вплотную, на каждого приходилось 50 см. В октябре сестренка заболела. В Дудинке уже была поликлиника, мы ее отвезли, и 30 октября сестричка там умерла. Сколотили маленький гробик, мы с мамой отнесли его на Пшеничный Ручей и на вершине горы похоронили. В то время умирали многие – вечером шли спать, а утром не поднимались. Три-четыре гроба каждое утро выставляли на улицу. Их надо было крепко-накрепко перевязать, потому что вокруг бродили волки и лисы. У многих детей умерли мамы. Люди с «Рыбозавода» выбили на вершине что-то вроде траншей. Укладывали завернутые в простыни или одеяла трупы. Занесет снегом – укладывали следующий ряд.

Брата и ребят его возраста следующей зимой взяли в Игарку, учиться на капитана или механика на маленьких рыболовецких судах. У мамы было медицинское образование, и после смерти сестры она осталась работать в Дудинке, в поликлинике. Так и проработала, пока была на Севере.

Я жила одна в Пшеничном Ручье, работала в рыболовецкой бригаде – зимой на подледном лове, летом ловили неводом. Рыбу ели утром и вечером. Когда с летнего лова я перешла на зимний, прислали из Астрахани калмыков, на войну их не взяли. Один калмык стал директором. Он закончил четыре класса, я восемь. Он направил меня в контору. Я ничего не понимала – кто бухгалтер, кто экономист. Ирония судьбы – математика в школе никогда мне не нравилась, и вот всю жизнь пришлось считать. Потом главным бухгалтером прислали женщину, мать моего будущего мужа. Я работала нормировщицей, сортировала рыбу, составляла годовые планы и возила их в Красноярск.



Тамара на причале в Дудинке, в Сибири

В апреле ночью там светло, как днем. Мы с подругой шли с танцев. Навстречу нам парень. Подруга говорит: «Смотри, сын бухгалтерши». Первое, что я заметила, его синие-синие глаза. Харис работал киномехаником, но директор стал возражать – нужна рабочая сила. И он стал мастерить лодки, а моя задача заключалась в том, чтобы отмерить, сколько нужно гвоздей, сколько досок. В 1948 году мы поженились. Свадьба была пышной – много рыбы, черная и красная икра. Все латышки были приглашены, всего нас было человек двадцать.

По-прежнему каждый месяц надо было отмечаться. Нас осталось четырнадцать.

В 1956 году меня освободили. Поехала домой в отпуск в июне 1956 года с мужем и сыном Алвисом. Потом на год уехали обратно – денег заработать. 27 июля 1957 года вернулись в Латвию насовсем. 10 августа устроилась на работу и проработала до 1989 года.

Об отце у меня особый рассказ. Он оказался в лагере вместе с министром Бирзниексом и доктором Шнейдерсом. Отец знал несколько языков. Когда в лагерь привезли первых пленных немцев, надо было вести учет. Так как отец был писарем и знал русский, он мог пригодиться лагерному начальству. В конторе «Лесное» рядом с Бирзниексом и Шнейдерсом он проработал 10 лет, потом на пять лет был сослан в «Долгий Мост». Отец приехал, а к тому времени мой Харис уже был знаменитым охотником и рыбаком, перевыполнял нормы, имел много почетных грамот, со своими изделиями участвовал во Всесоюзных выставках. Мы написали, чтобы отцу разрешили провести эти пять лет с нами. В 1951 году он прилетел, седой. Последний раз я видела его 37-летним, темноволосым. Отец не мог поверить, что сестренки нет в живых. Он ничего нам не рассказывал. Я хотела бы встретить тех, с кем отец находился в ссылке, чтобы больше узнать о его жизни там.

В Дудинке он прожил все пять лет, осмелился даже написать, что сослан без причины, что нет за ним никаких грехов. В 1956 году отца реабилитировали. Но в Дудинке он проработал до 1960 года. По образованию он был еще и химик, построил в Дудинке аптеку, был ее директором. В 1960 году они с мамой вернулись в Латвию.

Сибирское село